

**Западная Сибирь:
история и современность**

Краеведческие записки
Выпуск XVIII

Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотечно-информационная система»
Нижевартовский государственный университет

Мира не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки

Выпуск XVIII

**Нижевартовск
2025**

ББК 26.89
3-30

Редакционная коллегия:

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета (ответственный редактор)

Белкина Е. П., заведующий краеведческим отделом
Центральной городской библиотеки им. М. К. Анисимковой муниципального
бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Кабанова И. С., главный библиограф краеведческого отдела
Центральной городской библиотеки им. М. К. Анисимковой муниципального
бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Распопова С. Ю., заместитель директора муниципального бюджетного
учреждения «Библиотечно-информационная система»

Составитель: *Е. П. Белкина*

Ответственный за выпуск: *И. Е. Ивлева*

В оформлении обложки использована работа *Г. Г. Соколова*

Западная Сибирь: история и современность: краеведч. зап. Вып. XVIII / МБУ «БИС»; ФГБОУ ВПО «НВГУ»; сост. Е. П. Белкина; отв. ред. Я. Г. Солодкин. — Нижневартовск: Издательство ООО «ЮГРА БРЕНД», 2025. — 263 с.

Статьи в сборнике представлены в авторской редакции.

ББК 26.89

© МБУ «БИС» (издание), 2025

© Белкина Е. П. (составление), 2025

© Мельников В. Г., оформление разделов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

І. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Я. Г. Солодкин

«А запасу у них не было никакого»
(трагедия русского гарнизона Искера
зимой — весной 1584 — 1585 гг.) 8

В. В. Митрофанов

К вопросу об административно-территориальном
делении Западной Сибири в 1825 г.20

И. А. Силаева, Я. Г. Солодкин

Из истории отечественного сибиреведения рубежа XIX—XX вв.29

И. А. Силаева

Проблемы историографии истории
пушного промысла, пушной торговли
в Сибири XVII в. в трудах П. Н. Павлова41

О. П. Цысь

Дело сургутского священника Василия Кайдалова
о массовом крещении ненцев в 1860-х гг.54

И. А. Кислухина

Посёлок Высокий: начало истории70

Л. В. Алексеева

Малоизученные вопросы рыбного хозяйства
Сибирского Севера в годы Великой Отечественной войны76

О. В. Хозяинова

Развитие жилищно-коммунального хозяйства
в г. Ханты-Мансийске в 1970-е года в контексте
урбанизации региона95

Р. Ш. Сарьянова

Позовите меня на войну...,
или Вернитесь домой живыми!100

II. ЭТНОГРАФИЯ

Р. А. Ибраева

О берестяных набирках восточных хантов106

Е. А. Ульянов

Народная метрология обских угров116

III. ПРИРОДА. ЭКОЛОГИЯ

Л. А. Косполова

Становление заповедного дела
в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре
(на примере Кондо-Сосвинского заповедника
(«Малая Сосьва»))127

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Л. В. Алексеева, А. С. Асеева

Отчет о работе окружной библиотеки за 1942 год
(документальная публикация)139

М. Н. Мадьярова

Библиотеки Югры в годы Великой Отечественной войны146

О. Е. Новоселова

Личные библиотеки в составе фонда научной библиотеки
Нижневартовского краеведческого музея153

Л. О. Самолова

Наука как общее достояние:
издания из редкого фонда библиотеки им. Д. И. Менделеева158

Ю. А. Сидорова

Актуальные форматы мероприятий:
опыт использования игровых механик в краеведении165

V. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

В. В. Будаева

Народное судостроение в коллекции фотопозитивов
Нижевартовского краеведческого музея:
изучение и сохранение исторического наследия172

Г. В. Иванова

Металлические подвески коренных народов Севера
в коллекции этнографии нижевартовского краеведческого музея
и аналогичные предметы в музеях Западной Сибири180

VI. 80 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Л. Д. Кашина

Жизнь, отданная Северу (к 100-летию со дня рождения
ветерана Великой Отечественной войны Д. В. Шлябина)191

Л. Л. Телегина

Одна из детей блокадного Ленинграда
(светлой памяти Иды Павловны Александровой)214

В. В. Цысь

Деятельность МАУ «Экоцентр» г. Мегиона
по изучению и сохранению исторической памяти
о Великой Отечественной войне в 2020-е гг.217

VII. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. И. Лексина

«Замысловцы», вперед - к достижениям!
(30-летию ЛИТО «Замысел» посвящается)224

VIII. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

Т. Г. Думенко

Руководитель пяти школ
(очерк об Александре Алексеевне Шароглазовой)235

В. Ф. Струсь

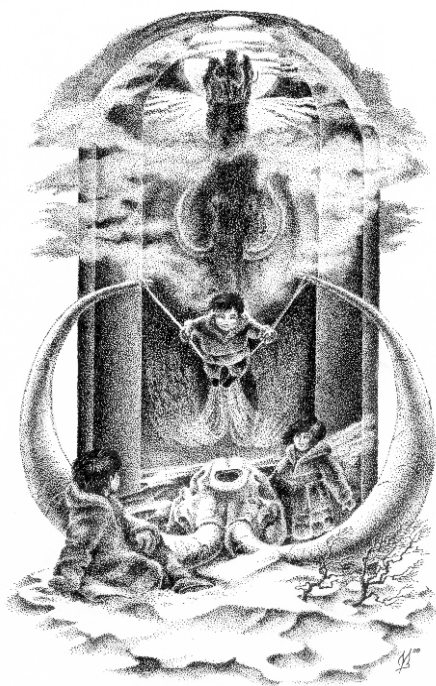
Мифы и легенды села Зенково
(отрывок из краеведческого повествования
«Летопись села Зенково и окрестных деревень»)239

Д. Д. Шлябин

Вырасти сад на Севере!252

НАШИ АВТОРЫ261

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

**«А запасу у них не было никакого»
(трагедия русского гарнизона Искера
зимой — весной 1584 — 1585 гг.)**

*300-летию приезда из Германии в Россию
Г. Ф. Миллера, будущего великого ученого,
«отца сибирской истории», посвящается*

В 1725 г. произошло событие, сейчас известное немногим, но имевшее важные последствия, прежде всего, рождение спустя около полутора десятилетий целой отрасли научного знания — сибиреведения, включая историю, этнографию, религиоведение, археологию, лингвистику, географию, геологию.

Погодинский летописец (далее — ПЛ) — единственная среди многочисленных редакций повести «О Сибири и о Сибирском взятии» тобольского владычного дьяка Саввы Есипова, содержащая выдержки из утраченных впоследствии документальных материалов, включая «скаска» «ермаковых казаков», — сохранил немало уникальных данных о судьбе отряда воеводы князя С. Д. Болховского, прибывшего в Искер (Кашлык), дабы помочь разгромившей Кучума «храброй ... и единомысленной» «дружине». (А. П. Ярков заблуждался, утверждая, будто названный воевода происходил из «литвы дворовой», так, представитель этого захудалого княжеского рода Иван Романов сын значится еще в документах начала 1520-х гг. [22, с. 69 — 70, и др.]. С. З. Раздыков же, полагая, что Ермак, «практически не встречая значительного сопротивления, дошел до Искера» [29, с. 105], не принял во внимание как минимум сражения близ урочища Баба-сан и Чувашева мыса.) Вопреки мнению А. П. Богданова, известие Забелинского летописного свода конца XVII в. о том, что зауральский поход на выручку ермаковцам возглавлял князь И. Киселев [5, с. 713], а не Болховский, должно считаться легендарным, да и сведения о князьях Киселевых в источниках эпохи позднего средневековья отсутствуют.)

Как писал Есипов, в 7091 (1582/83) г. в Сибири наступил «глад крепок», и когда отправленные Иваном IV служилые люди достигли Искера, где вслед за разгромом «кучумлян» «под Чювашею» водворилось «товарство» Ермака, «наипаче же гладу обдержашу», т. е. он усилился, и в ту пору, «зимнею годиною» (это выражение мы встречаем в «Летописной книге» о Смутном времени и Основных редакциях «исторических повестей», созданных следом в Тобольске и Соли Вычегодской [38, с. 22, 63]), «мнози же голодом и умроша» [28, с. 60, ср. с. 138, 189, 247, 258, и др.]. В ПЛ же сообщается (вопреки представлению ряда историков [см., напр.: 8, с. 536; 14, с. 129; 16, с. 401; 19, с. 484]), что отряд Болховского вступил в недавнюю ханскую столицу вскоре после гибели бесстрашного атамана, которого сподвижники прозвали Токмаком и Поволжским. Рассказ софийского дьяка, запечатлевший, думается, воспоминания ветеранов «Ермаковой эпопеи», склоняет к заключению о том, что этот отряд очутился в Искере не в первые недели зимы, и тем самым противоречит известию ПЛ о встрече «присыльных» в Сибирь служилых и даточных людей с вольными казаками, накануне лишившимися своего бесстрашного «старейшины». (Указанная В. П. Марченко дата «завоевания» Искера Ермаком — 14 марта 1583 г. [17, с. 696] — в специальной литературе нам не встречалась [39, с. 10, 14, 15, 48, и др.]. Вступление в этот город казачьего «войска» нужно относить к последней декаде октября 1582 г. В «Повести летописной», «откуда начаяся царство бисерменское в Сибири...», как называется ПЛ, первый воевода, отправленный за Урал, когда в Москве узнали об «одолении» Кучума «дружиной» Ермака, все время, 8 раз, представлен Волконским. Быть может, это произошло не потому, что редактор есиповского «Сказания» располагал его списком с таким чтением, а в ходе копирования «скаска» вернувшихся из Искера служилых людей, отложившейся в архиве Посольского или Казанского приказа [42, с. 33, примеч. 84].)

Указание автора этого «Сказания» на отправку войска Болховского в Сибирь в 7091 г. (насыщенного, по сведениям владычного дьяка, многими событиями [38, с. 22 — 23, 72]), несомненно, анахронистично, в чем убеждают царская грамота прикамским «магнатам» Строгановым от 7 января 1584 г. [19, с.

336 — 337] и ПЛ. К тому же, если пребывание сеунчиков «Ермаковой дружины» в Москве относится к 7089 (1580/81) г. (так считал первый среди известных нам поименно тобольских летописцев [28, с. 56 — 58, ср. с. 132, 133]), то почему, следуя распоряжению Ивана IV, Болховский двинулся за Урал спустя много месяцев? Даже в случае выступления туда воеводы, прежде служившего вторым курмышским «градодержателем», в начале 7091 г., т. е. ранней осенью 1582 г., отряд ратников как минимум из четырех уездов явно не мог успеть в Искер до наступления зимы. (Разрядные записи позволяют заключить, что Болховский провел 7091 г. в Курмыше, а в Сибирь, побывав в Москве, предположительно отправился только осенью 1583 г.; вскоре же воевода на несколько месяцев задержался в Пермском крае [19, с. 484; 39, с. 36, 198; 40, с. 46 — 47].)

Согласно ПЛ, войско Болховского, «товарищами» которого являлись головы (видимо, стрелецкие) И. В. Глухов и И. Киреев, включало сотню казанских и свияжских стрельцов, сотню пермичей и вятчан, сотню «иных ратных людей», скорее всего даточных. Повторенное, к примеру, Н. А. Березиковым известие поздней Ремезовской летописи (далее — РЛ) о 500 стрельцах, имевшихся в распоряжении Болховского [4, с. 113], должно считаться ошибочным. В Сибири, впрочем, под началом захудалого князя Звенигородского дома могло оказаться не 300, а 250 — 270 человек [41, с. 425].) Киреев сразу после прибытия в Искер возвратился обратно (нужно думать, не через территорию Коды, как порой считалось, а тем же путем, что очутился за Уралом [39, с. 111]), сопровождая с группой ермаковцев и служилых людей плененного «резвыми» казаками лучшего ханского полководца султана Маметкула. (Возможно, ратники из этого отряда вернулись в Сибирь с войском И. А. Мансурова, который, «убоявшись» вступить в сражение с татарами, собравшимися близ Искера осенью 1585 г., только не в сентябре, как полагали Е. А. Рябинина и Д. Н. Маслюженко [33, с. 384], а через две — три недели, поплыл вниз по Иртышу и вскоре «срубил» острог — первый в Сибири — на берегу «великой» Оби [28, с. 64, 135; 38, с. 47, примеч. 63]).

Как читаем в ПЛ, «а запасу» у них («русских людей», «присланных» с Болховским. — Я. С.) не было никакого». (Говоря об

этом, безвестный тобольский «слогатель», вероятно, допустил преувеличение [40, с. 49, примеч. 23]). Многие из названных ратников, если верить анонимному летописцу, «померли от скудости хлебные». С точки зрения А. Т. Шашкова и А. П. Зыкова, стрельцы, отправлявшиеся за «Камень», выполняя приказ неопытного воеводы, оставили продовольствие на Тагильском волоке [9, с. 120; 46, с. 621; 47, с. 37, и др.; ср. 1, с. 26]. Скорее оно было израсходовано по пути в Сибирь, о чем писал Р. Г. Скрынников, да и передано для нужд гарнизона Верхтагильского городка. Но мнение того же видного историка 1960-х — 2000-х гг., будто запасы продовольствия стрельцы Болховского бросили и на уральских перевалах [36, с. 252; 40, с. 50, примеч. 25; 43, с. 93], едва ли справедливо.

Благодаря ПЛ мы узнаем о том, что «все присылные люди (возглавляемые князем Болховским. — Я. С.) померли ... в Старой Сибири (недавней столице «Кучумова царства». — Я. С.) з голоду, осталось толко ермаковских казаков девяносто человек». Перезимовав в Искере, Глухов «на лето, как вода вскрылась, пошел ис Сибири через Камень, «убояшась тут жити» и будучи «беззапасны (эта лексема, заметим, представляет собой стилистический штамп [2, с. 33, 478; 3, с. 270, 341; 27, с. 255]) до конца» (такое случалось и со временем [25, с. 141; 27, с. 265 — 266; 28, с. 169]), и по Оби и Соби добрался до «Пустозера», т. е. Пустозерского острога; туда «русские люди (в том числе из «полка» Болховского, затем Глухова. — Я. С.) вышли вьсе», вероятно, в 7093 (1584/85) г., вслед за «убиением» Ермака 5 августа предыдущего года [28, с. 133 — 135, 137, ср. с. 62, 63]. (Указанный путь, кстати, использовался как минимум до конца первой четверти XVII в. и не был заброшен даже спустя три с лишним десятилетия [28, с. 164; 34, с. 223, примеч. 6, и др.]. Это обстоятельство, между прочим, опровергает заключение Е. К. Ромодановской и А. Т. Шашкова о возникновении ПЛ, где сообщается об функционировании данного маршрута только ранее [28, с. 135], если не протографа «Повести летописной ...», самое позднее в начале «бунташного века».) А. Г. Нестеров, умолчавший о князе Семене и представленном московскими и сибирскими книжниками воеводой Иване Васильеве сыне, подобно Е. А. Рябиной, Д. Н. Маслюженко и В. В. Трепавлову, упоминал об

уходе из Искера лишь казаков [13, с. 209]. Заметим, что настаивать на достоверности сообщения ПЛ о количестве «остальцев» войска «велеумного» атамана, покинувших вместе со стрелецким головой бывшие владения Кучума (так ранее часто считали ученые [13, с. 209; 39, с. 160, 162 — 163, 181, ср. с. 143, 158, 207 — 208, примеч. 44; 40, с. 50, примеч. 27; 41, с. 425; 42, с. 33, 36, и др.]), безоговорочно не стоит, ибо приведенная накануне цифра встречается в известной сибирским книжникам XVII в. «Казанской истории» [26, с. 93, 113, 367].

Во всех редакциях летописи Есипова бегство «к Руси» казаков после убийства «злочестивыми» Ермака «з дружиною его» вслед за «Кратким описанием о Сибирстей земле ...» объясняется тем, что остававшиеся в Искере во время рокового похода их «товарищей» на Вагай «сидельцы» «убояшася жити во граде» [13, с. 886; 28, с. 34, 40, 63 — 64, 74, 87, 96, 114, 125, 138, 185, 250, 258, 311, 315, 345, 364, 368, ср. с. 73, 78, 189]. Лишь в «Повести летописной ...» сказано, что русские, напомним, сделались «безопасными» «до конца» [28, с. 135; 40, с. 51, и др.]. (В трех поздних редакциях Сибирского летописного свода утверждается, будто казаки отплыли из Искера «со всякими запасами» в стругах [28, с. 250, 311, 364], но сообщение уцелевшего в единственном списке 1680-х гг. ПЛ заслуживает большего доверия, ибо восходит к ранним источникам.)

Редактор сочинения Есипова «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», как и в других случаях [38, с. 113; 39, с. 42, 171, 200], упоминал о том, что в бывшей столице Кучума умерло то немало ратных людей, прибывших «с Руси», то все они, а также указывал на смерть многих ермаковцев (о чем в тобольской владычной летописи 1636 г. мы не прочтем) [28, с. 61, 133 — 135].

В «словесах» Есипова страшный голод в Искере, унесший жизни почти всех стрельцов [15, с. 51; 36, с. 252; 39, с. 12, 177, 193, 205] (едва ли, однако, вымерли все без исключения ратники Болховского, кроме его «товарища» Глухова, о чем писала Н. А. Миненко [20, с. 38], а поначалу Р. Г. Скрынников) и, вероятно, большинства сподвижников Ермака, приурочен к 7091 (1582/83) г. В. В. Трепавлов сперва следовал этой датировке, но затем подобно Н. М. Мельникову и А. В. Матвееву нашел, что

численность русского гарнизона «Кучюмовской Сибири» сильно уменьшилась год спустя (хотя занятие Искера Али — старшим сыном и преемником Кучума — после ухода оттуда казаков отнес к началу 1586 г. вместо, на наш взгляд, мая или июня предыдущего) [10, с. 16, 29 — 30, ср. с. 69, 187; 18, с. 26; 37, с. 137; 39, с. 137, 156, 179, 192; 44, с. 33, 159, ср. с. 68]. ПЛ подтверждает вывод ряда ученых о том, что «скудость хлебная», заставившая уцелевших в голодные месяцы «христианских воев» из-за «малолюдства» (тогда как «агарян» было множество) [14, с. 129; 28, с. 250, 311, 345, 364; 39, с. 154 — 155, 176 — 177] оставить прежний «царя Кучюма город», относится к 1584/85 г. [8, с. 536; 12, с. 30; 16, с. 401; 19, с. 484; 21, с. 155; 24, с. 42; 41, с. 427, и др.] (причем не только к зиме, но и к весне) [40, с. 53, 57]. Отряд Болховского, видимо, достиг бывшей ханской ставки у впадения Тобола в Иртыш в конце лета или, скорее, ранней осенью 1584 г. [39, с. 40, 188, 198; 43, с. 91, и др.], едва ли в ноябре, как на основании РЛ утверждал А. А. Введенский, считавший, что Глухов являлся «товарищем» Болховского уже в 1583 г. [6, с. 105, 109]. (А. А. Дмитриев, обращаясь к той же изобилующей анахронизмами летописи петровского времени, указывал на соединение рати Болховского с казачьим гарнизоном Сибири в 1585 г.)

Не стоит считать (такое мнение высказал В. В. Московкин), что воевода И. А. Мансуров, прибывший к Искеру уже осенью 1585 г., «отправился вниз по реке (очевидно, Иртышу. — Я. С.) вслед за Ермаковой ратью» [21, с. 155]. Ведь она, теперь уже под предводительством Глухова, двинулась обратно в конце весны — первые недели лета 1585 г., иначе говоря, почти пятью месяцами ранее [38, с. 47, 135; 39, с. 155, 156, 176, и др.]. (Судя по «Книге записной» — старшей из дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода — Искер был оставлен русскими «впусте с 93 (1584/85) году с начала». Спрашивается, однако, почему это произошло только через месяц после гибели Ермака, «испугавшей» Глухова, атаманов и казаков [28, с. 138]?)

Причину «гладной тесноты» [27, с. 252], которую не смогли выдержать Болховский и десятки ратных людей, отправившиеся вместе с ним за Урал, Е. К. Ромодановская (что повторили Д. И. Копылов и Н. И. Никитин) усматривала в осаде Сибири весной 1584 г. Карачей [30, с. 140 — 141; 31, с. 215, 216] —

прежде «думным» («думчим») Кучума, его карачи-беком, причем, вопреки взгляду Б. И. Галязимова, единственным. (Мнение А. П. Яркова, будто Карача получил ту же должность от Сейдяка [11, с. 31], сменившего в Искере Али, должно считаться гадательным. Как удалось выяснить известным современным историкам А. А. Селину и А. В. Белякову, бывшего ханского любимца, плененного в основанном накануне Тобольском остроге, звали Маметом или Мухаммедом.) Однако молодой воевода со служилыми и даточными людьми появился в Искере несколько месяцев спустя [39, с. 201], да и осаду этого города Карачей есть основания признать одним из многих вымышленных летописцами второй четверти XVII в. событий «Ермаковой эпопеи».

Пребывание там рати Болховского, которого, скоро умершего, сменил Глухов, заставляет отклонить вывод Е. А. Рябиной, будто с гибелью Ермака и «большей части его отряда русские войска вынуждены были поспешно покинуть уже «покоренную» страну» [32, с. 91; 45, с. 262, ср. 14, с. 129; 33, с. 384, 390, и др.].

Как представлялось некоторым тобольским книжникам, Болховский и Глухов приехали в Сибирь на воеводство [28, с. 138, 189], т. е. управлять новым царством («далечайшей вотчиной») московского самодержца. Напоминающая свидетельство Есипова такая оценка функций, вмененных этим «начальным людям», могла сложиться под влиянием административной практики конца XVI — XVII вв., осенью же 1584 г. Болховский и Глухов, призванные «разряд чинить» в «Сибирской земле» (с переименованием главного города которой русские власти не спешили), вероятно, обязывались закрепить успехи, достигнутые казачьим «полком», уже два года воевавшим против «кучумлян», «истеснять» «злочестивого» хана, «привести под высокую государеву руку», главным образом объясачить, население близких к Искеру «волостей и улусов». (В помещенной в «Академической истории Югры» работе Н. И. Никитина о пребывании ермаковцев в Нижнем Приобье, зачастую повторяющей давно опровергнутые историографические мифы, восходящие к РЛ, говорится о том, что отряд князя С. Д. Болховского очутился за Уралом в конце осени, причем без указания года, еще при жизни «ратоборного» «наставника» казаков, и сказано про громадные потери «русской стороны» в ходе «Сибирского взятия» [1, с. 26, 27]. Кстати, в

данном издании, претендующем на фундаментальность, отчего-то не нашлось места для подготовленной к печати главы об основании Березова и строительстве Сургута — первых и долгое время единственных городов Югорской земли, хотя эти события констатируются, признается также их значимость [1, с. 11, 13, 15, 85, 128, 145, 158, 213, 280, 292, 358, 359]. Очевидно, кто-то из горе-редакторов счел, что Березов и Сургут возникли задолго до конца XVI в., может быть, являются ровесниками Афин или Рима.)

Не стоит по примеру Н. А. Миненко [35, с. 180] утверждать, что силы Кучума блокировали в «старейшем граде» юрта «московских» стрельцов, допустимо лишь говорить о чинимых бежавшим оттуда «царем» и Али, а также владельцами соседних городков препятствиях для доставки «ястия» в Искер [39, с. 177 — 178; 40, с. 50, 52; 43, с. 92]. Скорее всего, большинство татарских и остяцких князцов, перешедших на сторону занявшего Сибирь Ермака, с гибелью прославленного атамана, точнее, осенью 1584 — весной 1585 г., отказались помогать «христианским воям», хотя бы в форме уплаты ясака. Очевидно, «кучумляне», не исключено, возглавляемые Али, обосновавшимся там сразу после «исхода» оттуда «противных», располагали гораздо более значительными силами, чем оставшаяся без своего предводителя казачья вольница, а также ратники, «начальными людьми» которых являлись Болховский и Глухов — в оценке многих тобольских летописцев, первые (и единственные) воеводы, отправленные за Урал Иваном IV [28, с. 138, 258, 315, 345, 368]. Попытки оборонявшегося в Искере «русского полка», редевшего день ото дня, прорвать кольцо окружения, нужно думать, оказались безуспешными.

На взгляд Н. И. Никитина, страшный голод «выкосил» «зимой в русском лагере едва ли не половину войска». Точнее, в самые холодные месяцы 1584/85 г. от голода и болезней, к примеру, цинги, умерло, возможно, до сотни «ермаковых казаков» [1, с. 31; 41, с. 427] и как минимум вдвое больше служилых и даточных людей, пополнивших гарнизон Сибири вскоре после гибели «прехраброго» атамана, малочисленный отряд которого ранее в считанные недели сумел «сбить» «с куреня» «бесерменского» хана.

Примечания

1. Академическая история Югры: в 8 т. Т. 3: Югра в составе Московского государства. — Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. — 416 с.: ил.

2. Акты Московского государства, изд. Имп. Академиею Наук под ред. Н. А. Попова, члена-корреспондента Академии. — Санкт-Петербург: Типография Имп. Академии Наук, 1890. — Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571 — 1634. — XLIV + 766 + I с.

3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Имп. Академии Наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — Т. III. — 496 + 26 с.

4. Березиков, Н. А. Сибирская экспедиция Ермака: военная тактика казаков // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: материалы регион. науч. конф., г. Новосибирск 21 дек. 2008 г. — Новосибирск, 2009. — С. 112-116.

5. Богданов, А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 1. — Москва: Альма Матер, 2024. — 839 с.

6. Введенский, А. А. Дом Строгановых в XVI — XVII веках. — Москва: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. — 308 с., ил.

7. Жуков, Ю. П. Торговые связи Западной Сибири и Средней Азии в XVI — XVII вв. (Историографический аспект) / Ю. П. Жуков, И. Г. Шишкин // II Тюменский музейный форум: сб. материалов, г. Тюмень, 20-21 окт. 2022 г. — Тюмень, 2024. — С. 92-96.

8. Зуев, А. С. Ермак // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск, 2009. — Т. А — И. — С. 535-536.

9. Зыков, А. П. Городище Искер — остатки города Сибирь // Искер — столица Сибирского ханства. — Казань, 2010. — С. 112-121.

10. Зыков, А. П. Город Сибир — городище Искер (историко-археологическое исследование) / А. П. Зыков, П. А. Косинцев, В. В. Трепавлов. — Москва: Наука, Восточная литература, 2017. — 559 с.: ил.

11. Ислам на территории Тюменской области: коллективная моногр. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. — 131 с.

12. История Сибири: в 5 т. Т. 2. — Ленинград: Ленингр. отделение изд-ва «Наука», 1968. — 538 с.: ил.

13. История татар с древнейших времен. В VII т. Т. IV. Татарские государства XV — XVIII вв. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. — 1112 с.: ил.

14. История татар с древнейших времен. В VII т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI — XVIII вв.). — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. — 1112 с.: ил.
15. Исахов, Д. М. Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., г. Курган, 21-22 апр. 2017 г. — Курган, 2017. — С. 49-52.
16. Исахов, Д. М. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз Мухаммеда в Касимовском ханстве / Д. М. Исахов, З. А. Тычинских // Золотоордынское обозрение. — 2023. — Т. 11. — № 2. — С. 397-410.
17. Марченко, В. П. Ватикан — Московия — Сибирь: XVI — XVII века. — Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2018. — 748 с.
18. Мельников, Н. М. Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели. — Париж: Родимый Край, 1961. — 147 с.: ил.
19. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 1. — 2-е изд., доп. — Москва: Восточная литература, 1999. — 630 с.: ил.
20. Миненко, Н. А. Тюмень. Летопись четырех столетий. — Санкт-Петербург: Русь, 2004. — 512 с.: ил.
21. Московкин, В. В. Первый русский город Сибири // Сибирский город: историческая ретроспектива и современные векторы развития: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 430-летию г. Тюмени, г. Тюмень, 20 мая 2016 г. — Тюмень, 2016. — С. 154-157.
22. Мошкова, Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА. Палеографические заметки (Статья четвертая) // Вестник «Альянс-Архео». — Москва; Санкт-Петербург, 2020. — Вып. 31. — С. 53-122.
23. Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург: Волот, 1997. — 145 с.: ил.
24. Очерки истории Тюменской области. — Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. — 271 с.
25. Полное собрание русских летописей. — Москва: Наука, 1965. — Т. XIV. Первая половина. — I + 154 с.
26. Полное собрание русских летописей. — Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1903. — Т. XIX. — XVI с. + 496 стлб. + 34 с., с ил.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 34. — Москва: Наука, 1978. — 304 с.

28. Полное собрание русских летописей. Т. 36, Ч. 1. — Москва: Наука, 1987. — 382 с.

29. Раздыков, С. З. Сибирское ханство и Казахская степь в свете геополитических интересов Российской империи // Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы: сб. материалов X Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы» (5-7 дек. 2024 г., г. Тобольск). — Киров, 2024. — С. 102-112.

30. Ромодановская, Е. К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни. — 1981. — № 12. — С. 134-141.

31. Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература. XVII век. — Новосибирск: Наука, 2002. — 390 с. — (Избранные труды).

32. Рябинина, Е. А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582 — 1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международ. конф., г. Курган, 22-23 апр. 2011 г. — Курган, 2011. — С. 90-95.

33. Рябинина, Е. А. Сейдяк и Ураз Мухаммед в сибирской истории / Е. А. Рябинина, Д. Н. Маслюженко // Золотоордынское обозрение. — 2023. — Т. 11. — № 2. — С. 380-396.

34. Семенов, О. В. Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). — Москва; Ханты-Мансийск, 2020. — С. 214-228.

35. Сибирские реликвии. Из собрания Тобольского музея. — [Б.м.]: Возрождение Тобольска, [б.г.] — 279 с.: ил.

36. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск: Наука, 1986. — 318 с.

37. Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. — Переизд. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. — 182 с.: ил.

38. Солодкин, Я. Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2017. — 330 с.

39. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2015. — 234 с.

40. Солодкин, Я. Г. Окончание «Ермаковой эпопеи» в изображении Погодинского летописца (К определению источников ряда уникальных известий «Повести летописной ...» о «Сибирском взятии») // Вестник

«Альянс-Архео». — Москва; Санкт-Петербург, 2023. — Вып. 43. — С. 40-64.

41. Солодкин, Я. Г. Потери «дружины» Ермака при завоевании Сибирского ханства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2022. — Т. 22, Вып. 4. — С. 424- 429.

42. Солодкин, Я. Г. Сибирское летописание XVII — первой половины XVIII вв.: спорные и малоизученные вопросы. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2018. — 146 с.

43. Солодкин, Я. Г. Экспедиция князя С. Д. Болховского и начало присоединения Сибири к России (Из истории «Ермаковой эпопеи»). Серия: История. Политология. Социология // Вестник Воронежского государственного университета. — 2022. — № 2. — С. 90-96.

44. Трепавлов, В. В. Сибирские царевичи в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. — Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018. — 496 с.

45. Тюменское и Сибирское ханства. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. — 558 с.: ил.

46. Шашков, А. Т. Избранные труды. — Екатеринбург: Баско, 2013. — 735 с.: ил.

47. Шашков, А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 4: Евразийское пограничье. — С. 8-51.

К вопросу об административно-территориальном делении Западной Сибири в 1825 г.

В бытность М. М. Сперанского генерал-губернатором Сибири, им был разработан, а императором Александром I утвержден известный «Устав об управлении Иностранцами». Документ, не имевший аналогий в истории государства Российского, да и мировой правотворческой практики. По его же инициативе Сибирское генерал-губернаторство была разделено на две части [3, с. 32-39]. По мысли И. А. Коновалова «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. реорганизовало систему местного самоуправления в городах Сибири» [3, с. 35]. Поэтому многое нужно было совершенствовать, прежде всего, отлаживать управление на местном уровне, обеспечивать своевременный сбор налогов и ясака с населения, решать другие многочисленные вопросы. К этому следует добавить катастрофическую нехватку чиновников среднего и низшего звена. На решение этих задач и были направлены изменения в административно-территориальном делении Западной Сибири в далеком 1825 г. Сведений об этом сохранилось немного, материалы хранятся в архивах, исследователи практически не обращали внимание на столь ценные сведения.

По названной теме, имеются хорошие издания, правда, относящиеся к более позднему времени. В 1909 г. был собран материал, а затем и опубликован список населенных пунктов Тобольской губернии [4]. Это издание сохранило названия, в том числе и давно исчезнувших с административной карты населенных пунктов. Заметим, что процесс этот объективный и объясняется социально-экономическими изменениями, проходившими на протяжении десятилетий.

Большое значение в сохранении истории населенных пунктов, сыграла книга, вышедшая под редакцией В. П. Петровой [1]. На основе в основном, печатных материалов, было проанализировано административно-территориальное деление региона за несколько веков. При этом сделана оговорка, что «сведения об образовании, переименовании волостей, сел и деревень составителями не выявлялись» [1, с. 3].

В Омском областном историческом архиве нами выявлен документ, под названием «О разделении волостей в Западной Сибири» [2], относящийся к 1825 г. Он касается разработки мер и предложений по изменению административных границ населенных пунктов, разбросанных по бескрайним просторам региона. Эти мероприятия явились средством реализации задач названного «Учреждения». Уже в 1825 г. Тобольский губернатор А. М. Тургенев (занимал должность с 12.12.1823 г. по март 1825), направил в ответ на донесение исправляющего должность тюменского исправника своё распоряжение от 16 февраля 1825 г. за №10 «Об упразднении волостей», где давалось указание: «Перевести по принадлежности исправно писарей определить по усмотрению Вашему. Способнейших и знающих совершенно свою обязанность с общего, однако же, согласия обывателей и беспристрастно о последующем донести мне в неукоснительном времени» [2, л. 5].

В рамках административных преобразований Тобольское Общее губернское управления 9 марта 1825 г. за №25 направило документ «О соединении волостей в Тюменском округе по канцелярии Главного управления» на имя генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капщевица, подписанный, кстати, вскоре неожиданно уволенным гражданским губернатором А. М. Тургеныным.

На документ, полученный в канцелярии 16 марта, была наложена резолюция: «Исполнить». Публикуемый документ касается территориальных преобразований: «Во исполнение воли Вашего высокопревосходительства имею честь поднести записку о соединении волостей и составлении жителей в пятисотенные участки по Тюменскому округу.

При сем долгом почитаю объяснить, что в Тюменском округе существует 2504 душ татар, обложенных податями и повинностями, исключен рекрутский набор наравне с крестьянами. Они так разбросаны по всему округу, что не предстоит никакой возможности соединить их в одну иноверческую волость, между тем по взысканию податей и повинностей где большею частью по упорству их возникают большие пререкания, должно их подчинить надзору волостного начальства.

Руководствуясь § 91 Устава об Иностранцах, надлежит теперь татарские селения приписать к ближайшим русским волостям и если Вашему высокопревосходительству угодно будет утвердить ее, то я имею честь присовокупить записку к каким именно волостям приписываются татарские селения. Гражданский губернатор. А. Тургенев» [2, л. 7-7 об.].

Приложенная записка представляет безусловный интерес.

**«Записка о причисляющихся к русским
татарских волостях и селениях»**

№	Звание оных	Количество причисляющихся душ	К каким именно волостям	Итого вообще с русскими составляет волость
	Татарской Кашегальской волости селения:			
1	Ембаевские (юрты)	38	К Городовой крестьянской волости	
2	Тураевские	9		
3	Мало-Каскаринские	44		
4	Больше-Каскаринское	91		
5	Ембаевские	84		
6	Матмасовские	9		
7	Казаровские	47		
8	Ново-Шабабинские	13		
	итого	335	итого	2848
	Той же волости		К Каменской волости	
1	Салаирские	61		
2	Тегенские	34		
3	Ахманские	29		
4	Верхне-Тарманские	64		
5	Нижне-Тарманские	40		
6	Искинские	93		
	итого	321	итого	2884
об	Кашегальской же волости селения		К Червишевской волости	
1	Больше-Акиарские	136		
2	Малое-Акиарские	6		
3	Чаплькские	31		
4	Островные	40		
5	Калагинские	32		

6	Кыштырлинские	84		
7	Андреевские	29		
	итого	358	итого	2895
	Оной же волости		К Покровской волости	
1	Есаульские	47		
2	Чикчинские	136		
3	Якушевские	31		
4	Муллашевские	37		
	Кретеченская волость вся, в коей	645		
	итого	896	итого	3396
1	Калымская волость в коей	285	К Антипинская волости	
2	Нердинская волость в коей	266		
	итого	551	итого	3063
Л 17	Кашегальской волости селения		К Тавдинской волости	
1	Кангембургские	24		
2	Киндеренские	13		
3	Черно-Ярское	6		
	итого	43	итого	3017
	Всех татар	2504		

Гражданский губернатор А. Тургенев» [2, л. 8-8 об.].

Следующий документ имеет название: «Записка о соединении волостей и состоянии жителей в пяти сотенные участки по тюменскому округу».

1	2	3	4	5	6	7
1	Городовая крестьянская	824	Городовая ямская - 517 из Новокрещенных - 110 от Троицкой- Луговское-193 Силькина-73 Фуфаева-63 Утемова-115 Гусельникова-197 Казанская-27 Багандинской Зайкова-83		В городе Тюмени	Селения чертою озна- ченные пока- зываются бывшие во- лости от назначенных

			Яровской Мысовское-117 ¹ Яровское-194 ² Итого-2513		
2	Каменская	1376	Оставшиеся от Троицкой волости Кулаковское-488 Коклягина-30 От Липчинской - Село Липчинское-148 Деревни: Шахарева-107 Бурмакина-94 Мельничная-48 Ярмолино-200 Лужбина-72 Итого 2563	Остается в селении Каменском	Мест к существованию
3	Усть-Ницинская	1109	Оставшихся от Липчинской волости: Шадрина-109 Овчинниково-78 <i>Решетникова-155</i> Елкина-140 Гольшева-83 Калугина-154 Галашево-80 Фоминская волость со всеми селениями в коих-1129	Остается в слободе Усть-Ницинской	Волостным управлением
4	Чернышевская	1234	Оставшимся от Богандинской волости: Гилева-80 Быкова-90 Антипина-191 Копытова-45 Килки-283 Княжева-84 Головина-107 Оставшиеся от Яровской	Чернышевская волость в селе <i>Зырянском</i>	Селения составляющие

¹ Надо заметить, что некоторые названия расходятся в написании в упомянутой нами книги «Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.)». Мы приводим название по документу, а в сноске указываем другое с указанием страницы: д. Мысовская (С. 52)

² д. Яровская (С. 52.)

			Село Мальковское-170 Паренкина-67 Субботина-109 Ошкукова-77 Итого 2537		
5	Покровская	852	Оставшихся от Ярвской Вилижанина-71 Созоновская волость вся в коей-932 Гилево-Липовской Селения: Южакова-59 Ярковское-138 Маранка-67 Новая-16 Щеткова-49 Исканское-96 ¹ <i>Боровое-86</i> <i>Маранское-93</i> Плавнова-41 Итого 2500	Покровской волости в слободе Покровской ²	Каждую во- лость
6	Антипинская	1145	Оставшиеся от Гилево- Липовской <i>Село Гилево-107</i> Селения: <i>Дубровное-93</i> Чебакова-35 Лысова-79 Березового Яра-114 <i>Чеганово-33</i> <i>Артамоново-140</i> Новоселово-41 Еланской Селения: <i>Брагино-62</i> <i>Турнаево-93</i> <i>Верхнесидорово-2000</i> Смирново-105	Антипин- ской воло- сти в де- ревне Не- влевой, где почтовая станция равно и перевоз	Составит в расстоянии

¹ Иская [1, с. 50]. На этой же странице имеются и другие населенные пункты, в названиях которых имеются разночтения (выделим их курсивом), например, село Гилевское, деревни: Боровая, Маранка, Дуброва, Чеганова, Артамонова, Брагина, Турнаева, Верхне-Сидорова, Нижне-Сидорова, Тараканова, Карагина, Осиновка, Торашковка, Антипина.

² Село Покровское [2, с. 51].

			Нижне-Сидорово-78 Тараканово-70 Карагинское-81 Осиновское-36 Итого 2512		
7	Тавдинская	1269	Оставшиеся от Еланской волости селения: <i>Трошково</i> -77 <i>Антипино</i> -184 Село Еланское 145 Вся Антроповская волость со всеми селениями в коих 1299 Итого 2974 А всего кроме соединенных во исполнении предписания его высокопревосходительства господина гражданского губернатора и кавалера Западной Сибири Тугулымской , (Гилевская) Карматской , Успенской и Переваловской причисляющимися к ним таковыми селениями 18636	Тавдинской волости в селении Летнем ¹	От 3-х и до 35 верст

Гражданский губернатор А. Тургенев
Правящий должность тюменского земского исправника» [2, л. 9-16].

Следовательно, приведенные названия населенных пунктов позволят дополнить сведения, касающихся Тюменского округа за 1825 г. В указанном издании приведены названия населенных пунктов за 1893 и 1912 гг. Встречающиеся же разночтения в названиях объясняется статусом населенного пункта: если поселение, то оканчивается на «о», если деревня — на «а».

Разбросанность и малочисленность татарских поселений уже в названной «Записке», причисляли к русским волостям. Хотя, процесс укрупнения управ продолжался и во второй половине

¹ Селения с таким названием нет [1, с. 51].

XIX века, когда инородческие волости также приписывались к русским.

К этому же времени относятся и сведения о вновь расположенных волостях в Туринском округе: «Волость Пелымская составляется из волостей Пелымской и Гаринской с присоединением 16 паулов волостей: Воргинской, Таминского, Озерского, Листвиничной, Розсошного, Кондинского, Верх-Пелымской, Похсынского, Ошмарского:

Тахтинской: Тахтинского, Каштамского, Лантавского, Мачинского;

Сосвинской: Малеевского (юрты), Нарыкарского, Комаратовского, Тихонского, Махтышевского¹ и Аренинского.

Волостное управление назначается в селе Пелымском, в коем состоят крестьян 29 душ, пространство сей волости в длину до 110 верст, в поперечнике до 70 верст. Границы оной к северу с волостью Верх-Пелымской, северо-востоку с волостью Больше-Кондинской, востоку-югу с волостью Табаринской, югу и западу Пермской губернией с Верхотуринским округом.

Число душ во всей волости будет крестьян 1389, вогуличей 231, всего 1620. Сел 3, деревень 71, паулов 15.

Иноверческая волость Верх-Пелымская составляется из волостей: Вагальской, Тохтинской, и Верх-Пелымской.

Управление волости назначается в пауле Торменском, в коем состоит вогуличей 23 души. Пространство оной с пустопорожними лесами в длину до 140 верст, в поперечнике до 100 верст. Границы оной к северу с Березовским округом, к востоку с Больше-Кондинской волостью, к югу с волостью Пелымской, к западу Пермской губернией с Верхотурским уездом число душ во всей волости состоять будет вогуличей — 224, паулов — 18.

Иноверческая волость Больше-Кондинская составляется из волостей Большой и Верхней Кондинских. Управление волостью назначается в селе Сатыгинском,

В коем состоит вогуличей — 26 душ.

Пространство сей волости с пустопорожними лесами в длину 155 верст в поперечнике до 130 верст.

¹ Этого и предыдущего населенного пункта нет [2, с. 38].

Границы оной к северу с Березовским округом востоко-югу с Тобольским округом и волостью Табаринской юго-западу с волостью Пельымской, а к западу с Верх-Пельымской волостью.

Число душ во всей волости состоять будет вогуличей — 486 душ. Сел — 1, паулов — 29.

Губернатор А. Тургенев» [2, л. 59-60].

Ценность этого документа заключается в описании границ волостей, их площади и самое главное численности населения, в том числе и местного населения. Следует констатировать, что огромная территории волостей была малонаселенной. Местное население было не только малочисленным, но и не проживало компактно, что существенно затрудняло создание инородческих органов управления. Поэтому поселения с местным населением присоединяли к русским.

Датировка публикуемых документов позволяет уточнить время до отставки, кстати, неожиданно уволенного в марте А. М. Тургенева. Поэтому его решения об административно-территориальной реформе были одними из последних в должности губернатора.

Примечания

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. — Тюмень: ТюменНИИГипрогаз, ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. — 304 с.

2. Исторический архив Омский области. Ф.3. Оп. 12. Д. 17558.

3. Коновалов, И. А. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. — первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. — 2021. — Т. 5, №1. — С. 32-39.

4. Список населенных мест Тобольской губернии: составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений. — Тобольск: Тобольский губернский статистический комитет, 1912. — 634 с.

Из истории отечественного сибиреведения рубежа XIX—XX вв.

К основным историкам-сибироведам рубежа XIX—XX столетий можно отнести К. Б. Газенвинкеля, Г. Е. Катанаева, П. М. Головачева, Е. В. Кузнецова, Х. М. Лопарева, И. И. Тыжнова и А. А. Дмитриева.

Константин Борисович Газенвинкель (1850—1896) родился в Киевской губернии в третьем поколении псковского дворянского рода Газенвинкелей.

К. Б. Газенвинкель окончил петербургское Императорское училище правоведения (1872 г.), работал в качестве коллежского секретаря, служил прокурором Тобольской губернии, получил чин статского советника.

По мнению М. Б. Шейнфельда, К. Б. Газенвинкель изучил разрядные книги как источник по истории Сибири, сделав упор на их историческую достоверность, и констатируя, что благодаря им можно устанавливать роль администраторов истории Сибири. Таким образом, К. Б. Газенвинкелем были систематизированы сведения по истории управления и службе в Сибири в XVI—VII вв. М. Б. Шейнфельд отметил, что данный труд К. Б. Газенвинкеля носит справочно-биографический характер.

В круг интересов К. Б. Газенвинкеля, помимо работ в области юриспруденции, вошли исторические исследования о представителях княжеских родов в Сибири. Как заметил М. Б. Шейнфельд, среди них были Шаховские, Щербатовы, Мосальские, Ростовские.

К. Б. Газенвинкелем был подготовлен «Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в.: к истории Сибири XVIII в.», опубликованный в Памятной книжке Тобольской губернии на 1893 г. По мнению О. Ю. Шаходановой, этот его труд явился «классическим» наследием отечественной историографии.

В бытность тобольским губернским прокурором являлся членом-соревнователем Тобольского губернского музея. Сохра-

нилось письмо К. Б. Газенвинкеля на имя главного редактора «Живой старины» В. И. Ламанского с пояснением о нехватке специалистов для научной оценки и классификации экспонатов провинциальных музеев.

Я. Г. Солодкин называет К. Б. Газенвинкеля среди исследователей, которые отчасти касались в своих трудах сибирской ссылки.

Георгий Ефремович Катанаев (1848—1921) родился в семье офицера казачьего войска станицы Атбасарская в Казахстане, окончил Сибирский Казачий корпус в Омске в 1866 г. и Московскую Петровско-Разумовскую земледельческую и лесную академию в 1872 г. Пятилетнее пребывание в Москве стало переломным в его судьбе. Здесь, в очаге самобытной художественной культуры, у Г. Е. Катанаева проявился интерес к истории, народному быту, кустарным промыслам, что впоследствии определило сферу его деятельности.

С осени 1872 г. Г. Е. Катанаев являлся преподавателем Омской военной гимназии и офицером особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Н. Г. Казнакове, а также начальником казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа.

Г. Е. Катанаев, бывший председателем войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска (1890—1907 гг.), стал одним из учредителей Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, а также являлся председателем распорядительного отделения в Русском географическом обществе (1877—1893 гг.), и в последующие 4 года Г. Е. Катанаев являлся председателем всего отдела. В 1916 г. Г. Е. Катанаев создал еженедельник «Сибирские казачьи ведомости» и стал его редактором.

Г. Е. Катанаев принимал активное участие в общественной жизни Омска: был гласным Городской думы, членом Омского отделения Московского общества сельского хозяйства, председателем Общества попечения о нуждах населения Сибирского казачьего войска.

В 1918 г. Г. Е. Катанаев стал редактором ежедневной войсковой газеты «Иртыш» и членом Военного совещания при Временном Сибирском правительстве. В сентябре 1918 г. в качестве делегата Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев принял

участие в работе Уфимского государственного совещания. После переворота 18 ноября с 1918 г. Г. Е. Катанаева причисляют к соратникам А. Колчака, и вся его деятельность велась в том числе в Иркутске и Чите. Г. Е. Катанаев содержался в одной тюрьме с А. В. Колчаком, затем был отпущен.

В ноябре 1919 г. Г. Е. Катанаев эвакуировался в Иркутск. Во время этого переезда были безвозвратно утрачены многие материалы, собранные Г. Е. Катанаевым по поручению Войскового правительства для подготовки монументальной «Истории Сибирского казачьего войска».

Последний год в своей жизни, будучи в Омске, Г. Е. Катанаев работал в местном архиве. Г. Е. Катанаев обращался к документам по истории Сибири и истории казачества. Известны его работы: «На заре сибирского самосознания», «Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска», «Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске» (Омск, 1904); «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908» (СПб., 1908); «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии» (вып. 1, СПб., 1908); «Историческая справка о том, как и когда основан город Омск» (1916); «Офицерство и рядовое казачество наше» (1918). Одним из первых среди омских историков он изучал материалы в центральных государственных и ведомственных архивах и библиотеках Москвы и Петербурга. Георгий Ефремович исследовал материалы Древлехранилища, Московского архива Министерства юстиции, Министерства иностранных дел, военных архивов и географического общества и другие.

Петр Михайлович Головачев (1862—1913) родился в Кузнецке Томской губернии, окончил местное городское училище, затем Томскую классическую гимназию, историко-филологический факультет Московского университета, где получил степень кандидата. П. М. Головачев работал преподавателем русского и французского языков, педагогики и дидактики в средних учебных заведениях Енисейска (1889—1893 гг.), затем вел историю, географию и русский язык в тюменском Александровском реальном училище; в 1895 г. переехал в Москву, где работал в Московском университете приват-доцентом на кафедре русской

истории. Он вел курс экономической географии Сибири не только в этом университете, но также в Московском коммерческом институте, а также в Санкт-Петербургском политехническом институте.

В 1903 г. П. М. Головачев перешел на должность библиотекаря Томского университета, чтобы получить близкий доступ к сибирским архивам. П. М. Головачев являлся редактором журнала «Сибирские вопросы» и одноименного периодического сборника (1905—1908 гг.). С 1906 г. в течение двух лет П. М. Головачев был заведующим сибирского подотдела провинциального отдела в газете «Страна», а с 1908 г. стал одним из учредителей петербургского «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта».

П. М. Головачев был одним из первых ученых, кто начал преподавать историю Сибири в высших учебных заведениях России. Основными его трудами, написанными с 1889 г., были работы по истории, географии и экономике Сибири («Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюды по истории Сибири XVIII века», «Экономическая география Сибири», «Сибирь. «Великая Россия»: Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России»), статьи по истории старообрядчества в Тюмени и Тобольске.

П. М. Головачев использовал большое количество источников, например, дозорные, переписные, таможенные, разборные книги, послужные списки и челобитные. Он отразил в своих трудах бытовую жизнь края, исследовал сельскохозяйственные, промысловые и торговые занятия населения Азиатской России, определил перспективы дальнейшего развития Сибирского края. П. М. Головачев, изучая процесс присоединения Сибири к России, подчеркнул его народный характер, считая малозначительной роль при этом Ермака и Строгановых. Известно о преподавательской деятельности (преподавание испанского языка) П. М. Головачева в Санкт-Петербурге с 1910 г. в течение двух лет, позднее — с 1913 г. — в Императорском Московском Археологическом институте, где он вел историческую географию Сибири.

На зиму 1913—1914 гг. была назначена защита докторской диссертации П. М. Головачева «Сибирский город в XVII и XVIII вв.».

однако он скоропостижно скончался. Министерство народного просвещения высоко оценило, а Главное управление военно-учебных заведений Военного министерства рекомендовало направить изданную после смерти ученого книгу «Экономическая география Сибири» в фундаментальные библиотеки кадетских корпусов и ротные библиотеки V—VII классов.

В своих работах П. М. Головачев исследовал историю Сибирского края, проживавших там народов, их быт и нравы, широко включая географический материал. Особое внимание было уделено экономическим аспектам развития Сибири: промышленности, торговле, путям сообщения, добыче металлов и минералов, обрабатывающей и добывающей промышленности Сибирского края, Дальнего Востока и Сахалина.

П. М. Головачева удостоили премии сенатора Д. А. Ровинского за книгу «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» (1902 г.) и премии имени Н. М. Чукмалдина за книгу «Тюмень в XVII столетии» (1903 г.).

М. Б. Шейнфельдом отмечено, что в архивах П. М. Головачев выявил множество новых материалов в архивах по истории сибирских городов XVII в. Ученый опубликовал множество документов из МАМЮ и Министерства иностранных дел, использовал материалы переписных, дозорных, строевых, верстальных, разборных, окладных, таможенных, отпускных и других видов книг.

П. М. Головачев подготовил к печати небольшую книгу о Тюмени XVII в. с публикацией найденного им источника.

Евгений Васильевич Кузнецов (1848—1911) известен как тобольский краевед, историк, архивист, библиограф, редактор и журналист газеты «Тобольские губернские ведомости».

Е. В. Кузнецов родился в селе Новое Тобольского уезда в семье приказного человека (дьячка), окончил Тобольскую духовную семинарию.

Позднее Е. В. Кузнецов служил в штате Тобольской казенной палаты в должности начальника газетного стола, был назначен редактором «Тобольских губернских ведомостей». Благодаря Е. В. Кузнецову как редактору из информационного листка «Тобольские губернские ведомости» превратились в известное еженедельное издание общественно-экономической и литературно-

художественной направленности, которое, между прочим, неофициальная часть содержала произведения самого исследователя.

Интересовавшийся сибирской стариной, он опубликовал множество статей в «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирском Вестнике», «Енисее» и «Сибири». Известны его «Воздушные страхи Тобольска в старину»; «Сибирский Летописец. Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске»; (публикация одной из вторичных редакций Сибирского летописного свода); «О распорядках Чичерина в Тобольске»; «Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири»; «Материалы для истории заселения Тобольской губернии до покорения Сибири Ермаком», «На службе у сатаны», 1893; «Антипикалодник»; «Из времен пугачевщины».

Некоторые его труды посвящены подвижникам русской православной церкви, к примеру, монахине Прокле.

В отдельных произведениях, посвященных Сибири, Е. В. Кузнецов касался пагубного употребления здесь спиртных напитков всеми слоями населения.

Е. В. Кузнецов также изучал биографию Ермака, подготовил библиографический указатель о нем в хронологическом порядке, где названо 300 работ и заметок. Самим историком было издано несколько работ о покорителе Сибири. Е. В. Кузнецов проявлял также интерес к драматическим сюжетам повседневности коренных народов Севера, что отразилось в рассказах 1895 и 1903 гг. («Роковая коврига»; «В голодовку»).

Часть работ и набросков Е. В. Кузнецова остались неизданными («Очерки современной мифологии Западной Сибири», «К библиографии декабристов: Перечень воспоминаний, записок, рассказов, беллетристики и поэзии современников», «Сибирский лекарь XVII столетия: К истории лечения травами»). Многими исследователями подчеркнута важность трудов Е. В. Кузнецова по истории Сибири.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862—1918) родился в селе Самарово Тобольской губернии в крестьянской семье, получил первоначальное образование в тобольском училище, затем окончил курс тобольской гимназии (1882 г.) с серебряной медалью и историко-филологический факультет Петербургского универси-

тета (1886 г.), после чего длительное время служил в Обществе любителей древней письменности императорской Публичной библиотеке. Х. М. Лопарев проживал в столице, однако был тесно связан с родным Сибирским краем — часто приезжал в Тобольск и родное село, вел активную переписку с другими исследователями.

Х. М. Лопарев являлся членом общества изучения Сибири и улучшения ее быта при музее этнографии и антропологии Академии наук. С 1907 г. ученый являлся сотрудником Русского географического общества.

Он был специалистом в области византиноведения, археографии, источниковедения и древнерусской литературы, автором более ста научных работ. Многие труды Х. М. Лопарева посвящены изучению и публикации средневековых памятников.

Краеведческие изыскания являлись одним из направлений исследований ученого. Образцом такого исследования многие до настоящего времени считают книгу Х. М. Лопарева «Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом», изданную дважды в конце XIX в. и спустя столетие переизданную.

Среди краеведческих работ Х. М. Лопарева — статьи «Поколение Югорской земли», «Мелочи из прошлого Тобольской губернии». В первой из них речь идет о событиях конца XVI в., включая экспедицию Ермака и противостояние остяцкого князя Самара в бою с казаками Богдана Брязги.

Иннокентий Иванович Тыжнов (1864—1938) родился в селе Осиновые колки Каинского округа Томской губернии в семье священника, закончил Томскую гимназию, а в 1887 г. — историко-филологический факультет Петербургского университета (с защитой кандидатского сочинения).

В 1890—1899 гг. И. И. Тыжнов преподавал историю, латинский и русский языки в томской мужской гимназии. Затем работал землеустроителем в Алтайском округе, и став членом Общества любителей исследований Алтая. И. И. Тыжнов принял участие в работе комиссии по разделению территорий Томской и Алтайской губерний, в Омске занимался учетом колонизационного земельного фонда в Сибири, работал делопроизводителем

по землеустройству в Иркутском губернском земельном управлении, в Сибирском краевом подотделе (1920—1928).

И. И. Тыжнову принадлежат исследования о присоединении Сибири к Московскому государству, освоении Азиатской России, а также об истории горнозаводского населения Сибири.

В период работы в Статотделе Томской губернии И. И. Тыжнов участвовал в подготовке солидных трудов, издаваемых Статбюро в 1921 и 1922 гг. (к примеру, «Экономически границах Томской губернии»). Свободное время И. И. Тыжнов посвящал научно-исследовательской работе, отдавая предпочтение истории и этнографии. И. И. Тыжновым исследована история российско-джунгарских отношений (в «Очерках по истории Средней Сибири XVII—XVIII столетий»), также он подготовил сборник документов «Тарские акты XVI—XVII века. Сборник исторических документов по истории Сибири» и «Из истории горнозаводского населения на Алтае». По мнению И. И. Тыжнова, присоединение юга Сибири являлось завоеванием, организующим центром которого был Томск.

В первой монографии И. И. Тыжнова «Заметки о городских летописях Сибири» (1898 г. Ч. I.) приведены тексты «Описания Сибири рубежа XVII и XVIII вв.» голландского ученого Н. Витсена. А. Т. Шашков отметил, что И. И. Тыжновым в этом труде была разработана собственная схема развития сибирского летописания.

В. П. Зиновьев называл И. И. Тыжнова одним из редких дореволюционных профессиональных историков-сибиряков, автором десятка сочинений по истории Сибири.

И. И. Тыжнов интересовался, в частности, проблемами формирования, быта, общественно-социального устройства и положения мастеровых и приписных крестьян Колывано-Воскресенских (Алтайских) горных заводов. В 1912 г. по заданию и на средства Томского университета он обследовал Рахмановские ключи и осуществил сбор природных образцов для анализа. В 1930-е гг. Иннокентий Иванович работал в Томском краеведческом музее.

Александр Алексеевич Дмитриев (1854—1902) — известный исследователь прошлого Урала и Сибири.

А. А. Дмитриев родился в городе Дедюхино Соликамского уезда (в то время Пермской губернии) в семье чиновника соляного ведомства, образование получил в пермской мужской гимназии и на историко-филологическом факультете Казанского университета, который закончил в 1876 г.

Современники отзывались о нем как о трудолюбивом студенте, увлеченном наследием классиков и заинтересованным отечественной историей, в частности, историей родного края, средневековым Новгородом.

А. А. Дмитриева считают учеником исследователей Д. А. Корсакова, Н. К. Чупина и Д. Д. Смышляева. Преподавательская деятельность А. А. Дмитриева (он в 1880—1890 гг. в Пермской мужской гимназии преподавал историю и географию) не отвлекла его от исследования архивов и частных книжных коллекций. Зачастую А. А. Дмитриеву доводилось извлекать уникальные документы из коллекций неграмотных крестьян, которым они достались по наследству. Попутно А. А. Дмитриев совершал поездки в научные центры для взаимодействия с другими учеными, знакомился с редкими научными трудами, со столичными и местными архивами, (Казань, Москва, Петербург, Новгород Великий, Нижний Новгород, Ростов, Владимир и другие города). Часть собранных исследователем исторических документов XVII—XVIII столетий отложилась в Государственном архиве Пермской области.

Благодаря активному научному творчеству в течение 20 лет с 1882 г. издано более 140 исследований А. А. Дмитриева. Наиболее известным его трудом современные исследователи называли «Пермскую старину» в восьми выпусках (о Перми Великой и Зауралье), охватившей период от времен новгородского владения до первой четверти XVII века. Не обошел вниманием А. А. Дмитриев и изучение Сибири. Так выпуск V обширного труда А. А. Дмитриева («Покорение Угорских земель и Сибири») отражает историю Урала и Сибири, народностей, населявших данные территории, включая угров (остяков, вогулов), зауральских коми (зырян).

Тот же выпуск «Пермской старины» раскрывает не только понятие «Пермь», но и «Югра», заселение русскими угорских территорий и Западной Сибири, затрагивается вопрос о покорении

нии Сибири. Так, А. А. Дмитриев ввел в научный оборот неизвестные писцовые книги, грамоты, местные летописи. А. А. Дмитриев «Сказание Сибирской земли» неизвестного соавтора было опубликовано А. А. Дмитриевым в 1890 г.

Это «Сказание...» было обнаружено А. А. Дмитриевым в Соликамском уезде и, по мнению исследователя, содержит достоверный рассказ о Ермаке.

Ф. А. Андерсон оценивал изложение А. А. Дмитриевым истории края в многотомной «Пермской старине» как ряд отдельных описаний, недостаточно связанных между собой.

Взгляды А. А. Дмитриева по «Сибирскому вопросу» вызвали полемику со стороны других исследователей, к примеру, С. А. Адрианова и М. Б. Шейнфельд. Еще одним трудом А. А. Дмитриева, получившим известность, стали «Очерки из истории губернского города Перми...», охватившем период с 1723 по 1808 гг.

В. А. Оборин, подробно рассмотревший личный фонд А. А. Дмитриева, отметил, что за свою жизнь и археографическую деятельность историк собрал более 400 уникальных документов, ряд которых (более ста) был полностью или частично опубликован.

С 1890 по 1902 гг. А. А. Дмитриеву довелось быть инспектором народных училищ Соликамского и Пермского уездов, основателем и председателем Пермской ученой архивной комиссии. Исследователя удостоили почетного отзыва Российской Академии наук (1895 г.), избрали действительным членом Финляндского общества археологии, Петербургского археологического института, а также ряда других научных организаций.

Труды А. А. Дмитриева подробно характеризовали историю Сибири, включая период экспедиции Ермака.

Ученые-сибиреведы рубежа XIX—XX вв. многое сделали для развития источниковедения и историографии Сибири. Они создали целостное представление о процессе освоения русскими Сибири в XVI—XVII вв., раскрыли социальное и экономическое положение коренного населения, описали его быт и повседневность, ввели в научный оборот огромный пласт архивных материалов по истории Сибири.

Примечания

1. Андерсон, Ф. А. Дмитриев как историк Урала // Ученые записки Молотовского университета. — Молотов, 1951. — Т. VI, Вып. IV. — С. 25-48.
2. Баринов, А. О. Катанаев Георгий Ефремович // Энциклопедия Забайкалья. — Новосибирск, 2006. — Т. 3. — С. 70-71.
3. Верховланцев, В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее (краткий историко-статистический очерк). — Пермь: Электро-типография Губернского земства, 1913. — 203 с.
4. Газенвинкель Константин Борисович (1850—1896) // Сибирская советская энциклопедия / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. — 1-е изд. — Новосибирск: Сибирская советская энциклопедия, 1929. — Т. 1: А — Ж (Аба — Жуя). — С. 590.
5. Головачев, П. М. Тюмень в XVII в. (с введением и заключительными статьями П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2-х видов Благовещенского собора нач. XVIII в.) / П. М. Головачев; сост. Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Мандр и Ка, 2004. — 200 с.
6. Гусенбекова, Е. С. Рукописное наследие Х. М. Лопарева (1862—1918) // Вопросы науки и образования. — 2016. — № 1. — С. 35-39.
7. Зиновьев, В. П. И. И. Тыжнов и его исследования по истории Сибири // Мир Евразии. — 2014. — № 1. — С.28.
8. Зиновьев, В. П. Термин «Средняя Сибирь» в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 469. — С. 125.
9. Илюшечкина, Т. Н. Иннокентий Иванович Тыжнов как переводчик сибирских материалов Н. Витсена // Библиосфера. — 2012. — № 4. — С. 24.
10. Кузнецов, Е. В. Библиография Ермака: опыт указателя малоизвестных сочинений на русском и частью на иностранном языке о покорителе Сибири. — Тобольск: Типография губернского правления, 1891. — 33 с.
11. Кузнецов, Е. В. К сведениям о знаменах Ермака // Тобольские губернские ведомости. — 1892. — № 43. — 24 окт.
12. Кузнецов, Е. В. Находка ружья покорителя Ермака // Тобольские губернские ведомости. — 1891. — № 22. — С. 14-15.
13. Кузнецов Евгений Васильевич (краевед, историк: 1848-1911). Первые кабаки в Сибири // Тобольские губернские ведомости. — 1890. — № 27. — С. 14-15; № 28. — С. 13-15; № 29. — С. 13-15.

14. Мирзоев, В. Историография истории Сибири. 1-я половина XIX в. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1965. — 290 с.
15. Мирзоев, В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). — Москва: Мысль, 1970. — 391 с.
16. Михеева, Г. В. Лопарев Хрисанф Мефодиевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: в 2 т.: биограф. словарь. — Санкт-Петербург: Изд-во Российской нац. библиотеки, 1995. — Т. 1: Императорская публичная библиотека, 1795—1917. — С. 5-36.
17. Морева, О. В. Официальные справочные издания Тобольской губернии в 1860 — 1915 гг. // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург, 2015. — Вып. 15. — С. 185-195.
18. Мудрова, Н. А. Дмитриев Александр Алексеевич // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. А—И. — С. 493.
19. Оборин, В. А. Археографическая деятельность А. А. Дмитриева // Уральский археографический ежегодник за 1970. — Пермь, 1971. — С. 181-195.
20. Пермская старина. Вып. V: Покорение Угорских земель и Сибири. — Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1894. — 234 с.
21. Покровский, Н. Н. Историография // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. — Т. А—И. — С. 672.
22. Попов, М. Я. А. А. Дмитриев. Биографический очерк // Труды Пермской учёной архивной комиссии. — Пермь, 1902. — Вып. V. — С. 12.
23. Резун, Д. Я. Газенвинкель Константин Борисович // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск, 2009. — Т. А—И. — С. 365.
24. Солодкин, Я. Г. О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI — начало XVII в.) // Мира не узнаешь, не зная края своего: материалы 3-х краевед. чтений, 28 апр. 1999 г. — Нижневартовск: [Б.и.], 1999. — С. 13-28.
25. Терюков, А. И. История этнографического изучения народов коми. — Санкт-Петербург: Изд-во Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН, 2011. — 512 с.
26. Цысь, В. В. Сотрудничество Х. М. Лопарева с Императорским Православным Палестинским обществом / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 6 (27). — С. 131-139.

27. Шейнфельд, М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1973. — 399 с.

28. Шиловский, М. В. Головачёв Пётр Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. А—И. — С. 395.

29. Шиловский, М. В. Катанаев Георгий Ефремович // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. — Т. К—Р. — С. 44.

И. А. Силаева

Проблемы историографии истории пушного промысла, пушной торговли в Сибири XVII в. в трудах П. Н. Павлова

В научном наследии видного отечественного историка (1921—1974 гг.) [1] П. Н. Павлова существенное место уделено проблемам историографии пушного промысла и пушной торговли в Сибири XVII в., темы, которой он посвятил две книги [4; 6].

По заключению П. Н. Павлова, в исторических трудах XVII столетия этот вопрос затрагивался только попутно — Н. Г. Милеску и Ю. Г. Крижаничем.

Согласно П. Н. Павлову, Ю. Крижанич описал ландшафтные зоны в Сибири с преимущественным занятием населения добычей пушнины наряду с земледелием и скотоводством. Территория от Верхотурья до Енисейска, где соболь был малочисленным, как сообщал Ю. Крижанич, населялась промышленниками и земледельцами [6, с. 6]. П. Н. Павлов также пояснил, что в «Политике» Ю. Крижанича среди занятий жителей Сибири названы морской зверовой промысел и меновая торговля в обмен на пушнину с местным населением. Ю. Крижанич высказал мнение об отсутствии необходимости расширения территории Московского государства с целью добычи пушнины [6, с. 7].

Как констатировал П. Н. Павлов, Н. Г. Милеску, в 1675—1678 гг. проезжавший по пути в Китай через Сибирь как русский посол, писал про добычу соболя охотниками между Енисеем и Леной, по притокам Нижней Тунгуски и Подкаменной Тунгуски. Эти сведения важны для оценки качества соболей по районам Сибири.

П. Н. Павловым отмечено, что С. У. Ремезов коснулся добычи «мягкой рухляди» только относительно периода до начала присоединения Сибири к России, указав на сбор ясака Ермаком.

Занятия земледелием с попутными сведениями о сдаче десятой доли с пушного промысла в государственную казну «всяким зверем» зафиксированы в «Описании Сибири» конца XVII столетия [6, с. 5].

На взгляд П. Н. Павлова, Г. Ф. Миллер отводил преимущественное значение государственной инициативе при освоении Сибири в XVII столетии. При этом Г. Ф. Миллер считал добровольцами направившихся в Сибирь землепроходцев, в том числе служилых людей, охотников и промысловиков [2, с. 11].

П. Н. Павлов обращал внимание на то, что согласно Г. Ф. Миллеру, качество пушнины при продвижении с запада Сибири на восток снижалось [6, с. 9].

В работах Г. Ф. Миллера, как отметил П. Н. Павлов, промысловая колонизация представлялась второстепенной задачей населения. Г. Ф. Миллер констатировал, что обилие меха содействовало распространению государственной власти, объясняя продвижение в Сибирь задачами торговли пушного промысла, а постоянную добычу пушнины считал временным явлением, которое пришлось на период присоединения к России огромной сибирской территории [6, с. 8].

Как писал П. Н. Павлов, Г. Ф. Миллер оставил материалы со сведениями о богатой соболем Амурской земле и отступлении зверя при переселении русских промышленников.

П. Н. Павловым указано на труды И. Э. Фишера, высказавшего мнение о переселении русских людей в Сибирь с целью промысла зверя. Тем самым они пополнили государственную казну, но нанесли вред землям [6, с. 9]. Как отметил П. Н. Павлов, И. Э. Фишер, подобно Г. Ф. Миллеру, считал, что качество пушнины при передвижении с запада на восток ухудшалось.

П. Н. Павлов отметил, что И. Э. Фишер писал об отступлении зверя под натиском промышленников в богатой пушным зверем Амурской земле [6, с. 9].

Мнение И. Э. Фишера, отводившего промышленникам почетную роль в истории освоения Сибири, по П. Н. Павлову перестало разделяться исследователями к концу XIX в. [5, с. 4].

М. В. Ломоносова П. Н. Павлов отнес к сторонникам точки зрения о решающей роли московского правительства при освоении Сибири в XVII в. Преимущественную причину переселения в Сибирь М. В. Ломоносов видел в частных поисках, — отмечал П. Н. Павлов [6, с. 13].

По его наблюдению, М.Д. Чулков указал на отступление зверей в Сибири и продвижении там промышленников вплоть до истребления соболей. Интересными нашел П. Н. Павлов рассуждения И. Яхонтова об оседлости обитания соболя в Сибири [9]. П. Н. Павлов сослался и на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, где говорилось о доставке из Сибири в европейскую часть России пушнины (соболей, лисиц черных, белок) [6, с. 10—11].

П. А. Словцов считал, что промысловые занятия отвлекали переселенцев от первоначальной цели заселения в Сибири в XVII в. [2, с. 11].

Согласно концепции П. А. Словцова присоединение Сибири произошло только благодаря самостоятельной народной колонизации. А. Н. Радищев следовал тому же взгляду [6, с. 13].

По наблюдению П. Н. Павлова, П. А. Словцовым высказана точка зрения о привлекательности для русского населения сибирских земель, изобиловавших соболями и бобрами. П. А. Словцов также полагал, что благодаря пушнине купцы смогли обогатиться, в силу развития в Сибири пушного промысла померкли сведения о других занятиях местного населения [6, с. 10—12]. Н. В. Семивский же на материалах Восточной Сибири оспаривал [8, с. 84—85] точку зрения об оседлости обитания соболя в Сибири (П. Н. Павлов приводил схему движения промышленников с отступающим зверем) [6, с. 9].

Мнения об оставлении сибирской земли пушным зверем из-за промыслов добытчиков «мягкой рухляди» содержались в работах М. Н. Баккаревича и Ф. Белявского.

П. Н. Павлов изучил и работы Н. С. Щукина, тоже отметившего наступление русских переселенцев и преследование ими соболя в XVII в. [6, с. 10].

Как отметил П. Н. Павлов, декабрист Г. С. Батеньков не соглашался с мнением о порабощении коренного населения, находил характер присоединения сибирских земель мирным, отмечал привлекательность пушного промысла для переселенцев и видел в нем одну из причин заселения Сибири русскими.

В оценке П. Н. Павлова А. И. Герцен, относившийся к представителям революционного демократического направления в отечественной историографии, колонизацию Сибири рассматривал как земледельческую, считая, что для переселенцев добыча пушнины имела только второстепенное значение [6, с. 13—14].

«Мнимость» погони промышленников за пушным зверем, как писал П. Н. Павлов, утверждалось в трудах А. П. Щапова и В. И. Огородникова [6, с. 10].

Как находил П. Н. Павлов, работам А. П. Щапова был присущ тезис об истреблении пушного зверя и параллельно с продвижением в Сибирь русского населения [6, с. 16].

П. Н. Павлов назвал представления об освоении Сибири Н. М. Ядринцева противоречивыми, указав на выделение им этапов колонизации: военная и казенная, промышленная, торговая и вольнонародная. Так, Н. М. Ядринцев держался мнения о самостоятельной охоте переселенцев в целях обогащения и усилиях государственной власти прикрепить народ к земле [6, с. 17—18].

П. Н. Павлов учел и мнение зоолога Л. П. Сабанеева, которым при изучении соболиного поголовья был сделан вывод о возможности переселения зверя только в случайном порядке [6, с. 10].

П. Н. Павлов ссылаясь на мнение о безостановочном движении промышленников за отстающим зверем, что было зафиксировано в трудах В. К. Андриевича [6, с. 16].

На взгляд П. Н. Павлова, П. Н. Буцинским внесен неоценимый вклад в изучение присоединения Сибири к России, так как он на основе обширного фонда документов Сибирского приказа, описал географическое размещение земледелия, происхождение прибывших за Урал охотников и затронул тему добычи пушни-

ны. Однако, по мнению П. Н. Павлова, работы харьковского историка рубежа XIX—XX вв. не оказали влияния на взгляды других историков [2, с. 12].

П. Н. Павлов соглашался с П. Н. Буцинским в том, что жители Сибири стремились к взаимодействию с торговыми людьми. Представители же государственной власти первыми участвовали в скупке пушнины и имели преимущество перед торговыми людьми, а также выполняли указ правительства изымать все излишки в казну в обмен на определенную плату. (П. Н. Павлов отмечал, что крупной торговли с государством, однако, не было зафиксировано) [4, с. 27].

П. Н. Буцинский на основании архивных материалов показал, что дорогой пушной зверь в западносибирских уездах являлся малочисленным и добыча «мягкой рухляди» там не была профессиональной, а осуществлялась силами местных жителей, крестьян и посадских. П. Н. Буцинский привел данные по Мангазее за 1626—1646 гг., свидетельствующие о постоянном десятинном сборе с пушного промысла, что подтверждает, таким образом, его непрерывность в ту пору [6, с. 18].

П. Н. Павлов сослался и на мнение Н. Н. Фирсова об одновременном народном промысле и правительственной колонизации в Сибири, где зачастую, по мнению этого историка, государственная власть преобладала над народной инициативой. Мнение этого историка не было оценено другими историками [6, с. 20].

По мнению П. Н. Павлова, в историографии до начала XX в. не нашла отражение экономика Сибири, включившаяся в российскую торговлю пушниной, а социально-экономическая сторона промысловой колонизации этого края не получила единодушной трактовки исследователей [3, с. 122].

Как представлялось П. Н. Павлову, Г. В. Вернадский разделил освоение Сибири на две волны: охотничье-промысловую и земледельческую. Пушнина, по мнению Г. В. Вернадского, являлась привлекательным объектом торговли, что таким образом объединяло промышленников и государственную власть в целях колонизации Сибири. Изучая промыслы и колонизацию в Сибири, Г. В. Вернадский, однако, не уделил внимания анализу социальных отношений [6, с. 19-20], хотя в своих работах он показал деятельность служилых людей и охотников-добытчиков [5, с. 4].

В оценке П. Н. Павлова, в 1920-х гг. С. В. Бахрушиным были исследованы проблемы промысловой колонизации Сибири, и его труды явились поворотным моментом в ходе изучения присоединения Сибири в XVII в., тем более что С. В. Бахрушин ввел в научный оборот огромный источниковый материал [3, с. 116].

С точки зрения П. Н. Павлова, продвижение промышленников из Поморья С. В. Бахрушин считал незапланированным, а переселенцев отнес к гулящим людям. П. Н. Павлов обратил внимание на вывод С. В. Бахрушина о том, что среди переселенцев преобладали крупные промышленники, достаточно четко организовавшие промысел. С. В. Бахрушин доказывал, что капиталистические отношения с кабалой были представлены в сибирском промысле объединением промышленников с покрученниками. Однако С. В. Бахрушин подчеркнул, что крупные предприниматели были не единственными участниками заселения Сибири [3, с. 117].

П. Н. Павлов, рассматривая труды С. В. Бахрушина, не согласился с определением роли мелких добытчиков пушнины. Впрочем, П. Н. Павлов отметил, что со временем взгляды С. В. Бахрушина менялись, и в статье «Мангазейская мирская община XVII в.» он признал роль добытчиков пушнины при освоении Якутского края, упустив при этом, однако, роль государства в присоединении Сибири [3, с. 118].

Как находил П. Н. Павлов, С. В. Бахрушиным при исследовании колонизации Сибири отдавалось предпочтение промысловой отрасли в отличие от земледельческой. В трудах С. В. Бахрушина получило отражение разделение колонизации на частную и государственную, причем выдающийся ученый считал значительными промыслы и объем добычи пушнины охотниками-одиночками, наделяя их лишь ролью покорителей Сибири [2, с. 12].

Население Сибири в XVII в. С. В. Бахрушин оценивал как «пеструю толпу случайных гостей». Благодаря исследованиям С. В. Бахрушина, с точки зрения П. Н. Павлова, закрылись огромные пробелы в изучении процессов добычи «мягкой рухляди» [3, с. 120, 122].

Вслед за С. В. Бахрушиным П. Н. Павлов считал Енисейский край территорией, где быстрее, чем в соседних, утвердилась

власть московского правительства. Это подтверждает тот факт, что пушная подать здесь исчислялась соболями, а, к примеру, в Красноярском крае — деньгами. (В восточных уездах перевод пушного налога на деньги состоялся позже, когда поступление «мягкой рухляди» снизилось из-за обильного истребления зверя). В Бурятии в счет налога брали китайские ткани, в Якутии — моржовый клык и деньги [4, с. 16].

П. Н. Павловым подчеркивалось, что работы С. В. Бахрушина отличались конкретностью по отношению к любым темам, которых историк касался при изучении прошлого Сибири. Так, С. В. Бахрушиным была изучена промысловая колонизация, в рассмотрении которой он внес неоценимый вклад, начиная с путей России в Зауралье, и разделив ее на государственную и частную. С. В. Бахрушин считал основным интересом участников пушного промысла торговлю мехом, и ее, как следствие, считал причиной присоединения Сибири. С точки зрения П. Н. Павлова, С. В. Бахрушин не имел предшественников при изучении темы промысловой колонизации, крупных работ по этой теме до него не было создано, и, ученый представил ее намного шире и объемнее других проблем своих исследований. Сплошное изучение темы С. В. Бахрушиным с привлечением архивного материала, с использованием количественных показателей, помогло пролить свет на основные и попутные вопросы данной проблематики [6, с. 22, 24—25].

Как полагал П. Н. Павлов, С. В. Бахрушин относил покрученников к промышленным людям, что являлось недостатком работ.

П. Н. Павлов констатировал, что историки второй половины 1940-х — 1950-х гг. почти единодушно следовали земледельческой теории колонизации Сибири. Лишь в трудах И. И. Селиверстова о Якутии XVII в. утверждалось преобладание промысловиков. Как отметил П. Н. Павлов, Якутия того столетия представляла собой богатый пушным регионом, но многочисленные и ценные количественные данные в работе И. И. Селиверстова оказались несистематизированными и затрагивали различные периоды. Однако, как находил П. Н. Павлов, иллюстративно данные сведения отразили динамику пушного промысла. По заключению П. Н. Павлова, И. И. Селиверстов не распределил со-

циальные слои в истории пушного промысла, хотя ученым верно истолковывалась роль торговых и промышленных людей, и ему удалось уточнить их происхождение и описать имущественное положение. Так, он правильно выделил как особую социальную группу покрученников, относя покруту к феодальной организации промысла. Но должной оценки работы И. И. Селиверстова не получили [6, с. 28—29].

П. Н. Павловым отмечено расхождение между С. В. Бахрушиным и В. И. Шунковым во взглядах на мелких промышленников Сибири. В. И. Шунков указывал на преувеличение С. В. Бахрушиным значения торгово-промышленных переселенцев и недооценку роли московского правительства [3, с. 118]. Сам же В. И. Шунков называл освоение Азиатской России крестьянским.

На взгляд П. Н. Павлова, В. И. Шунковым был упущен вклад рядовых промысловиков в колонизацию края. В. И. Шунковым подробно описан приток в Сибирь крестьян, начиная с конца XVI в. Следующее столетие, по мнению В. И. Шункова, характеризуется серьезным размахом в заселения крестьянами преимущественно Верхотурско-Тобольского, Томского, Кузнецкого и Енисейского уездов [3, с. 119].

Внимание П. Н. Павлова привлекла характеристика В. И. Шунковым процесса колонизации Азиатской России, который разделен на три этапа — правительственный (феодальный), народный (крестьянский) и торгово-промысловый (крупнопредпринимательский). В. И. Шунковым подчеркнута преимущественная роль пришлого населения — как посадского и крестьянского [2, с. 12—13].

В. И. Шунков подобно С. В. Бахрушину русское население в Азиатской России рассматривал как «пеструю толпу искателей наживы» [3, с. 120].

По замечанию П. Н. Павлова, В. И. Шунков отождествлял народ с крестьянством. Исследователь распределил потоки освоения в следующем порядке: служилые, промышленные, торговые люди. В. И. Шунков усматривал народную колонизацию в Верхотурском, Тобольском, Томском, Кузнецком, Енисейском районах и не разделял мнения о военно-промысловой колонизации этого края. В. И. Шунков аргументировано показал, что

процесс освоения шел не по всей территории Сибири, а только в западной ее части [6, с. 25].

Согласно П. Н. Павлову, при появлении работ В. И. Шункова уже было понятным значение пушной торговли во взаимодействии с Европейской Россией и значение охотников (крупных и мелких промышленников) с их участием во второстепенных занятиях (земледелие, сельское хозяйство, потребление хлеба). Было выяснено число крестьян, размер площадей, засеянных хлебными культурами, урожайность и, конечно, количественные показатели пушного промысла [6, с. 26—27].

В. И. Шунков отмечал, что промышленные люди являлись будущими пашенными крестьянами в Заенисейском регионе. Позднее В. И. Шунков признал, что в восточных районах Сибири велся пушной промысел.

С указанными выводами В. И. Шункова относительно Западной Сибири согласились З. Я. Бояршинова и А. А. Преображенский, а за счет промысловой колонизации вблизи берегов Илама и Лены — Ф. Г. Сафронов.

В 1949 г. В. Н. Шерстобоев отстаивал мнение о том, что земледелие в Сибири было преимущественным занятием, а добыча «мягкой рухляди» не влияла на экономическое развитие Сибири. Несмотря на критические отзывы по поводу такой точки зрения, В. Н. Шерстобоевым и позднее давалась преувеличенная оценка крестьянской колонизации Сибири, — отметил П. Н. Павлов [6, с. 25—27].

В. Н. Шерстобоев присоединился к мнению В. И. Шункова о том, что в Заенисейский край крестьяне и промышленники прибывали самостоятельно с целью заведения пашенного хозяйства.

Признание В. И. Шунковым самостоятельной крестьянской колонизации переселения промышленников с целью заведения там пашен с одобрением было воспринято в работах В. Н. Шерстобоева и Ф. Г. Сафронова [3, с. 119].

П. Н. Павлов указал на ценный вклад в изучение истории пушного промысла и других историков, таких, как З. Я. Бояршинова и О. И. Кашик, не раскрывших, однако, многих аспектов темы [6, с. 32].

В. А. Александров, как отметил П. Н. Павлов, подтвердил выводы В. И. Шункова о заселении промышленниками берегов Енисея, с последующим сельскохозяйственным освоением [3, с. 119].

П. Н. Павлов подчеркивал, что В. А. Александровым при изучении колонизации Мангазейского уезда на основе таможенных книг было выявлено небольшое количество промышленников пушнины (15—20 человек), однако привлеченные ими местные покрученники составили 30—40 % населения в 1630—1631 гг. На взгляд П. Н. Павлова, подробное изучение В. А. Александровым постоянно увеличивавшегося соотношения промышленников и покрученников в Сибири обнаружило рост промысловой колонизации края. Как заметил П. Н. Павлов, в работах В. А. Александрова прослеживалась, помимо деятельности промышленников и покрученников, и занятость крупных и средних предпринимателей, и своеужинников, и их определенная роль в добыче «мягкой рухляди» [3, с. 121].

П. Н. Павлов считал односторонними мнения тех исследователей, которые игнорировали значения деятельности отдельных мелких охотников за мехом, выявив результаты их деятельности самостоятельно.

В оценке П. Н. Павлова, труды В. А. Александрова по истории Сибири представили собой новый рубеж в изучении промысловой колонизации. К тому же было установлено, что уже в первой четверти XVII в. благодаря действиям московского правительства и самостоятельной инициативе переселенцев Енисейский край сформировался как заселенная самостоятельная организованная часть территории Азиатской России [3, с. 122].

Как полагал П. Н. Павлов, В. А. Александрову принадлежат первые комплексные исследования по социально-экономической истории Енисейского края и Мангазейского уезда в XVII—начала XVIII вв. Ученый показал включение сибирских промышленников в состав населения Азиатской России посредством изучения и длительности их пребывания в одних и тех же богатых соболем районах Сибири, и их родственных связей; В. А. Александров заметил появление постоянного населения в Сибири, включающего местных охотников [3, с. 120].

По В. А. Александрову, промысел пушнины явился неотъемлемой частью занятий первых сибирских переселенцев.

В. А. Александров отразил в своем исследовании по Енисейскому краю число промышленников, объем добытого меха и ясачного промысла. В. А. Александровым названы предпринимателями торговые люди и промышленники. Изучив численность покрученников в Енисейском уезде в 1630-е гг., В. А. Александров показал, что именно данный слой населения был преобладающим, и его деятельность выдвигала на первый план руководителей промысла. Так, благодаря промышленникам и покрученникам, добывалось 30—40 % всего объема пушнины в изучаемом регионе [6, с. 32].

П. Н. Павловым указано на то, что, по мнению С. В. Бахрушина и В. А. Александрова, добыча мелкими промышленниками пушнины не достигала большого объема и не играла большой роли. (П. Н. Павлов не согласился с этим выводом) [6, с. 31]. П. Н. Павлов указал на то, что труды В. А. Александрова, отражающие промысловую колонизацию еще недостаточно привлечены другими исследователями.

С точки зрения П. Н. Павлова, в монографии О. Н. Вилкова содержатся масштабные статистические и архивные данные, сделаны любопытные наблюдения и выводы. Так, П. Н. Павлов указал на заключение О. Н. Вилкова о том, что прибывшие охотники не развивали промысел в Тобольском уезде и ближайших к нему регионах; на данных территориях охотилось местное население [6, с. 32].

П. Н. Павлов отметил хорошо классифицированные данные и разработанную О. Н. Вилковым методику обработки фактического материала, зачастую касающегося пушного промысла [7, с. 75].

Исследования О. Н. Вилкова включали сведения об организации пушного промысла (с раскрытием этнической принадлежности охотников и данные по скупке «мягкой рухляди»). П. Н. Павлов считал важным заключение О. Н. Вилкова о попадании в Сибирь как малоосвоенный регион переселенцев с последующим участием их в развитии края в качестве его производительной силы, включая занятия пушным промыслом [7, с. 79].

По О. Н. Вилкову, однако, промыслом пушнины чаще занимались в Западной Сибири татары и остяки, а русские — торговлей, ремеслом и земледелием; русские крестьяне и посадские люди почти не принимали участие в добыче пушнины.

П. Н. Павлов разделял мнение О. Н. Вилкова о положительном влиянии пушного промысла на экономику Западной Сибири, отмечая, при этом, что добыча «мягкой рухляди» имела хищнический характер.

По мнению П. Н. Павлова, все выводы О. Н. Вилкова относительно пушного промысла были аргументированы и могли найти применение при последующем изучении данной темы [7, с. 80].

Изучив работы А. Н. Копылова, П. Н. Павлов перечислил различные виды налогов в Сибири: указной оброк, поголовный сбор, ясачную отъезжую и проезжую годовщину, сборы на провоз товаров, включающие хлебные запасы и промышленные товары, сборы за транспортный перевоз, различные торговые пошлины, весчую пошлину, амбарную, банную и другие, насчитывавшие к 1680-м гг. 26 видов таможенных пошлин, не считая десятинной [4, с. 21, 23].

Как отметил П. Н. Павлов, А. Н. Копыловым были выявлены по Сургуту случаи смены денежного налога на пушной. (Так, согласно П. Н. Павлову, в Сургуте (1601 г.), Верхотурье (1640-е гг.), Енисейске (с середины XVII в.) и Якутске (в 1645 — 1648 гг.) предписывалось взимать пушную подать с промышленной и перекупной пушнины). А. Н. Копылов документально подтвердил случай отмены десятинной пошлины с ясачных людей в 1601 г. Однако с 1606 г. царской грамотой было велено торговать в Верхотурье на гостином дворе и платить налог по-прежнему [4, с. 19].

П. Н. Павлов, признал существенный вклад А. Н. Копылова в изучение истории пушного промысла, полагал, что в работах этого историка все-таки не раскрыты многие стороны данной проблематики, так как пушной промысел аборигенного населения не входил в область изучения этого историка [6, с. 4, 32].

Обширное творческое наследие П. Н. Павлова, прежде всего насыщенные новыми данными две его книги о пушном промысле и пушной торговле, во многом сохраняют научное значение, к ним и впредь будет обращаться не одно поколение историков-сибиреведов, в том числе специалистов по историографии сибирской истории XVII в.

Примечания

1. Быконя, Г. Ф. Творческий путь сибирского историка (П. Н. Павлов 1921 — 1974 гг.) / Г. Ф. Быконя, Ю. В. Журов // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX — XX вв.). — Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1976. — Вып. 1. — С. 153-161.
2. Павлов, П. Н. Некоторые вопросы промысловой колонизации Сибири XVII в. в исторической литературе // Тезисы докладов межвузовской научной конференции по историографии Сибири 10—11 декабря 1968 г. — Кемерово: Изд-во Кемеровского пед. ин-та, 1968. — С. 11-13.
3. Павлов, П. Н. Оценка промысловой колонизации Сибири XVII в. в советской исторической литературе // Доклады 1-й межвузовской научной конференции по историографии Сибири (10—11 декабря 1968 г.). — Кемерово: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1969. — С. 116-124.
4. Павлов, П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в.: учеб. пособ. — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1974. — 238 с.
5. Павлов, П. Н. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Новосибирск, 1973. — 38 с.
6. Павлов, П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1972. — 400 с.
7. Павлов, П. Н. Рец.: О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири XVII в. // Из истории Сибири. — Красноярск, 1973. — Вып. 6. — С. 75-80.
8. Семивский, Н. В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. — Санкт-Петербург: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1817. — С. 84-85.
9. Яхонтов, И. О соболином промысле // Новые ежемесячные сочинения. — Санкт-Петербург, 1791. — Ч. 58, апр. — С. 22-62.

**Дело сургутского священника Василия Кайдалова
о массовом крещении ненцев в 1860-х гг.**

Христианизация коренного населения севера Западной Сибири — многоуровневый и продолжительный во времени процесс, в истории которого встречается ещё много недостаточно изученных страниц. Одной из них является исключительный и не повторявшийся со времен святителя Филофея (Лещинского) случай массового обращения в христианство, который относится к 1868 г. Он привлек самое пристальное внимание властей всех уровней — от окружного исправника и благочинного до генерал-губернатора и Св. Синода. Последовавшее затем длительное разбирательство примечательно наличием большого числа документов, дающих возможность хотя бы в некоторой степени заглянуть во внутренний мир причастных к этому делу лиц: приходского духовенства отдалённого сибирского региона, епархиального начальства, провинциального светского чиновничества, коренного жителя.

Проблемы христианизации населения Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. стали предметом изучения ещё в дореволюционный период, что нашло отражение в работах А. И. Сулоцкого, И. Шемановского, И. Рослякова [8; 11; 17]. Создание этих трудов было отчасти вызвано необходимостью искать пути решения стоявших перед миссионерами задач в условиях модернизации конца XIX — начала XX вв.

Среди немногочисленных исследований советского периода, затрагивавших тему православного миссионерства, можно отметить статьи Н. А. Свешникова, В. А. Кононенко [5; 9]. Специальные исследования проблем истории противоязыческих миссий севера Западной Сибири возобновились со второй половины 1990-х гг. уральскими и сибирскими учёными, такими, как Г. Ш. Мавлютова, Е. М. Главацкая, В. Ю. Софронов, С. В. Туров, С. Н. Щербич и др. [2; 3; 6; 10; 14; 17; 18; 19].

Непосредственно интересующая нас тема затрагивалась в ряде работ посвящённых, представлениям европейцев об аборигенах Тобольского Севера [4], русским старожильческим родам

края [1, 119—121], истории православия на Сургутской земле в целом [13] или истории Сургутской миссии, в частности [15].

Основными источниками для изучения темы послужили рапорты светских и духовных лиц по делу о «насильственном» крещении, отчёты Сургутской миссии, отчёты Тобольского епархиального архиерея, записи допросов и расспросные листы участников и свидетелей описываемых событий, другие материалы церковных и светских учреждений, сосредоточенные в Государственном архиве в г. Тобольске и Российском государственном историческом архиве. Часть из них опубликована в сборнике документов по истории православия в Сургутском крае [12].

Предыстория Сургутской миссии берёт начало в 1850-е гг. Ещё в 1853 г. во всеподданнейшем отчёте генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда в разделе «Вероисповедание и состояние православия» обращалось внимание на отправку в «инородческую тундру», в остяцкие и самоедские кочевья, «приспособленных» миссионеров, «которые жили бы и перекочевывали с народом и, имея лёгкие подвижные престолы, совершали бы упрощённые церковные обряды... бродячему племени»¹. Рассуждения высокопоставленного администратора о христианизации и последующие указы были частью программы распространения русских культурных традиций среди коренного населения севера Сибири. По мнению генерал-губернатора необходимо среди самоедов утверждать «главные Христианские и Царские празднества», устраивать угощения, лечить их и домашний скот от болезней и «стараться сделаться инородцам полезными и приятными»².

После длительного обсуждения и подготовительной работы принимаются решения о создании сначала Обдорской, а позднее Сургутской противоязыческих миссий. Указ Св. Синода об организации Сургутской миссии был утверждён 10 марта 1867 г. Она формируется из состава причта городской Троицкой церкви с назначением к ней дополнительно второго священника — по-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 23. Д. 39. Л. 1.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Д. 39. Л. 1 об.—2.

мощника настоятеля, третьего причетника¹. Возглавить её организацию поручили местному благочинному, настоятелю городского храма и законоучителю в двух местных учебных заведениях Василию Александровичу Кайдалову. Помощником настоятеля («младшим миссионером») являлся священник Александр Крылов (с 1867 г.), сотрудником — дьякон Евгений Тверитин. Как стало считаться убеждение

Сын священника из с. Локосово В. А. Кайдалов (ок. 1820—1871 гг.) принадлежал к старинному роду, представители которого с начала XVIII в. служили на различных настоятельских и причетнических должностях на приходах Тобольского Севера [1, 107—142; 7, 23—26]. В 1842 г. Кайдалов окончил Тобольскую духовную семинарию с аттестатом I-го разряда. Преосвященным епископом Владимиром (Алявдиным) рукоположен в священники в село Зимовье-Вагайской Богородицкой церкви Ялуторовского округа (1843 г.). 27 мая 1849 г. В. А. Кайдалов был перемещён священником к сургутской Троицкой церкви на должность законоучителя «казачьей школы»². В 1851—1853 гг. он проводил опытные посадки зерновых вблизи Сургута, в течение нескольких последующих лет засевая небольшие площади ячменём, овсом, льном и коноплей, получая удовлетворительные урожаи. Труды его заметили и оценили. Санкт-Петербургское Вольное экономическое общество наградило священника малой золотой медалью, а Императорское Русское географическое общество выразило Кайдалову благодарность.

Ему же выпало на долю возглавить дело организации Сургутской миссии. Необходимо отметить, что остяки (ханты) в большинстве своём уже были обращены в христианство, и задача миссионеров заключалась преимущественно в укреплении их в вере путём проповеди и отправления обрядности во время поездок по территории уезда. Иное дело «кочующие самоеды» (ненцы). В большинстве своём они оставались язычниками. Но работа среди них была затруднена невозможностью регулярных кон-

¹ См.: Выписка из журнала Тобольской духовной консистории с рассмотрением рапорта Сургутского причта о распределении дополнительных средств [12, 117].

² Государственный архив г. Тобольск (ГА). Ф. И-156. Оп. 19. Д. 24. Л. 41—41 об.

тактов. Занятие оленеводством в условиях тундры требовало постоянного перемещения вслед за стадами, насчитывавшими сотни голов. Хотя перекочевки осуществлялись по определённым маршрутам, в основном в долготном направлении, последние не были хорошо известны ни миссионерам, ни гражданскому начальству. Изучение путей миграции ненцев являлось делом будущих учёных — этнографов. К тому же сфера компетенции сургутских миссионеров распространялась на лесные районы среднего Приобья. Более северная тундровая зона была в ведении Обдорской миссии. Тем не менее, иногда группы самоедов прикочевывали поближе к Сургуту, в основном для участия в зимней ярмарочной торговле. Случай, который является предметом нашего рассмотрения, стал итогом такого рода единичных контактов.

В сопровождении пономаря Николая Силина настоятель Сургутской Троицкой церкви В. Кайдалов 27 ноября 1868 г. в праздник Знамени Пресвятой Богородицы выехал на оленьих упряжках из Сургута с целью обращения в христианство язычников. Путь пролегал между остяцкими юртами (небольшими поселениями), называвшимися по именам их насельников: Н. Епаркина, С. Исяганова, П. Ермакова, И. Кечимова, С. Кечимова, Д. Кечимова. Общее направление движения: север — северо-восток. Преодолев за четыре дня 385 верст, в последних из указанных юрт священник узнал от случайно оказавшегося здесь старика — самоеда о том, что примерно в 20 верстах кочует большая группа самоедов из бассейна реки Таз. Эти сведения были получены не сразу, а после длительных расспросов и предварительного угощения информатора. Причём старик просил не рассказывать своим соплеменникам о том, что он выдал их расположение.

О методах обращения говорит в своем рапорте миссионер, рассказывая о крещении семейства самоеда Епыши (всего 11 человек). Сначала хозяева получили гостинцы, после чего «сделались для нас ласковые и разговорчивые»¹. После был заведён разговор о домашнем быте самоедов, «кочевых происшествиях».

¹ Отчёт священника В. Кайдалова и пономаря Н. Силина о крещении инородцев [12, 139].

Беседа сопровождалась шутками и смехом. Лишь затем перешли к разговору о языческой религии и сделано предложение оставить идолопоклонничество, которое «послужит им вечной гибелью в загробной жизни». На это последовало возражение, являвшееся главным аргументом противников крещения: «Наши отцы, деды и прадеды держались этой религии, нам ли оставить ее!»¹. Контраргументы священника заключались в следующем: предки русских тоже были язычниками, но отошли от этого заблуждения; христианином является наш великий государь, которому вы все платите подати; принятие христианства обеспечит и земное счастье, и спасение от вечной гибели в будущей жизни. В прениях участвовал шаман Лыпшу — «бойкий парень с хорошей физиономией», который опять же ссылаясь на то, что их предки не крестились, и что если бы не государь, то они может быть, вообще не платили подати. Священник повторил ранее приведённую аргументацию, добавив, что подати вы бы всё равно кому-нибудь да платили, хотя бы своим старшинам. Шаман удалился, на следующий день Епыши и его семья приняли святое крещение. В тот же день было посещено несколько семей самоедов, но все они находились в состоянии сильного опьянения, и вести беседу с ними не представлялось возможности. В течение нескольких следующих дней миссионеры посетили ещё ряд самоедских семей, которых, по признанию священника, убедили «веровать в Бога и Спасителя Господа Нашего Иисуса Христа и креститься во имя Отца и Сына и Святого духа для получения жизни вечной»². По сведениям В. Кайдалова, он дал краткое наставление в христианской религии и новообращённые якобы поняли краткие молитвы: «Иисусову», «Пресвятая Богородице, спаси нас», «Господи помилуй»³. Причём был обращён в христианство и сам шаман Лыпшу. Крещение продолжалось 9 дней: с 30 ноября по 8 декабря. Основная масса крещений прошла в три дня со 2-го по 4-е декабря. Обращённые получили

¹ Отчёт священника В. Кайдалова и пономаря Н. Силина о крещении инородцев [12, 140].

² Отчёт священника В. Кайдалова и пономаря Н. Силина о крещении инородцев [12, 142].

³ Рапорт Сургутской миссии епископу Варлааму о крещении язычников [12, 124].

крестики, 25 икон, некоторые — рубахи. Кроме того, миссионеры раздавали бисер, медные кольца, опояски, платки, колокольчики, медные пуговицы, хлеб.

16 декабря был составлен рапорт о крещении язычников. К нему же, вероятно, прилагалась и «Ведомость о новокрещенных самоедах», включавшая в табличной форме список всех 311 обращённых в христианство, с указанием пола, возраста, названия волостей, языческих и новых христианских имен. Представлялись и собственноручные подписки о присоединении к православию. Среди тех, кто был отмечен в отчёте Сургутской миссии за 1868 г. как отличившиеся в деле крещения соплеменников, указаны старшины Тайлу (Василий), Вот (Василий), Папп (Василий), Тамли (Иван). Двое из них упомянуты в «Ведомости о новокрещенных самоедах».

Примечательно, что 56 женщин получили имя Анна, 94 — Марья, и лишь три — Екатерина. Зачастую всем членам одной семьи, например, матери и её трём дочерям, давали одинаковое имя. Имена мужчин отличались несколько большим разнообразием. Здесь встречаются Иван, Василий, Николай, Александр, Павел, Петр, Григорий.

Таким образом, в течение очень короткого времени и при сравнительно небольших затратах было обращено в христианство одновременно сразу несколько родов кочевых ненцев — случай доселе небывалый. Однако уже при прочтении рапорта у епархиального преосвященного закрались сомнения — всё ли правильно было сделано миссионерами? Как можно было в столь короткий срок обратить такую массу людей? Достаточно ли было для этого лишь кратковременной беседы? Архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам (Успенский) намеревался запросить о таком уникальном происшествии гражданское начальство¹. В журнале заседаний Тобольской духовной консистории (ТДК) от 9 января 1869 г. выражались сомнения в правильности действий священника: накануне самоеды были «пьяны до безумия» и вскоре приняли крещение, что они могли усвоить о христианской религии? Также делалось замечание по поводу того,

¹ Рапорт Сургутской миссии епископу Варлааму о крещении язычников [12, 125].

что рапорт не подписан вторым священником миссии Крыловым. В то же время признавалось, что проверить справедливость сведений рапорта миссионера крайне затруднительно, поэтому дальнейшее окормление и просвещение новообращённых нужно поручить Обдорской миссии¹.

На этом можно было бы поставить точку, однако разбирательство потребовалось гораздо раньше, чем следовало было ожидать. 16 января 1869 г. В Казымскую инородную управу явились семь самоедских старшин (из них четверо крещёных) и сдали 87 медных и оловянных нательных крестов, две медных литых иконы, заявив, что кресты эти переданы крещёными в начале декабря прошлого года соплеменниками и что крещение было проведено насильственно. Священник якобы угрожал тем, что «от царя есть бумага» о непременно крещении всех самоедов, иначе пришлют 30 казаков и всех расстреляют «из больших ружей», в любом случае в Казым прибудет протопоп и всех всё равно окрестит. Трёх несогласных, и особенно упорно сопротивлявшихся, миссионер приказывал связать верёвками. После того, как он уехал, самоеды стали снимать с себя кресты, сложили их в мешки, сдали старшинам для возврата начальству с просьбой, чтобы они «похлопотали сделать их язычниками, так как они против воли согласились принять крещение и не любят этого, потому что их предки не были крещены»².

Кресты и иконы далее были следом переданы в Березовское окружное полицейское управление. На Казым, в Юильский городок, где находились для сдачи ясака самоеды, отправились березовский окружной исправник Брамино и березовский благочинный В. Чемесов. К ним присоединился и священник церкви с. Полноват (ближайшей к Юильскому городку) И. Дурыгин. Им удалось убедить новообращённых забрать назад крестики, разъяснив, что крещение обратной силы не имеет, его «снять с человека никто не может и что православную веру исповедают все-милостивейший наш государь император, весь царский дом и

¹ Выписка из журнала ТДК о рассмотрении отчетов за 1868 г. [12, 145].

² Явка самоедов Казымской волости, крещённых сургутским миссионером, о возвращении икон и крестов в инородческую управу [12, 147]; См., также: РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 113 об.

вся Россия»¹. На уговоры потребовались целые сутки, после чего на площади городка был отслужен благодарственный молебен.

Дело разбиралось последовательно в ряде инстанций. Было признано, что оно требует «неотложных и самых энергичных распоряжений»². В начале февраля 1869 г. Тобольская духовная консистория постановила вызвать В. Кайдалова в Тобольск для дачи объяснений, в противном случае отрешить его от места и запретить в священнослужении. Одновременно о происшествии запрашивается гражданское начальство г. Сургута.

Сургутский окружной исправник ответил, что жалоб от самоедов на миссионеров ему не поступало, а священник В. Кайдалов представил обширный рапорт, в котором, хотя и несколько сумбурно, изложил аргументы в свое оправдание. Необходимо отметить, что приведённые ниже доводы в том или ином виде повторялись священником и в других, более поздних по времени документах. Их суть в следующем:

1. Можно ли было троим лицам: священнику, причетнику и толмачу, встретив в лесу 311 «диких инородцев», силой их окрестить? В случае сопротивления сих стороны жизнь миссионеров подвергалась бы явной опасности.

2. Почему о насильственном крещении заявили лишь 87 самоедов, где остальные 224?

3. Если В. Чемесов и Брамино смогли за сутки убедить не отказываться от крещения несколько десятков инородцев, то почему миссионеры не могли добиться приобретения «в ограду церкви христовой» за 15 дней тоже значительного числа язычников?

В. Кайдалов связывал возникшую ситуацию с происками В. Чемесова и поддержавшего его Брамино: якобы берёзовский благочинный позавидовал его успеху. Кроме того, в качестве свидетелей обращения инородцев он называет двух жителей Сургута, священника и причетника Ваховской церкви. Миссионер также сообщает, что некоторые самоеды приезжали в Сургут

¹ Акт о передаче крестов и икон самоедам Юильского городка, крещённым сургутским миссионером [12, 149].

² Выписка из журнала ТДК о слушании рапорта священника В. Чемесова и отчёта Сургутской миссии за 1868 г. [12, 157].

и просили их окрестить и даже ночевали у него дома, что может подтвердить секретарь Сургутского полицейского управления¹.

Затем в ТДК поступили три рапорта: от священника полноватской Богородице-Успенской церкви И. Дурыгина, второго сургутского священника И. Крылова и командующего сургутской казачьей команды В. Невзорова. Последние двое мало что могли сообщить по данному делу. И. Дурыгин подробно описал процесс увещевания новокрещенных В. Чемесовым, Брамино и при его собственном участии в Юильском городке. Текст рапорта со всей очевидностью показывает беспочвенность обвинений в адрес берёзовского благочинного со стороны В. Кайдалова. Настоятель Полноватской церкви также выразил сомнение в возможности насильно крестить такую большую массу инородцев, изложил аргументы, использованные для убеждения новообращенных не отказываться от крестов и икон: Брамино привел себя в пример (перешедшего в православие еврея) в результате чего Господь Бог удостоил его быть начальником. На вопрос — как же теперь рождённые у них дети будут умирать без крещения, последовало разъяснение, что вы можете даже сами крестить новорожденных в случае угрозы их жизни или же крестить у любого священника². Также самоедам вновь указали, что забрать кресты и иконы ни исправник, ни священник, ни даже сам царь не в праве — они даны Богом, а ваш поступок — насмешка над Богом, за что можете быть им наказаны. Эта аргументация возымела действие, и самоеды согласились взять обратно кресты и иконы. Как дополнительно поощрение Брамино объявил об освобождении новообращенных на три года от сдачи ясака³. Никаких подробностей «насилия» со стороны сургутского миссионера И. Дурыгин не приводит, да и как человек, проживший всю жизнь на Тобольском Севере, сомневается, что такое было возможно в принципе.

¹ Рапорт священника Сургутской миссии В. Кайдалова в ТДК о ложном обвинении в насильственном крещении самоедов [12, 162—163].

² Рапорт священника с. Полноватского И. Дурыгина в ТДК о посещении Юильского городка [12, 171].

³ Рапорт священника с. Полноватского И. Дурыгина в ТДК о посещении Юильского городка [12, 172].

Ещё в апреле 1869 г. ТДК и епархиальный архиерей попросили губернское правление провести следствие с привлечением депутата с духовной стороны. Таковое поручение было дано Сургутскому окружному полицейскому управлению, депутатом был указан священник Селияровской церкви. Кроме того, сам губернатор заявил преосвященному, что при будущей ревизии Березова и Сургута лично займется этим делом.

Следствие началось в декабре того же года, т. к. до этого не было возможности вступить в контакт с кочевавшими самоедами. За него взялся лично управляющий Сургутским округом Боярский. Предварительно были сняты показания (заполнены «вопросные пункты») с В. Кайдалова. 15 декабря исправник снял показания непосредственно с самоедов, прикочевавших, как и в прошлом году в очередной раз к Тром-Югану. Были опрошены 23 человека. Это были мужчины, преимущественно главы семейств, которые, таким образом, выступали не только от своего личного имени. Никто из них не заявил, что священник крестил их насильно или прибегал к каким-либо прямым угрозам. Среди мотивов названы следующие: 1) по примеру других самоедов (отца, сына, других родственников и соседей, старшин) — 16; 2) «по убеждению миссионера», заботясь о спасении души — 4; 3) «царь велел креститься» — 1¹. Кресты и иконы были возвращены «по подстрекательству» некрещённых самоедов или по указанию старшин — язычников.

Таким образом, версия о насильственном крещении оказалась несостоятельной. Однако говорить и о сознательном принятии христианства также вряд ли было возможно. Один из опрашиваемых рассказал о том, как принял решение креститься. Священник предложил ему вина (здесь имеется в виду водка), он отказался, затем миссионер вылил в огонь вино, пламя вспыхнуло, и миссионер сказал: «Ты так сгоришь, если не будешь креститься»². Самоед испугался и согласился.

¹ Подсчитано по: Показания самоедов Казымской волости по делу о насильственном крещении [12, 180—187].

² Показания самоедов Казымской волости по делу о насильственном крещении [12, 183]; см., также: РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 107 об.

В целом же обращение, как нам видится, проходило лавинообразно и напоминало, если можно так выразиться, «эпидемию»: я не хотел, но когда всех стали крестить, то не мог отстать от своих родичей; «некрещеным оставаться было неловко»; «все крестились, и я принял св. крещение»¹ и т. п. Здесь сыграла роль характерная для традиционного общества привычка следовать за большинством. В равной степени она служила препятствием для христианизации ненцев, но в определённых, во многом случайно сложившихся обстоятельствах она же помогла окрестить столь большую массу язычников. Спустя некоторое время у части новообращённых не без влияния некрещёных соплеменников возникли сомнения в правильности совершенного поступка, что и привело к возврату 87 крестиков и двух икон. Примечательно и то, что 87 «насильственно» принявших христианство самоедов, согласно рапорту Брамино, при явке в Юильском городке сопровождало до 400 самоедов — язычников².

Сведения о крещении были включены в отчёт епархиального архиерея за 1868 г., где упоминалось о присоединении к православию 397 самоедов (210 муж. и 187 жен.) и 29 остяков (17 муж., 12 жен.)³. В следующем году В. Кайдалову удалось обратить в христианство лишь одно семейство самоедов из четырёх человек⁴. Всего же с учётом деятельности Обдорской миссии в отчёте епархиального архиерея за 1869 г. сообщалось об обращении 49 самоедов (28 муж. и 21 жен.) и 9 остяков (6 муж. и 3 жен.)⁵.

Свидетельские показания с сургутских казаков и мещан, инородцев Тром-Юганской волости продолжали собираться зимой 1869—1870 гг. Они в целом согласовывались с ранее полученными сведениями. Не подтвердились и данные о якобы самовольно взятых миссионером в качестве ясака шкурках лисиц.

¹ Показания самоедов Казымской волости по делу о насильственном крещении [12, 186].

² РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 115.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 300. Л. 56 об.

⁴ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1869 г. [12, 190].

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 348. Л. 67.

В декабре 1869 г. преосвященный Варлаам представил рапорт в Св. Синод «о деятельности существующих в Тобольской епархии миссий для обращения в христианскую веру и утверждения в оной инородцев, остяков и самоедов, миссий Обдорской, Сургутской, Кондинской»¹. Действия миссионеров оказались, по мнению владыки, «не бесплодными»: за 1868 г. было приобретено «410 новых чад Св. Церкви», но «к сожалению, относительно деятельности одной из миссий, именно Сургутской возникло особое дело. На одного из сургутских миссионеров возведено обвинение в том, что, будто бы, этот миссионер при обращении инородцев дозволил себе в отношении к ним угрозы и даже насильственные действия»². Преосвященный сообщил, что, хотя следствие ещё ведётся, обвинению в насильственном крещении можно верить с трудом³.

Параллельно по поручению епархиального архиерея в январе 1870 г. независимо от гражданской власти расследование вёл настоятель Кондинского Свято-Троицкого монастыря игумен Амос. Он получил ответы по «расспросным листам» от В. Чемесова, Брамино, лично допросил причты ваховской Богоявленской и сургутской Троицкой церквей, ряд других свидетелей «насильственного» крещения; а 27 и 28 февраля, 5 марта — самого В. Кайдалова. Были также проведены две очные ставки: В. Кайдалова с переводчиком Н. Епаркиным, Н. Епаркина с дьячком И. Покровским. Расследование игумена Амоса касалось также и вопроса о том насколько подготовлены были самоеды к крещению, соблюдены ли были при этом все необходимые обряды? Например, «В одной ли воде крестили всех самоедов или для каждого приносима была свежая вода; и далеко ли она была от места крещения?»; «В чём были крещены самоеды...?»; «Долго ли Вами были чинимы оглашения...?»⁴.

Хотя В. Кайдалов изначально настаивал, что все положенные требования при крещении выполнялись, следствие показало, что это далеко не так: в одной воде крестили столько человек, «до-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 88.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 88 об.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 89.

⁴ Допрос священника сургутской церкви В. Кайдалова по делу о насильственно крещёных самоедах [12, 204].

куда вода не зачернеется»¹; взрослых крестили погружением одной головы, ноги перед миропомазанием не мыли; предварительное оглашение сводилось к научению слагать персты и делать крестное знамение, молитвы разъяснялись на русском языке «по причине трудного или даже невозможного перевода на язык самодийский»². Примечательны некоторые дополнительные подробности крещения: мужчин раздевали догола, женщины при этом выходили из юрт; женщины оставались закрыты «передником» («передком») — вероятно, элементом традиционной зимней одежды — пришитым к штанам нагрудником.

О ходе расследования информировались как тобольский губернатор А. С. Соллогуб, так и генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущев. В письме от 27 апреля 1870 г. губернатор просил «принять энергичные меры» к скорейшему окончанию⁴.

10 июля 1870 г. на заседании ТДК были подведены предварительные итоги данного дела. В. Кайдалову вменили в вину ряд нарушений Уставов православной церкви. В одной из резолюций преосвященный Варлаам задался вопросом — можно ли считать данные крещения законными и предложил эту проблему рассмотреть ТДК со ссылкой на канонические правила. Консистория же предпочла руководствоваться здравым смыслом, а не мелочно следовать букве закона. Предварительно высказывается несколько соображений. Во-первых, много ли миссионеров, положила руку на сердце, могли бы засвидетельствовать, что окрещённые ими инородцы подготовлены в соответствии с требованиями церкви? Киевляне, крещёные в Днепре при князе Владимире, были ли к нему подготовлены? Тем не менее, этот обряд признан церковью действительным. Пастыри со временем их наставили в истинной вере, то же самое будет и здесь. Во-

¹ Допрос пономаря сургутской церкви Н. Силина по делу о насильственно крещёных самоедах [12, 212].

² Очная ставка священника сургутской церкви В. Кайдалова с толмачом-инородцем Н. Епаркиным по делу о насильственно крещённых самоедах [12, 217].

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 108; Допрос пономаря сургутской церкви Н. Силина ... [12, 210].

⁴ Письмо тобольского губернатора А. Соллогуба архиепископу Варлааму с просьбой ускорить окончание дела о насильственном крещении самоедов Казымской управы [12, 222].

вторых, все нужные формальности были соблюдены: таинство совершал священник, троекратное погружение в воду имело место (пусть и не всех частей тела). В-третьих, следовало ли в тех условиях ожидать от священника большего? Он встретил самоедов зимой, возможно, в 30-градусный мороз. Как он мог нагреть для 311 человек необходимое количество воды для полного погружения? Да и стали бы кочующие инородцы ждать столь долгие приготовления? Поэтому крещения считаются состоявшимися, дальнейшее наставление в вере новообращенных предлагается проводить как самим сургутским миссионерам, так и священнику близлежащей Полноватской церкви. Признаётся необходимым «учить начаткам христианского вероисповедания всех сих инородцев и укреплять их в вере во всякий раз, как только представится возможность видеться с ними»¹.

Однако преосвященный Варлаам не согласился с предложенными аргументами и резолюцией от 15 июля 1870 г. вынес окончательное решение на усмотрение Св. Синода². В августе того же года подробнейший рапорт с изложением всех обстоятельств дела и аргументацией был отправлен в Петербург³.

В своей версии событий епископ придерживался более критического тона по отношению к миссионеру, которому поставлено в вину нарушение правила 45 Лаодикийского собора и правил 31 и 59 VI Вселенского собора о приготовлении взрослых к крещению, а также 50-го Апостольского правила о троекратном погружении в воду⁴. Так, Варлаам указал, что раз некоторые самоедские старшины приезжали в Сургут для сдачи ясака, то В. Кайдалов мог бы их окрестить там «при свидетелях от полиции», но он предпочёл это сделать «в кочевьях их и далеко от города»⁵. Преосвященный предложил тех самоедов, которые сдали свои нательные кресты, но потом после убеждения со стороны Брамино и В. Чемезова их забрали обратно, «подвергнуть

¹ Выписка из журнала ТДК об обстоятельствах дела о насильственном крещении [12, 228].

² Выписка из журнала ТДК об обстоятельствах дела о насильственном крещении самоедов [12, 228].

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 106—110 об.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 122.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 122 об.

научению христианской вере чрез того же благочинного Чемезова по крайней мере в течение 6 недель и после, если не крестить их вторично, по полному чину церкви, то хотя бы взять новые официальные подписки, что они после сего останутся христианами навсегда, оставляя всецело свою языческую веру». Данные документы необходимо было засвидетельствовать Берёзовским гражданским управлением. Тех же, кто «разбежался» в свои кочевья, всё равно следовало отыскать через местную полицию и опять же взять подписки, «не стесняя ни мало их воли и совести», согласны ли они быть христианами или останутся язычниками?¹ Над миссионером преосвященный Варлаам предложил произвести суд.

Суровость приговора тобольского архиерея, вероятно, показала Св. Синоду излишней. В. Кайдалов избежал суда, и дело осталось для него без последствий. Однако можно думать, что в дальнейшем его преемники зареклись от подобных инициатив, чреватых длительными и весьма неприятными для них разбирательствами, а не поощрением за массовое обращение язычников. Число крещений вплоть до конца существования Сургутской миссии в 1897 г. никогда не достигало даже близко показателей 1868 года, т. к. за всё это время миссией было обращено лишь 482 язычника [15, 28].

Описываемый случай также наглядно демонстрирует относительную автономность духовной консистории от решений владыки, её способность вырабатывать и отстаивать собственную точку зрения, не вполне согласную с мнением епархиального архиерея. Ещё один вполне очевидный вывод — принципиальное изменение подходов к христианизации язычников, произошедшее за полтора столетия. Методы, которые использовал святитель Филофей (Лещинский) теперь подвергаются осуждению и считаются совершенно неприемлемыми. Произошла кардинальная гуманизация, если угодно, либерализация государственной и церковной политики по отношению к коренному населению региона. Отвергаются любые формы насилия. Считается, что только убеждение, длительная кропотливая работа по просвещению могли привлечь в лоно православия новых чад.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 123—124.

Примечания

1. Белобородов, В. К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. — Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2017. — 400 с.
2. Беспokoйный, А. В. Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX — начало XX в.) // Вестник угроведения. — 2013. — № 2 (12). — С. 94-103.
3. Главацкая, Е. М. Религиозные традиции хантов XVII — XX вв. — Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. — 360 с.
4. Ершов, М. Ф. Об эволюции воззрений на характер аборигенов Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2022. — № 2 (58). — С. 41-48.
5. Кононенко, В. А. Христианизация малых народов Северо-Западной Сибири в кон. XIX — нач. XX в. // Учёные записки Ленинградского педагогического института. Ленинград: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1972. — Т. 524, Вып. 1. — С. 77-85.
6. Мавлютова, Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX — начало XX века). — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. — 264 с.
7. Православие в Нижневартковском районе: три века истории / под общ. ред. В. В. Цыся. — Нижневартковск: Изд-во Нижневартковского гос. ун-та, 2018. — 112 с.
8. Росляков, И. Обдорская миссия и её деятели // Сибирский листок: 1890—1894. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003. — С. 489—495.
9. Свешников, Н. А. Христианизация народов Ямальского Севера // Учёные записки Енисейского педагогического института. — Енисейск: [б. и.], 1959. — Вып. 3. — С. 91—111.
10. Софронов, В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Ч. 1. — Тобольск: [б. и.], 2005. — 144 с.
11. Сулоцкий, А. И. Миссионерства Березовского края — Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское // Сочинения: в 3 т. / под ред. В. А. Чупина. — Тюмень, 2000. — Т. 2: О сибирском духовенстве. — С. 789—801.
12. Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники Вып. 7. / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. — Тюмень: Мандр и К., 2006. 376 с.
13. Темплинг, В. Я. Предисловие // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. — Тюмень: Мандр и Ка, 2006. — С. 16—20.

14. Туров, С. В. Обдорская православная миссия 1832—1833 гг.: неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры // Российская история. — 2023. — № 6. — С. 26—36. DOI: 10.31857/S2949124X23060032.

15. Цысь, О. П. Сургутская православная миссия 1867—1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2012. — № 3 (46). — С. 16-29.

16. Шатилов, С. Ф. Миссионерская деятельность епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова) в Западной Сибири // Христианское чтение. — 2023. — № 1. — С. 308-321.

17. Шемановский, И. С. История Обдорской духовной миссии. 1854—1904 гг. // Избранные труды: в 2 т. — Москва, 2011. — Т. 2. — С. 5-134.

18. Щербич, С. Н. Пространство и люди в путевых описаниях миссионеров Обдорской миссии (60—70-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2022. — № 78. — С. 143-148.

19. Яковов, Д. В. Вклад игумена Иринарха (Шемановского) в развитие Обдорской миссии как ориентир для выработки стратегии миссионерского служения на современном этапе // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. — 2023. — № 4 (25). — С. 171-186.

И. А. Кислухина

Посёлок Высокий: начало истории

Посёлок Высокий — это посёлок городского типа, в настоящее время входящий в состав городского округа Мегион Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Однако исторически посёлок Высокий формировался как самостоятельное административное образование, и, несмотря на близость к городу Мегиону, развивался достаточно независимо: имел свою поселко-

вую администрацию, поликлинику, почтовое отделение, две общеобразовательные и одну музыкальную школы, детские сады, дом культуры, пекарню, котельную, магазины розничной торговли.

История посёлка Высокого начинается в 1973 году со строительства железной дороги. Это был конечный участок железной дороги «Тюмень-Нижевартовск», который был так необходим нефтяникам, осваивающим в те годы крупнейшее нефтяное месторождение Сибири — Самотлорское. Без железной дороги развивать нефтедобычу становилось всё сложнее. Вот как об этом рассказывает краевед Валерий Михайловский: «От первого фонтана Самотлорской нефти до первого десанта строителей железной дороги прошло восемь лет. Восемь лет тяжёлой работы в сложнейших условиях, восемь лет стремительного полёта инженерной мысли, восемь лет романтической эпохи освоения главного месторождения страны — Самотлора. Нефтяники задыхаются от недостатка труб, техники, строительных материалов, городу нужен надёжный транспортный коридор с “большой землёй”» [4].

В мае 1973 года по распоряжению министра транспорта и строительства И. Д. Соснова Приказом по Управлению «Тюменьстройпуть» на строительство железной дороги были направлены рабочие Строительно-монтажного поезда № 227 (СМП-227) [3]. Именно СМП-227 предстояло построить конечный и самый сложный участок железной дороги «Тюмень-Нижевартовск».

23 мая на берег реки Мега вертолёт МИ-6 высадил первый десант строителей железной дороги в составе 20-ти человек. В состав десанта входили: Владимир Иванович Иванчихин — руководитель экспедиции, мастер Николай Стецкий и участники экспедиции: Павел Волобуев, Николай Ворона, Анатолий Дубовой, Валентина Дубовая, Александр Журавлёв, Сергей Забирко, Игорь Земляк, Фёдор Кондратьев, Александр Кушкин, Михаил Любимов, Александр Малиновский, Вячеслав Покатило, Роман Стадник, Анатолий Тимощенко, Владимир Товпига. Вместе с прибывшим десантом была доставлена необходимая техника и грузы для обустройства, а также продукты питания и повар.

Рабочим Строительно-монтажного поезда №227 с берега реки Мега предстояло прокладывать железную дорогу сразу в двух направлениях — навстречу строителям, пробивавшимся из Сургута, а также на Нижневартовск, в сторону самотлорских болот.

Времени на раздумья не было, и строители, поставив палаточный городок, сразу начали расчищать место под необходимые постройки, в первую очередь, оборудовав вертолётную площадку. Часть прибывших строителей была задействована на сооружении причала для приёма грузов баржами по реке Мега, а другая часть рабочих занималась обустройством площадок для установки пилорамы и столярного цеха. Уже к концу июня на берегу Меги было построено техническое помещение для хранения инструментов и техники, а также овощехранилище.

В июле 1973 года начали прибывать первые баржи с техникой, стройматериалами, деталями жилых щитовых домов. Было крайне необходимо построить жильё, объекты жизнеобеспечения, склады, хранилища продуктов питания до наступления морозов. Работа шла круглые сутки. День и ночь, в жару и холод, под проливным дождём и пронизывающим ветром трудились рабочие, делая небольшие перерывы только на сон и приём пищи. Расслабиться было некогда: в Сибири морозы приходят рано, в те годы в начале сентября уже шёл первый снег. Зимовать в тайге без жилья нельзя. Зимой температура может опускаться ниже -50°C . Поэтому работать старались очень быстро.

Для своего жизнеобеспечения рабочие возвели щитовые дома, сделали печное отопление, провели электричество. Электроэнергию вырабатывали две дизельные электростанции (ДЭС) по 200 КВ каждая. Также построили амбулаторию, в которой организовали работу Августа Медведева и Людмила Кушкина.

На баржах прибывало подкрепление: вальщики, водители, слесари, столяры и др. Питание завозили вертолётom. Нередко провизию привозил сам начальник СМП-227 В. П. Горченoк.

Горченoк Виктор Филиппович — без преувеличения легендарная личность, герой Социалистического труда, всю свою жизнь посвятивший строительству железных дорог. Был первым руководителем Строительно-монтажного поезда №227. Начиная свою деятельность Виктор Филиппович на строительстве железнодорожной линии Абакан-Ташкент, и до 1980 года являлся

руководителем СМП-227, затем был переведён в аппарат Управления «Тюменьстройпуть».

Начальник объединения «Тюменьстройпуть» (1981—1988 гг.) Михаил Матвеевич Бороданов в статье «Трудовые километры большого пути от Тюмени на Север» делится своими воспоминаниями о Викторе Филипповиче: «...В. Ф. Горченко, человек очень энергичный, порывистый, весьма интересный и своеобразный, незаменимый в стартовый период, когда всё только начинается. Его практические шаги начались ещё в Мазурове в период становления СМП-269 при строительстве временного посёлка, укладке и балластировке пути от моста через р. Тавда (135 км) до участка СМП-227. Потом судьба забросила его в Салым в СМП-198, куда в первое время материалы верхнего строения пути и подвижной состав, строительные материалы и конструкции доставлялись на баржах в период высокого уровня воды по реке. В ту пору про него слагались легенды, рассказываемые очевидцами» [1, с. 49].

К концу 1973 года функционировала структура ОРСов, столовая, магазины, работал медпункт. Было введено в эксплуатацию 10 жилых домов, общежитие на 500 мест, строилось административное здание СМП-227, контора ОРСа, здание поликлиники, были заложены здания общеобразовательной школы и детских садов [3].

К осени 1973 г. начальник СМП-227 В. Ф. Горченко выделил в небольшом доме несколько комнат под классы общеобразовательной школы, где за парты сели 95 ребят [6, с. 206]. Директором восьмилетней школы был назначен Илья Васильевич Башкиров.

К сентябрю 1974 года была введена в эксплуатацию общеобразовательная восьмилетняя школа, заложен фундамент клуба, и в 1975 году коллектив СМП-227 праздновал Новый год в досуговом центре, подобного которому не было ещё в Мегионе [3]. Клуб, построенный руками строителей-железнодорожников, получил название «Строитель» и стал на многие годы центром культурной жизни рабочего посёлка железнодорожников.

В 1975 году прорабский участок №1 приступил к строительству постоянного посёлка железнодорожников станции Мегион. Первые сваи были забиты под здание котельной [3].

Параллельно со строительством посёлка в сложнейших условиях ударными темпами шло строительство железной дороги. Дмитрий Иванович Каратчаев (с 1966 по 1981 годы — начальник объединения «Тюменьстройпуть»), вспоминая о строительстве железной дороги «Тюмень-Сургут», так характеризовал условия работы на севере Тюменской области: «На прокладке трасс в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Казахстане выработались определённые стандартные решения, технологические приёмы. При наличии достаточного количества материалов строители научились прокладывать линию по сложным скальным и другим грунтам. Здесь, на Севсибе, те приёмы, тот опыт, который был у трассовиков на вооружении, часто использовать просто невозможно. Переувлажнённость, большое количество болот, ограниченность грунтов, сезонность пригодности их, резко различные условия работы на смежных участках, бездорожье, проблема подвозки материалов — вот неполный перечень обстоятельств, которые и определяли специфичность трассы «Тюмень-Сургут», непохожесть её на другие дороги. Особенность ещё и в том, что всем — от простого рабочего до руководителя — отчётливо видна необходимость скорейшего сооружения дороги. Геологам, нефтяникам, газовикам — всем, кто осваивал Север, такая дорога нужна была как воздух» [2, с. 4-5].

Кроме СМП-227, занятого укладкой железнодорожного полотна, на строительстве участка железной дороги Сургут — Нижневартовск было задействовано множество других организаций. Так, расчистку трассы и отсыпку земельного полотна осуществляли механизированные колонны (МК) №5, №15, №39, №55 треста «Уралстроймеханизация». Организации треста «Трансгидромеханизация» выполняли работы по намыву земельного полотна к мосту через реку Ватинский Ёган и к другим водным объектам. Мостоотряды №69, №95 и другие занимались строительством мостов.

Железную дорогу до Нижневартовска длиной в 216 километров построили за неполные три года, т.е. в среднем по 216 метров каждый день в сложнейших условиях Западной Сибири, пробиваясь сквозь вековую тайгу, топкие болота, многочисленные реки и озёра. Из 216 км железнодорожного пути 53,8 км прошли по болотам. Одних только гидротехнических сооруже-

ний было возведено более 120, в том числе больших мостов — 4, средних — 9, малых мостов и труб — 112. Объём земляных работ составил 15,34 млн. м³, из них выполнено гидромеханизованным способом — 6,87 млн. м³ [5, с. 582].

Железнодорожной станции в посёлке Высоком дали название «станция Мегион» по наименованию близлежащего города, расположенного менее чем в 20-ти километрах от посёлка. Изначально железнодорожную ветку Сургут-Нижневартовск планировали проложить через город Мегион, но несколько лишних километров железнодорожного полотна в условиях сложного рельефа местности обуславливали значительное увеличение сметы проекта, и от этого плана решили отказаться, оставив Мегион в стороне от железной дороги.

Первый поезд на станцию Мегион прибыл к вечеру 13 ноября 1976 года, где его украшали и обвешивали плакатами, 14 ноября поезд торжественно встречали жители города Нижневартовска.

Примечания

1. Бороданов, М. М. Трудовые километры большого пути от Тюмени на Север // Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: люди, факты, события. Методы строительства сложных участков / авт.-сост. А. И. Белозёров. — Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2007. — 684 с.

2. Железнодорожные километры Дмитрия Каратчаева [к 100-летию Д. И. Каратчаева] // Ямальский железнодорожник. — 2009. — 3 июня. — № 6-8. — С. 4-5.

3. Как всё начиналось...: посёлку Высокому 20 лет: [фактографическая информация] // Мегионские новости. — 2002. — № 40 (1090). — 24 мая. — С.1.

4. Михайловский, В. Въезд на станцию Нижневартовск разрешаю // UGRA-NEWS. — 2016. — 14 нояб. — URL:<https://ugra-news.ru/article/vezd-poezda-na-stantsiyu-nizhnevartovsk-razreshayu/> (дата обращения: 28.08.2025)

5. Основные показатели по сооружению Западно-Сибирского меридиана (по железнодорожной линии Сургут-Нижневартовск подготвила С. А. Каратчаева) // Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: люди, факты, события. Методы строительства сложных участков / авт.-сост. А. И. Белозёров. — Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2007. — 684 с.

6. Сытенький, Н. А. В фотообъективе с краткими комментариями люди, события, факты линейных организаций генподрядчика // Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: люди, факты, события. Методы строительства сложных участков / авт.-сост. А. И. Белозёров. — Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2007. — 684 с.

Л. В. Алексеева

Малоизученные вопросы рыбного хозяйства Сибирского Севера в годы Великой Отечественной войны

Мобилизационная экономика военного времени обеспечила победу СССР в тяжелейшей войне с Германией и ее сателлитами. В условиях военной экономики больше внимания в развитии национальных округов Сибирского Севера уделялось рыболовству и охотничьему хозяйству, т.е. тем отраслям, которые могли без особых затрат дать продукцию в условиях существовавших ограничений, уменьшить дефицит продуктов и создать фонды для экспорта рыбных товаров. Система государственного управления охватила самые отдаленные уголки страны и организовала работу так, чтобы каждый принял посильное участие в обеспечении Победы над врагом. Сибирский Север не стал исключением.

Территориальные рамки статьи находятся в границах современных автономных округов Северо-Западной Сибири — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого и в пределах северной части Восточной Сибири (Енисейский Север), где размещались Эвенкийский и Таймырский национальные округа, находившиеся в годы войны в административном подчинении Красноярского края¹. Автор объединяет исследуемое пространство понятием

¹ Эти округа упразднены 1 января 2007 г.

«Сибирский Север». Следует напомнить, что известным специалистом Е. И. Гололобовым понятие «Сибирский Север» рассматривается как образ в природно-географическом и социально-экономическом пространстве СССР [1]. Полагаем возможным и корректным употребление данного понятия применительно к выделенным нами территориальным рубежам исследования.

Хронологические рамки статьи — период Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии (1941-1945 гг.). Иногда автор вынужден выходить за обозначенные рубежи, чтобы показать те или иные события и явления в развитии и сравнении.

Цель статьи — на основе анализа исследовательских и источниковых материалов определить малоизученные вопросы истории рыбного хозяйства Сибирского Севера в годы войны; выявить объемы вылова рыбы Эвенкийского и Таймырского национальных округов, в целом всего Сибирского Севера и установить удельный вес национальных округов в добыче рыбы восточных районов страны и СССР.

Значение рыбы в питании людей чрезвычайно важно. Как известно, 1/3 в рационе питания человека должен составлять животный белок (это белок мяса животных, птицы и рыб). Рыболовство в столь труднодоступных районах и суровых климатических условиях Крайнего Севера особенно приобрело необходимость развития в годы тяжелейшей войны.

В изучении истории рыбного хозяйства (далее — РХ) Крайнего Севера СССР военной поры традиционно выделяется два периода: советская (1941-1991 гг.) и постсоветская историография (1992-2024 гг.). В соответствии с выделенными этапами рассмотрим основополагающие труды на предмет выявления малоизученных, дискуссионных вопросов темы.

Созданные на территории Сибирского Севера национальные автономии (округа) вступили в сложный процесс модернизации, начав переход от традиционного общества к современному в предвоенное десятилетие. Грандиозные изменения в жизни коренных народов Севера отмечались не только в советской историографии [2], но и в зарубежной, что основательно изучено Д. А. Ананьевым [3].

За послевоенное сорокалетие советские историки опубликовали почти 130 научных и научно-популярных работ, однако к середине 1980-х гг. крупных обобщающих трудов, посвященных Крайнему Северу военной поры, в отечественной историографии создано не было. Именно к такому выводу пришел Ю. П. Прибыльский, осуществивший тщательный анализ трудов предшественников [4, с. 3], с чем стоит согласиться.

В работах советского периода некоторые сюжеты прошлого РХ получили отражение в комплексных работах по истории Сибири (включая и ее северную часть), а также специальных трудах, посвященных национальным округам, но в целом они не содержали целостной фактографической основы по исследуемой теме. Так, в пятом томе академической Истории Сибири РХ Севера отведен лишь один абзац [5, с. 158]. Заслуживает внимания материал, приведенный М. И. Беловым о рыбном и зверобойном деле на Крайнем Севере в годы войны [2, с. 446-451].

Событием в научной жизни стало появление монографии Ю. П. Прибыльского, где автор описал трудовой подвиг рыбаков Севера Западной Сибири [6, с. 52-73]. Однако Ю. П. Прибыльским не приведена динамика и не выявлены общие объемы вылова по национальным округам. Автор ограничился указанием, что за период войны рыбаки Обь-Иртышья выловили 14,5 млн. пудов рыбы [6, с. 52-73], т.е. в перерасчете — 23 000 т. На том этапе Ю. П. Прибыльским совместно с В. И. Федорченко была подготовлена специальная работа о РХ Севера Сибири в 1941-1945 гг. (на материалах национальных округов Севера Западной Сибири и Севера Красноярского края) [7]. В монографии показаны основные направления работы, осуществлен анализ ряда проблем и результаты развития РХ. Признанный специалист С. Т. Гайдин и его соавтор Г. А. Бурмакина справедливо отмечают, что в этой работе отсутствовал анализ комплекса проблем развития РХ в Красноярском крае, который имел свои специфические особенности [8, с. 30]. Несмотря на важное значение указанных трудов в разработке истории Севера военной поры, в них не удалось реализовать систематическое и разностороннее изложение истории РХ Сибирского Севера.

К концу советского периода сложились группы специалистов-североведов, изучавших Крайний Север Сибири и Дальнего Во-

стока в годы войны. Обь-Иртышский Север изучали М. И. Броднев, М. Е. Бударин, Г. А. Мазуренко, Л. Е. Киселев, Ю. П. Прибыльский. Енисейский Север исследовали В. Н. Увачан, В. Е. Носов, Д. З. Соболев, А. В. Подлесный, В. И. Федорченко. Д. Д. Петров и З. В. Гоголев занимались изучением Якутского Севера. Колымский, Чукотский, Камчатский края стали предметом исследования в трудах Н. А. Жихарева, Г. Г. Рошупкина, Б. И. Мухачева, К. Г. Кузакова.

Нельзя не подчеркнуть, что в советской историографии были заложены базовые основы для изучения темы. Большое внимание в работах советского времени уделено руководству ВКП (б) перестройкой РХ на военный лад и выполнению Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 06.01.1942 №19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [9]. Были обозначены некоторые проблемы и трудности в положении рыбной отрасли и сформулирован вывод о необходимости создания на Сибирском Севере комплексного РХ. Вне поля зрения историков той поры оставались вопросы принудительного труда в отрасли. Требовали детальной разработки вопросы объемов вылова рыбы по годам, выяснение их динамики, анализ причин снижения добычи рыбы в 1944—1945 гг., удельный вес региона и отдельных округов применительно к объемам вылова в Сибири и СССР.

На постсоветском этапе в изучении темы разработкой вопросов истории РХ Крайнего Севера продолжал заниматься вплоть до своей кончины известный тобольский историк Ю. П. Прибыльский (1926-2010) [10], некоторые факты о развитии рыбной отрасли представил Б. У. Серазетдинов [11, 12, 13]. Продолжают работать в данном исследовательском направлении признанный специалист С. Т. Гайдин, Л. В. Алексеева, Г. А. Бурмакина, И. Г. Геценко [14, 15, 16]. Много сделано указанными исследователями, но степень изученности темы и разработка отдельных ее сюжетов, вопросов и проблем различается по национальным округам (далее — НО) Северной Сибири. Достаточно разносторонне изучено РХ Югры и Ямала военных лет [17, 18, 19, 20, 21].

Один из показателей результатов деятельности РХ, который в центре внимания исследователей — объемы вылова рыбы. Л. В. Алексеевой установлено, что в 1941-1945 гг. Югра и Ямал

выловили (в тыс. ц): в 1941 г. — 264; в 1942 г. — 390,08; в 1943 г. — 525; в 1944 г. — 417,8; в 1945 г. — 322,3 [20, с. 79]. Общий объем выловленной рыбы составил 1 млн. 919 тыс. 238 ц (или почти **200** тыс. т)¹. Далее, чрезвычайно важно установить удельный вес округов в вылове восточных районов и всей страны. По двум национальным округам Западно-Сибирского Севера доля в добыче рыбы выразилась в следующих показателях: в 1941 г. — 1,64%, в 1942 г. — 2,28%, в 1943 г. — 2,41%, в 1944 — 1,98%, в 1945 г. — 1,72% [20, с. 79]. В суммарном выражении доля Югры и Ямала в российском объеме уловов пресноводных водоемов составила 1/10 часть (10,03%). Ранее Л. В. Алексеевой был сделан ошибочный вывод о размере доли в вылове рыбы в масштабах страны. Он был завышен (указывалась, что эта доля составила 1/5) [19, с. 76].

Среди результатов деятельности РХ важнейшее место занимает вопрос об объемах вылова. Как ранее было отмечено, сегодня мы располагаем научными данными об объемах добычи рыбы в НО Севера Западной Сибири. Сложнее обстоит дело с выявлением объемов уловов в НО Енисейского Севера. Специальных работ, посвященных истории рыбной промышленности военного времени Таймырского и Эвенкийского национальных округов не выявлено. Некоторые фактографические данные о рыбном хозяйстве региона представлены в ряде работ о Красноярском крае, Енисейском Севере за длительный исторический период. Здесь следует выделить монографию С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной, в которой специальный параграф посвящен рыбной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны и отражены некоторые фактографические данные о ее состоянии в Таймырском и Эвенкийском национальных округах [8, с. 145-146]. На сегодняшний день, это, пожалуй, единственная работа в отечественной историографии, систематизирующая сведения по теме РХ округов Енисейского Севера.

Сибирский Север, несмотря на схожие природно-климатические условия, малонаселенность и слабое развитие социальной,

¹ В опубликованной статье [20, с. 79] допущена техническая ошибка. Указан объем выловленной рыбы 2 тыс. т., а нужно — 200 тыс. т.

транспортной, промышленной, энергетической инфраструктуры, тем не менее, не являлся одинаковым. Между национальными округами, расположенными здесь, имелись и отличия. Общие данные о НО к началу Великой Отечественной войны представлены ниже (см. табл. 1)

Таблица 1

**Общие сведения об округах Сибирского Севера
накануне Великой Отечественной войны**

Округ и административный центр	Район и административный центр	Площадь (тыс. км²)	Население по переписи 1939 г.
Ханты-Мансийский / Ханты-Мансийск	Березовский (Березово), Самаровский (Ханты-Мансийск), Сургутский (Сургут), Кондинский (Нахрачи), Ларьякский (Ларьяк), Микояновский (Кондинское)	534,8	93274
Ямало-Ненецкий / Салехард	Шурышкарский (Мужи), Приуральский (Шучье), Ямальский (Яр-Сале), Надымский (Ныда), Тазовский (Хальмер-Седе), Пуровский (Тарко-Сале)	750,3	45 840
Таймырский / Дудинка	Авамский (Волосянка), Дудинский (Дудинка), Хатангский (Хатанга), Усть-Енисейский (Караул)	862,1	28 711
Эвенкийский / Тура	Илимпейский (Тура), Байкитский (Байкит), Тунгусско-Чунский (Стрелка-Чуни, позднее - Ванавара)	745,0	9 498

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что Сибирский Север — это огромная территория, площадь которой составляла без малого 3 млн. км², чрезвычайно малонаселенная. Особенно малочисленными являлись Таймырский и Эвенкийский национальные округа (далее — ТНО и ЭНО), что, безусловно, являлось важнейшим фактором, осложнявшим хозяйственное освоение региона в столь сложных климатических условиях при полном отсутствии транспортной и энергетической инфраструктуры. Административное деление также отли-

чалось. В Ханты-Мансийском округе (далее — ХМНО) и Ямальском округе (далее — ЯННО) имелось по 6 районов, в ТНО — 4, а в ЭНО — 3. Таймырский округ имел самую большую территорию. Располагался за Полярным кругом. Наименьшим по территории являлся Ханты—Мансийский округ.

Анализ трудов историков показал, что следует выделить недостаточно изученные проблемы по теме: 1. установление динамики объемов добычи рыбы Таймырского и Эвенкийского НО в годы войны; 2. сравнение объемов вылова в исследуемых четырех НО; 3. выявление доли Сибирского Севера и отдельных НО в рыбодобыче восточных районов страны и СССР применительно к пресноводным водоемам России. Рассмотрим указанные вопросы в намеченной последовательности.

Проблема установления вылова рыбы в Таймырском и Эвенкийском национальных округах в годы войны. В исторической науке признано, что новым этапом в развитии РХ Сибирского Севера стало принятие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» (от 6 января 1942 г.). М. И. Белов считал, что главная цель этого постановления заключалась в решении задачи частичной компенсации сокращения добычи в западной части страны, охваченной войной, а также удовлетворить увеличившийся спрос на рыбу на самом Севере [2, с. 447], схожие выводы характерны и для последующих работ отечественных историков. Если по объемам добычи рыбы в ХМНО и ЯННО мы имеем довольно полную картину, то, о вылове в ТНО и ЭНО в годы войны полной картины нет, хотя С. Т. Гайдиным и Г. А. Бурмакиной проделана большая работа в этом направлении.

В журнале «Рыбное хозяйство» (№1 за 1941 г.), номер которого был посвящен итогам 1940 г. и задачам на 1941 год, сообщалось, что богатые рыбой сибирские реки, в том числе Обь, Иртыш, Енисей, озера Красноярского края используются очень слабо. Там же сообщалось о довоенном объеме добытой рыбы в Красноярском крае — 38 тыс. ц. Автор статьи был убежден, что можно добыть там 150 тыс. ц [22, с. 7-8]. По январскому Постановлению 1942 г. план для Красноярского рыбопромышленного треста на 1942 г. по вылову составил 300 тыс. ц, с доведением добычи рыбы в 1943 г. до 600 тыс. ц [23, с. 7]. НКВД предписы-

валось в первом полугодии 1942 г. направить 15 тыс. человек и в 1943 г. — 10 тыс. спецпереселенцев в Гальчиху, Усть-Порт, Дудинку, на рр. Хатангу и Пясино для лова рыбы [23, с. 9]. Для округов Красноярского края была поставлена задача организовать массовый вылов рыбы в северных водоемах для экстренного продовольственного снабжения фронта и тыла [24, с. 116].

В научной литературе распространен вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны рыбная промышленность Красноярского края, как и других регионов Сибири и Дальнего Востока, работала на обеспечение продовольственных потребностей армии и гражданского населения страны. Она внесла значительный вклад в деятельность фронта и тыла по достижению победы [25, с. 229], с чем трудно не согласиться.

Опубликованные материалы о вылове рыбы за 1942-1945 гг. в ЭНО впервые приведены в работе Н. М. Ковязина и К. Г. Кузаква [26, с. 128]. Подсчеты суммарных объемов добычи рыбы по каждому из районов и в целом по этому округу осуществлены Л. В. Алексеевой (см. табл. 2).

Таблица 2

Добыча рыбы в Эвенкии по районам в 1942-1945 гг. (в ц)

Район	1942	1943	1944	1945	Итого
Илимпийский	4259	6871	4217	3565	18 912
Байкитский	686	598	467	433	2184
Тунгусско-Чунский	748	728	419	252	2147
Итого	5693	8197	5103	4250	23243

Анализ динамики вылова по районам ЭНО показывает, что больше всего рыбы добывали в Илимпийском районе. Он являлся основным поставщиком рыбы в этом округе (81,73%).

В Эвенкийском округе работали три рыбзавода: Н-Тунгусский, Ессейский, Байкитский. Используя данные, имеющиеся в нашем распоряжении, мы подсчитали объем добытой рыбы за 1942—1944 гг. и получили суммарный вылов в объеме 18 993 ц. Это было нужно для того, чтобы установить, сколько рыбы выловили в 1941 г. и затем подсчитать общий вылов за военный период. С. Т. Гайдин и Г. А. Бурмакина пишут, что в рыбопро-

мысловых водоемах ЭНО за 1941—1944 гг. выловили около 21 500 ц рыбы, а за 1942—1945 гг. в округе уловы составили 23 243 ц рыбы. Далее, методом простого вычитания (21 500 — 18 993 = 2 507 ц) мы вычислили недостающий годовой показатель вылова за 1941 г. (2507 ц). Прибавим его к данным за 1942—1945 гг. Н. М. Ковязина и К. Г. Кузакова и получим показатель вылова за весь военный период в Эвенкийском округе — **25 750** ц. Таким образом, мы установили вылов за военный период в ЭНО (см. табл. 3).

Таблица 3

**Вылов рыбы в Эвенкийском национальном округе
в 1941-1945 гг. (в ц)**

1941	1942	1943	1944	1945	Итого
2507	5693	8197	5103	4250	25750

Сведения, приведенные в таблице, позволяют заметить, что в 1942 г. вылов по сравнению с 1941 г. увеличился почти в 2 раза, в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в 3,2 раза. Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков справедливо утверждали, что увеличение добычи в ЭНО произошло в 1942 г. в связи с известным постановлением 1942 г., а пик вылова в этом НО пришелся на 1943 г. [26, с. 129], т.е. как и в округах Севера Западной Сибири, а затем начался спад.

Теперь необходимо выявить объемы добычи рыбы для Таймырского национального округа. Как мы уже отмечали, некоторые данные о вылове военного времени по Енисейскому Северу содержатся в работах С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной. Они сообщают, что в рыбопромысловых водоемах ТНО за 1941—1944 гг. выловили 120 250 ц рыбы [8, с. 158].

Динамика уловов по годам не приводится. В другой работе, указанные авторы привели общую цифру по вылову в ТНО за 1942—1945 гг., а показатель добычи, как и в первом случае, составил 120 250 ц. Цифра одинаковая, а хронологический период отличается. Мы осуществили сравнительный анализ доступных нам данных и провели верификацию. Нам удалось вычислить недостающие данные по годам. Начнем с того, что по сведениям

архивистов, в 1942 году в Таймырском округе организовали несколько мелких рыбозаводов: Лескинский, Ошмаринский, Толстоносовский, Хатангский, Дудинский, Хантайский [16]. Кроме них, рыбодобычу вел и Морзверкомбинат. Сведения о видах и объемах продукции Таймырского ГРТ опубликованы С. Т. Гайдиным, Г. А. Бурмакиной за 1940-1944 г. и за 10 месяцев 1945 г. [8]. Поясним, что И. И. Кузнецов в монографии писал, что Таймырский госрыбтрест создан в 1943 г. [27, с. 207]. С. Т. Гайдиным, Г. А. Бурмакиной данные о вылове Таймырского ГРТ не представлены, но есть статистика вылова рыбы Красноярского рыбтреста по рыбозаводам за 1943—1945 гг. Общий вылов составил (в тыс. ц): в 1943 г. — 90 544; в 1944 г. — 81 408; в 1945 г. — 62 634 [8, с. 351]. Речь идет о вылове рыбы всего Красноярского края. В структуре Красноярского рыбтреста работало 17 рыбозаводов, в том числе и рыбозаводы, находившиеся в составе Таймырского рыбтреста, т. е. расположенные на территории ТНО (мы насчитали 8 рыбозаводов). Р. В. Павлюкевич утверждает, что Красноярский рыбопромышленный трест образовали путем объединения в 1936 г. двух действовавших трестов: Красноярского и Эвенкийского [28, с. 136]. В архивной справке Государственного архива Красноярского края (Ф. Р-1441) сообщается, что в 1936 г. на базе Таймырского и Красноярского (Туруханского) рыбтрестов был образован Красноярский рыбопромышленный трест (Красноярскрыбпром) с подчинением Главному управлению рыбной промышленности Сибири [29]. Приказом № 129 «А» от 25.06.1942 г. по Красноярскому РПТ Таймырский рыбный завод преобразовали в Таймырский государственный рыбопромышленный, а Усть-Портовский рыбоконсервный завод ликвидировали. В 1944 году Усть-Портовский рыбоконсервный завод восстановили как предприятие [30].

Группировка рыбозаводов по их местоположению позволила установить на основе имеющихся сведений об уловах, объем добычи рыбы в ТНО. Применяя математические методы, мы выявили объем вылова рыбы в ТНО. Объем добычи рыбы за военный период составил в этом округе 148 201 ц. Ниже представлена сводная таблица уловов рыбы в ТНО и ЭНО (см. табл. 4).

**Вылов в Таймырском и Эвенкийском
национальных округах в 1941—1945 гг. (в ц)**

Год	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Улов в Таймырском округе	21 500	27951	34114	36485	27381	148201
Улов в Эвенкийском округе	2507	5693	8197	5103	4250	25 750
Итого	24007	33644	42311	39217	31631	173 951

Общий вылов за военный период в двух округах Енисейского Севера составил 173 951 ц рыбы. В работе С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной вылов на Енисейском Севере оценивается в 141 750 ц рыбы [14, с. 220]. В материалах к конференции 1958 г. приводились данные о вылове рыбы по отдельным экономическим районам Восточной Сибири. В этом источнике сообщались размеры добычи рыбы по Бурят-Монгольскому, Иркутскому, Красноярскому и Якутскому экономическим районам. В частности, по Красноярскому району можем почерпнуть здесь сведения о вылове военного времени (в тыс. ц): 1941, 1942 — св. нет; 1943 — 115,6; 1944 — 104,4; 1945 — 77,4; всего — 207,4 (без данных за 1941 г.) [31, с. 8]. Эти же данные привели С. Т. Гайдин и Г. А. Бурмакина в монографии. Речь идет о территории всего Красноярского края [8, с. 355]. Сопоставление данных позволяет дать приблизительную оценку, что доля добытой рыбы в ЭНО и ТНО составила 1/3 от уловов Красноярского края. И. И. Кузнецов привел данные по объемам вылова всей Восточной Сибири. Он указал, что в 1940 г. добыли 21,3 тыс. т, а в 1945 г. — 33,9 тыс. т [27, с. 507]. Отдельно сведения о северной части им не приводились.

В историографии существуют разные точки зрения на причины снижения добычи рыбы в округах Енисейского Севера в 1944—1945 гг. Так, Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков снижение уловов связывали с уменьшением значения труднодоступного региона для страны, т.к. началось освобождение временно оккупированных территорий, и возобновился процесс рыбодобычи в них [26, с. 129]. М. И. Белов придерживался утверждения, что развитие региона происходило преимущественно за счет внутренних ресурсов [2, с. 432], и их не хватало для развития отрасли. Мест-

ное население и спецпереселенческая рабочая сила, материальные возможности рыбзаводов, рыбные ресурсы водоемов уже не позволяли наращивать объемы уловов. С. Т. Гайдин и Г. А. Бурмакина пришли к выводу, что меры, предпринятые в крае (завоз рабочей силы, открытие новых предприятий, государственная поддержка) позволили увеличить вылов рыбы в два, а не в семь раз, как следовало из государственного задания [8, с. 156].

Вылов рыбы в национальных округах Сибирского Севера в 1941—1945 гг. Проведем сравнение объемов вылова в НО Сибирского Севера. Анализ по удельному весу каждого из НО можно осуществить при помощи сведений, представленных в таблице (см. табл.5).

Таблица 5

**Вылов рыбы в национальных округах
Сибирского Севера в 1941—1945 гг. (в ц)**

Округ	1941	1942	1943	1944	1945	Итого	Удельный вес (в %)
Ханты-Мансийский	148300	233380	311000	247300	171600	1 111 580	53,11
Ямало-Ненецкий	115700	156700	214 000	170500	150700	807 600	38,58
Таймырский	21 500	27951	34114	36485	27381	148201	7,08
Эвенкийский	2507	5693	8197	5103	4250	25 750	1,23
Итого						2 093 131	100

Общие объемы добычи рыбы по Сибирскому Северу составили 2 093 131 ц (209,1 тыс. т). Приведенные статистические данные показывают лидирующую роль в добыче рыбы ХМНО (**1 111 580 ц**). Его доля в улове Сибирского Севера составила 53,11%. Таймырский округ добыл в 7,5 раз меньше, чем Ханты-Мансийский (**148 201 ц**) и его доля выражается в показателе — 7,07%. Вторым по объемам уловов являлся ЯННО (**807 600 ц**) или 38,58% улова Сибирского Севера). В Эвенкийском округе выловили за военный период **25 750 ц** или (1,23%).

Совокупный объем по вылову за каждый военный год в НО Сибирского Севера показывает, что все четыре округа увеличили добычу рыбы в 1942 г. по сравнению с 1941 г.: Ханты-Мансийский округ — на 36,46%, Ямало-Ненецкий — на 26,16%, Тай-

мырский — на 23,08%, Эвенкийский — на 45,96%. В 1943 г. все округа демонстрировали увеличение добычи по отношению к предыдущему году. Так, ХМНО увеличил уловы на 33,26%, ЯННО — на 36,57%, ТНО — на 22,05%, ЭНО — на 43,97%. В 1944 г. произошло снижение рыбодобычи в трех округах, но не в Таймырском. Наибольший спад наблюдался в уловах ЭНО — на 37,75%. В ХМНО — на 21,48% и в ЯННО — на 20,23%. В 1945 г. наибольшее снижение уловов наблюдалось в ХМНО — на 30,61%. В ТНО уловы уменьшились — на 25%, в ЭНО — на 16,72%, в ЯННО — на 11,61%.

Проблема установления удельного веса национальных округов Сибирского Севера в вылове рыбы в восточных районах страны и СССР. Анализ трудов отечественных историков выявил, что еще одним малоизученным вопросом в историографии является установление удельного веса НО Сибирского Севера в уловах Сибири и страны.

Известный ученый Н. М. Кузнецов писал, что еще до войны СССР по количеству вылова занимал третье место в мире. Эти показатели обеспечивались преимущественно рыбной отраслью России. Н. М. Кузнецов не относил водоемы Сибирского Севера к основным рыбодобывающим в СССР [32, с. 5]. Тем не менее, роль региона в поставках рыбы в советский период заметно возросла. Так, в статистическом сборнике «Крайний Север к 1934 г.», указывалось, что удельный вес Крайнего Севера в добыче рыбы по СССР составлял 23,9%. В этом источнике оценка региона в значении для союзного рыболовства явно изменилась в лучшую сторону. Север Западной Сибири был отнесен к районам большого рыболовства, а Север Восточно-Сибирского края — малого [33]. Эта оценка прослеживается и в трудах региональных историков послевоенного периода. В работах М. Е. Бударина и Ю. П. Прибыльского особым образом подчеркивалась решающая роль в освоении рыбных богатств Сибири рыбаков ХМНО и ЯННО. Так, М. Е. Бударин утверждал, что накануне войны Сибирский бассейн по уловам рыбы занимал первое место среди внутренних пресноводных водоемов страны, а доля НО Севера Западной Сибири составляла около 40% рыбы пресноводных водоемов [34, с. 229].

Ю. П. Прибыльский утверждал, что Обь-Иртышскому бассейну среди внутренних водоемов нет равных по запасам лососевых рыб. И он давал около 50% добычи СССР [6, с. 3]. Эти данные не подтверждаются источниками.

Январским Постановлением 1942 г. предписывалось в указанном году установить план добычи рыбы по бассейнам Сибири в размере 1550 тыс. ц (155 тыс. т) и довести его в 1943 г. До 2 500 тыс. ц (250 тыс. т) [23]. Увеличение добычи рыбы требовалось от НО Сибирского Севера вначале в 2 раза, а в 1943 году план требовал увеличить вылов рыбы 3 раза. В условиях временной оккупации европейской части территории страны основными рыбодобывающими бассейнами являлись Каспийский, Дальневосточный и Сибирский, объем последнего в вылове и удельный вес в добыче рыбы представлены в монографии Ю. П. Прибыльского и В. И. Федорченко (см. табл. 6).

Таблица 6

**Вылов рыбы Сибирского бассейна в 1941—1945 гг.
по Наркомату рыбной промышленности СССР [7, с. 142]**

Год	1941	1942	1943	1944	1945
В тыс. т	51	89	120	92	72
В %	4,4	9,9	11,0	8,3	7,2

Общий объем уловов этого бассейна составил за военный период **424** тыс. т. Ю. П. Прибыльский и В. И. Федорченко указывают, что удельный вес Севера в заготовках рыбы в Сибири в годы войны составил 75,4% [7, с.143]. Удельный вес Сибирского бассейна можно увидеть исходя из сравнительного анализа данных по другим регионам восточной части страны (см. табл. 7).

Таблица 7

**Вылов рыбы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы
Великой Отечественной войны [7, с. 142; 38; 39, с. 116; 40, с. 99]**

Регион	Вылов
Сибирский бассейн	424 тыс. т

Сибирский Север	209,2 тыс. т
Дальний Восток	173 тыс. т
Камчатский край	78,9 тыс. т
Корякский национальный округ	78,9 тыс. т
Якутия	40 тыс. т
Итого	1004 тыс. т

За годы войны вылов по основным рыбодобывающим районам Сибири, включая Дальний Восток, составил 1 млн. 400 тыс. т. В четырех национальных округах Сибирского Севера вылов составил 2 092 361 ц (или **209 236 т**). Установив общий вылов, мы можем выявить долю региона в вылове Сибирского бассейна. Она составила 49,29%.

Удельный вес добычи рыбы национальных округов Сибирского Севера относительно всей Сибири и Дальнего Востока составил за военный период 20,89%, т. е. 1/5 часть всей рыбы добытой в восточной части страны.

Полученные данные делают возможным выявление доли вылова национальных округов Сибирского Севера в объемах добычи рыбы СССР военного периода. Стоит напомнить, что до войны 38% рыбы добывали в акваториях Баренцева, Балтийского, Черного и Азовского морей, а основным регионом добычи рыбы в войну являлся Волго-Каспийский рыбопромышленный район. Вылов рыбы в 1940 г. составил в стране 12 796 тыс. ц (1 127 тыс. т) [35, с. 1], что составляло по утверждению Е. Сямина, почти 20% от всей мировой добычи [36]. Официальные статистические данные по вылову рыбы свидетельствуют, что в 1940 г. было добыто в СССР 1 404 тыс. т, а всего за военный период в СССР выловили рыбы (в тыс. т): 1941 г. — 1 281; 1942 г. — 962; 1943 г. — 1 208; 1944 г. — 1 235; 1945 г. — 1 125 [37, с. 61]. Ниже представлена таблица, сведения которой показывают удельный вес вылова на Сибирском Севере по отношению к вылову рыбы в СССР (см. табл. 8).

**Доля вылова рыбы национальных округов
Сибирского Севера в объемах вылова СССР (1941—1945)**

	1941	1942	1943	1944	1945	Итого
СССР (в т)	1 281 000	962 000	1 208 000	1 235 000	1 125 000	5811000
Сибирский Север (4 НО) (в ц)	288007	423724	567311	459388	353931	2092361
Сибирский Север (в т)	28800	42370	56731	45938	35393	209 236
Доля в %						3,6

Удельный вес национальных округов Сибирского Севера в общем объеме вылова рыбы в СССР составил 3,6%. А удельный вес восточных районов страны в добыче рыбы в СССР — 17,28%.

Значение добычи рыбы в Сибири и на Дальнем Востоке состояло в том, что удалось частично компенсировать сокращение рыбных продуктов из-за потерянных промыслов в связи с временной оккупацией территории, что позволило оказать помощь государству в продуктовом снабжении армии и населения.

Исследуемый регион стал одним из рыбодобывающих в СССР, осуществляя поставки рыбной продукции не только на фронт, но и для питания населения, а также на экспорт. В изучении темы в отечественной историографии создана разнообразная литература. Однако степень отражения в ней ключевых сюжетов и уровень их разработки существенно различаются. Лучше изучено рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов, в меньшей степени разработана систематическая история данной отрасли военной поры применительно к Таймырскому и Эвенкийскому округам. Ключевым малоизученным вопросом темы является объем добычи рыбы, и вклад четырех национальных округов Сибирского Севера в общий объем вылова восточных районов страны и СССР. Впервые в науке установлены объемы вылова рыбы по Эвенкийскому (25 750 ц) и Таймырскому (148 201 ц) национальным округам, по Сибирскому Северу в целом. Вылов составил 2 093 131 ц

(209,1 тыс. т), т.е. 20% всей рыбы, добытой в восточной части страны и 3,6% в общем объеме вылова рыбы в СССР.

Завершая, подчеркнем, что Сибирский Север — стратегический регион России и в прошлом, и в настоящем. Важно подойти критически к накопленному историческому знанию исследуемой темы, осуществить его верификацию и обозначить направления дальнейших изысканий.

Примечания

1. Гололобов, Е. Сибирский Север: динамика образа — от Barren Grounds к Northern Plain // *Quaestio Rossica*. — 2017. — Т. 5, № 1. — С. 137-152.

2. Белов, М. И. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933—1945 гг. — Ленинград: Гидрометеиздат, 1969. — 615 с. // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4. — URL: https://vk.com/wall-182056495_9601 (дата обращения: 29.09.2024).

3. Ананьев, Д. А. Проблемы освоения Советской Арктики в освещении англо-американских исследователей 1930—1950-х гг. // *Историко-экономические исследования*. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 454-479.

4. Прибыльский, Ю. П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. — 280 с.

5. История Сибири: в 5 т. Т. 5.: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. / гл. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. — 470 с.

6. Прибыльский, Ю. П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья: Коммунистическая партия — организатор рыбного хозяйства Севера Западной Сибири. — Тюмень: Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. — 142 с.

7. Прибыльский, Ю. П. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны: моногр. / Ю. П. Прибыльский, В. И. Федорченко. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. — 160 с.

8. Гайдин, С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822—1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина. — Красноярск: Красноярского гос. аграр. ун-т, 2015. — 370 с.

9. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. П—107. Оп. 1. Д. 655. Л. 105-110.

10. Прибыльский, Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в.: моногр. — Москва: Наука, 2008. — 233 с.

11. Серазетдинов, Б. У. Югра в годы войны. — Екатеринбург: ПАКРУС, 2005. — 221 с.

12. Серазетдинов, Б. У. Патриотические подвиги и ударный труд в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. — 2000. — № 1. — С. 117—121.

13. Серазетдинов, Б. У. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941—1945 гг. — Москва: [Б.и.], 2010. — 336 с.

14. Гайдин, С. Т. Основные этапы развития рыбной промышленности в Приенисейском регионе в XIX—XX вв. / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Гришаевские чтения: материалы II национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профес., заслуженного работника высшей школы В. В. Гришаева. г. Красноярск, 15 окт. 2019 г. — Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2019. — С. 217-223.

15. Гайдин, С. Т. «Построение социализма» на территории Таймырского национального округа в 1930—1941 гг. / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2019. — № 6 (83). — С. 103-113.

16. Геценко, И. Г. Вклад Таймыра в победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Архивы Красноярского края: [официальный сайт]. — URL: <https://красноярские-архивы.рф> (дата обращения: 29.08.2025)

17. Алексеева, Л. В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.): монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2014. — 142 с.

18. Алексеева, Л. В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): моногр. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2015. — 169 с.

19. Алексеева, Л. В. О некоторых итогах изучения истории рыбного хозяйства Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в годы Второй Мировой войны // Клио. — 2015. — № 6 (102), июнь. — С. 76-77.

20. Алексеева, Л. В. Рыбные угодья и уловы на Севере Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2022. — № 6 (81). — С. 71-81.

21. Алексеева, Л. В. Экономика и трудовой подвиг жителей Югры // Академическая история Югры: в 8 т. Т. 6: Югра в 1917—1953 гг.: на

пути модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин; под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. — С. 383-400.

22. Сиволап, И. Развернуть рыболовство в местных водоемах // Рыбное хозяйство. — 1941. — № 1. — С. 7-8.

23. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 06.01.1942 № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» // Е-Досье: [сайт]. — URL: https://e-ecolog.ru/docs/RsAUVzZdpbJZZou3sSBTN?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 29.08.2025)

24. Гайдин, С. Т. Высшее руководство страны и Красноярский край: основные этапы взаимоотношений в советский период / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Гришаевские чтения: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доктора истор. наук, профессора, заслуженного работника высшего школы В. В. Гришаева. — Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2024. — С. 114-120.

25. Гайдин, С. Т. Организация рыбного промысла в Красноярском крае в послевоенный период (1946—1990 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Вестник КрасГАУ. — 2014. — № 11. — С. 229-238.

26. Ковязин, Н. М. Советская Эвенкия: экономико-географический очерк / Н. М. Ковязин, К. Г. Кузаков; под ред. В. Н. Увачана. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. — 188 с.

27. Кузнецов, И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. — 509 с.

28. Павлюкевич, Р. В. Развитие рыбной промышленности Красноярского экономического района в 1957—1964 гг. // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 448. — С. 136—141.

29. Государственный архив Красноярского края // Архивный путеводитель: справочник сведений по фондам архивов России, Белоруссии и еще 4 стран: [сайт]. — URL: <https://alertino.com/ru/444964> (дата обращения: 29.08.2025).

30. Муниципальное казенное учреждение «Таймырский архив» // Архивный путеводитель: справочник сведений по фондам архивов России, Белоруссии и еще 4 стран: [сайт]. — URL: <https://alertino.com/ru/423303> (дата обращения: 29.08.2025).

31. Егоров, А. Г. Внутренние водоемы Восточной Сибири, как база для развития высокопродуктивного рыбного хозяйства. — Иркутск: [Б. и.], 1958. — 14 с.

32. Кузнецов, Н. М. Рыболовство на Европейском Севере СССР. — Архангельск: Архангельское обл. кн. изд-во, 1952. — 36 с.

33. Крайний север к 1934 г.: сб. материалов по хоз. и культурному строительству. — Москва: Власть советов, 1934 (тип. ВЦИК). — 176 с.
34. Бударин, М. Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму: КПСС — организатор соц. преобразований в нац. районах севера Западной Сибири. — Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Омское отделение, 1968. — 474 с.
35. Уверенно двинуться вперед // Рыбное хозяйство. — 1941. — № 1. — С. 1—2.
36. Сямин, Е. Они приближали Победу // Русская рыба. — 2020. — № 2. — URL: <https://rusfishjournal.ru/publications/они-приближали-победу/> (дата обращения: 29.08.2025).
37. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. / Росстат. — Москва, 2020. — 299 с.
38. Бухтеев, А. Как рыбаки спасали страну от голода. 1921. 14 июля // Новостной портал о жизни коренных малочисленных народов: [сайт]. — URL: <https://news.kmnsouyz.ru/news/5675> (дата обращения: 29.08.2025).
39. Толкачева Н. В. Корякский автономный округ в годы Великой Отечественной войны. В труде — как в бою // Вестник Камчатского государственного технического университета. — 2011. — № 16. — С. 111-122.
40. Толкачева, Н. В. Рыбная промышленность Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Вестник Камчатского государственного технического университета. — 2015. — № 33. — С. 89-103.

О. В. Хозяинова

**Развитие жилищно-коммунального хозяйства
в г. Ханты-Мансийске в 1970-е года
в контексте урбанизации региона**

Развитие жилищно-коммунального хозяйства в г. Ханты-Мансийске в 1970-е годы происходило в контексте масштабных процессов урбанизации Западной Сибири, инициированных развитием нефтегазовой промышленности. Хотя основной вектор

централизации расселения был направлен на создание крупных опорных городов, таких как Сургут, Нижневартовск, Урай и Нефтеюганск, административный центр Ханты-Мансийск также испытывал влияние этих процессов [4, с. 156—158].

Во второй половине 1960-х гг. началось активное развитие инфраструктуры городов региона, поддерживаемое постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. №967 «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и от 21 декабря 1971 г. №919 «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области». Государством был взят курс на возведение для нефтяников в Западной Сибири крупных городов с капитальной застройкой: строительство жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения с обеспечением максимального их благоустройства, сооружение объектов электроэнергетики, шоссейных дорог [4, с. 156—158].

Реализуя государственную политику, Государственный институт проектирования городов разработал систему централизованного расселения, которая предусматривала развитие трёх опорных населенных пунктов — центров Сургутского, Нижневартовского и Южно-Балыкского промышленных узлов. Их центрами намечались города Сургут, Нижневартовск и Южный Балык. Однако, в начале 1970-х гг. централизованное расселение было осуществлено в другом варианте. Центрами Сургутского, Нижневартовского, Шаймского и Юганского нефтяных районов стали города Сургут (статус города получил в 1965 г.), Нижневартовск (1972 г.), Урай (1965 г.) и Нефтеюганск (1967 г.) [4, с. 156—158].

Строительство других крупных поселений и поселков запрещалось. Однако ведомства продолжали застраивать свои вахтовые поселки, которые со временем превращались в настоящие рабочие поселки с населением в несколько тысяч человек [5, с. 1—11].

Хотя Ханты-Мансийск не был включен в список ключевых промышленных центров, город оставался важным административным узлом региона, что способствовало его развитию. Ханты-Мансийск в 1970-е годы был небольшим, зелёным и мало-

этажным городом, население которого составляло не более 30 тысяч человек. Вопрос развития жилищно-коммунального хозяйства в городе оставался актуальным: из общего жилого фонда было обеспечено центральным отоплением 45%, водоснабжением — 16,3%, газификацией — 46%, канализацией — 16%. Особенно острой была жилищная проблема, потому что финансирование осуществлялось по остаточному принципу, из-за чего в 1970 году было сдано всего 919 кв. метров жилой площади [2, Д. 7. Л. 13].

В 1970 году была введена в эксплуатацию первая насосная станция на ул. Свердлова, которая подавала воду по стальному водопроводу протяжённостью восемьсот метров до ул. Розина (Красная) и ул. Калинина. Дата ввода в эксплуатацию первой водопроводной насосной станции и централизованного водопровода принята за основу даты формирования и создания городского водопроводного хозяйства [7].

Была проведена модернизация систем водоснабжения, теплоснабжения и электроснабжения, строительство новых жилых массивов с капитальной застройкой и благоустроенных коммунальных объектов.

Наблюдавшийся в городе рост численности населения потребовал создания новых жилых кварталов и социальных объектов. Были введены в эксплуатацию школа, больница, хлебозавод, два клуба, магазины, киоски, две столовые, ресторан, аэропорт «Ханты-Мансийск», дворец культуры «Октябрь», построен первый 5-ти этажный дом из сборного железобетона, здание госбанка, торговый центр [6].

Основной особенностью развития жилищно-коммунального хозяйства Ханты-Мансийска в этот период было сочетание централизованного планирования и ведомственного строительства. Несмотря на запрет возведения новых поселений, который связан с политикой укрупнения населённых пунктов, ведомственные структуры продолжали создавать собственные объекты инфраструктуры, что со временем привело к образованию жилых районов со стабильной численностью населения. «Городок геологов» развивался как база геологоразведчиков; «авиагородок» строился для авиаторов, их семей и работников аэропорта; посё-

лок «рыбников» — для работников Ханты-Мансийского рыбокомбината [5, с. 1—11].

В то же время развитие жилищно-коммунального хозяйства в Ханты-Мансийске столкнулось с серьезными трудностями. Если в конце 1960-х годов наблюдался стабильный рост освоения средств и ввода жилья, то с 1970 года начался резкий спад. Освоение средств по государственным капиталовложениям в 1970 году составило всего 68,7% от плана, а ввод жилья — лишь 26,3%, что свидетельствует о значительном замедлении темпов строительства. Поскольку приоритетное финансирование было направлено в крупнейшие нефтегазовые центры Западной Сибири (Сургут, Нижневартовск, Урай и Нефтеюганск), тогда как административный город Ханты-Мансийск, получал меньше ресурсов [5, с. 1—11].

В таблице 1 представим анализ состояния строительства жилья и культурно-бытовых объектов в г. Ханты-Мансийск.

Таблица 1

**Динамика строительства жилья и культурно-бытовых объектов
в г. Ханты-Мансийск в 1960—1970-е годы**

Год	Источник финансирования	Освоение средств (тыс. руб.)	% выполнения	Ввод жилья (кв. м.)	% выполнения
1965	Госкапвложения	786.9 / 986.9	125.4	6807 / 5012	73.6
1966	Госкапвложения	756.8 / 826.9	109.3	4630 / 4801	103.7
1967	Госкапвложения	1078.7 / 1010.6	93.7	7877 / 7068	89.7
1967	Прочие источники	87.8 / 75.3	85.8	1016 / 508	50
1967	Всего	1166.5 / 1085.9	93.1	8893 / 7576	85.1
1968	Госкапвложения	1093.6 / 1269.6	116	6906 / 7369	107
1968	Прочие источники	126.4 / 113.2	89.6	379 / 379	100
1968	Всего	1219.8 / 1382.8	113	7285 / 7748	106.9
1969	Госкапвложения	992.8 / 1409.3	142	5172 / 5135	99
1969	Прочие источники	343 / 349.2	102	872 / 872	100
1969	Всего	1335.8 / 1758.5	131	6044 / 6007	99
5 лет (1965-1969)	Госкапвложения	4708.8 / 5508.3	117	31392 / 29885	92
5 лет (1965-1969)	Прочие источники	557.2 / 587.7	96.4	2267 / 1759	75.6
5 лет (1965-1969)	Всего	5266 / 6041	114.6	33659 / 31144	92.6

1970	Госкапвложения	926.6 / 637	68.7	3486 / 919	26.3
1970	Прочие источники	774.3 / -	-	618 / -	-
1970	Всего	1700.9 / 637	37	4104 / 919	22

На фоне предыдущих лет, когда финансирование зачастую превышало плановые показатели, этот спад выглядит особенно контрастным. Например, за 1965—1969 годы освоение средств составило 114,6% от запланированного объема, а ввод жилья достиг 92,6%. Однако в 1970 году картина резко изменилась: освоено лишь 37% от плана, а введено в эксплуатацию всего 22% запланированных квадратных метров [1, Д.5. Л.2].

Активное освоение нефтяных месторождений требовало значительных ресурсов, что вызывало дефицит материалов и специалистов в других сферах строительства. Кроме этого, пересмотр приоритетов в региональной политике также привело к снижению финансирования жилищно-коммунального строительства в Ханты-Мансийске [5, с. 1—11].

Подобные тенденции наблюдались и в других городах региона. Например, в Сургуте в конце 1960-х — начале 1970-х годов, несмотря на статус ключевого нефтедобывающего центра, возникали проблемы с обеспечением стройматериалами и рабочей силой, что приводило к задержкам в сдаче жилых объектов и объектов социально-культурного назначения [5, с. 1-11].

Тем не менее, несмотря на все сложности, именно в 1970-е годы в Ханты-Мансийске были заложены основы современного уровня развития жилищно-коммунального хозяйства: построены и реконструированы дороги, улучшено освещение улиц, модернизированы системы водоснабжения и канализации, развита социальная инфраструктура [5, с. 1—11].

Таким образом, развитие жилищно-коммунального хозяйства в Ханты-Мансийске в 1970-е годы происходило в условиях общесоюзных процессов урбанизации, обусловленных нефтегазовым освоением региона, и сопровождалось активным строительством и модернизацией городской инфраструктуры [5, с. 1—11].

Примечания

1. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 387. Оп. 1. Д.5. Л. 2.

2. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 387. Оп. 1. Д.7. Л. 13.

3. О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. // Электронная библиотека исторических документов: [официальный сайт] — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355662#mode/inspect/page/3/zoom/6> (дата обращения: 28.08.2025).

4. Стась, И. Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа(1960-1990-егг.)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7 (33), в 2 ч., Ч. 2. — С. 250.

5. Стась, И. Н. Дискуссия о строительстве городов нефтяников Западной Сибири (по материалам конференции 1966 г. в г. Тюмени) // Вестник СПбГУ. Серия 2. — 2015. — Вып. 2. — С. 270.

6. Историческая справка // Ханты-Мансийск: официальный информационный портал органов местного самоуправления. — URL: <https://admhmansy.ru/city/history.php> (дата обращения: 28.08.2025).

7. История развития водоотведения г. Ханты-Мансийска // Муниципальное предприятие «Водоканал» г. Ханты-Мансийск. — URL: <https://vodahm.ru/about/history/> (дата обращения: 28.08.2025).

Р. Ш. Сарьянова

Позовите меня на войну..., или Вернитесь домой живыми!

С февраля, когда началась спецоперация в Украине, в воздухе нависло гнетущее ощущение опасности. Через какое-то время это чувство притупилось, а потом в буйных головах вообще наступила эйфория: победим, мы сильные! К осени, стало понятно, что это надолго, горе пришло в дома вместе с гробами погибших, известиями о плененных, раненых.

И тогда, в сентябре, когда началась частичная мобилизация, я решила — хватит отсиживаться! Хватит прятаться за спинами

молодых и плакать по погибшим бойцам! Пора вспомнить, что я военнообязанная, правда, уже в запасе по возрасту. В педагогических вузах нас, будущих учителей, 2 года обучали сестринскому делу на случай войны. Я медсестра гражданской обороны. Думалось, жизнь прошла, не пригодилась военная специальность, только раз была на военных сборах. Вот время настало вернуть долг Отечеству, народу. Отправила в военкомат заявление онлайн, чтобы меня отправили на фронт. Пригожусь в госпитале нашим солдаткам раны обмывать, перевязывать, уколы делать, хоть утешить добрым словом. Ничего, выдержу.

Всегда примером для меня были дочери последнего нашего царя, Николая II. Они в годы первой мировой войны вместе с матерью, царицей нашей, служили в госпитале: читали письма, писали за раненых ответы домой, обмывали раны загноившие, перевязывали. Не чурались никакой грязной работы: выносили утки, меняли постели. Чем я лучше их! Не призвали... Ответ пришел корректный — спасибо, что не нагубили, не обидели, напомнив мой возраст! Мне 68 лет! Работаю учителем русского языка и литературы в выпускных классах. Ответ был очень учтивый: работа ваша достойная, работайте без паники на своем рабочем месте.

Обидно, что ничем не могу помочь! Только не думайте, что я — фанат войны. Обычная мать, бабушка, обычный обыватель, как многие жители в нашей стране, тоже против войны, кровопролития. Но когда встал вопрос, ты «за» или «против», многие стали чувствовать себя патриотами. Мы, учителя, перечисляем часть зарплаты, принимаем участие в сборе вещей первой необходимости.

Не сразу пришло народу осознание своей значимости в происходящем. С февраля в нашей речи появились слова «спецоперация», потом «частичная мобилизация». Хотя народ сразу окрестил «война»! Уже почти нет в живых участников Великой Отечественной войны, но живы их дети. Этим детям, рожденным после войны, кто дожил до наших дней, семьдесят—восемьдесят лет. Они помнят рассказы родителей о том, как жили впроголодь, ничего не было в магазинах, деньги обесценились. Да и жизнь их не баловала тоже, пережили девяностые годы, годы перестройки, устроенные неумной политикой, а может

быть, и предательством, когда все было по карточкам. Поэтому потекли ручейки пенсионеров в банки, чтобы снять свои накопленные «гробовые». Две недели снимали деньги, не протолкнуться было в банках, через неделю, видя, что спокойно, а наоборот, процентная ставка выросла, опять понесли свои гроши, создавая очереди. Понесли только оставшиеся деньги, так как атаквали прилавки магазинов, делая в день несколько походов, загружая доверху свои тележки солью, сахаром, мукой, крупами, макаронными изделиями и прочим товаром первой необходимости. Хотя я тоже родилась после войны через 9 лет, в панике не побежала, но в сердцах ругнулась, когда нужно было купить килограмм сахара. После работы уже не купишь — товаров этих нет на полках. В одном магазине сахар нашла, аж за 148 рублей килограмм! Ажиотаж сделал свое черное дело, предприниматели тут же взвинтили цены до небес. Принципиально не стала покупать, трезво рассудив: паника пройдет, не может допустить правительство такого откровенного безобразия. У нас мудрый президент, всё уладится! Действительно, оторопь прошла, народ успокоился, жизнь более-менее, вошла в колею. Ведь смешно, столько сахара купить! Сейчас война если будет, то всех уничтожат. «Ну, у кого-то тело будет сладкое, а у меня — нет!» — смеялась от души.

Так наступила весна, пришло лето, с опаской слушали новости о военных действиях. Когда сообщалось, сколько солдат бойцов погибло, на глазах непроизвольно наворачивались слезы. Слезы непроизвольные по погибшим бойцам: не только по своим, но и противника. Мы, матери и бабушки, переживали также и за убиенных врагов, за православных. Они ведь тоже чьи-то дети, внуки, по ним стенают родители. Мы — мамы, простые женщины — все против войны, мы — за мирное небо. Однако одновременно понимаем, что эта война — вынужденная мера в борьбе с нацистами.

Сначала я только сочувствовала нашим военным, молилась за них, старалась поддерживать тех мам, знакомых своих, кто оказался на линии огня. Объявили День донора. «Пойду сдавать кровь, пусть переливает раненому солдату, чью-то жизнь спасу!» — обрадовалась я! Опять не прошла — по возрасту и по здоровью. Месяц назад переболела ковидом, осложнения до сих

пор... Не успокоюсь, нужно помочь, каждый человек, каждый гражданин должен, обязан помочь нашим военным: добрым словом, материально. Кто как может — перечислить заработную плату, участвовать в сборе набора сладкого для раненых, отправить в госпиталь. Мои подруги вяжут теплые носки, покупают теплое белье. Каждый помогает по возможности. Наше поколение не понимает дезертиров, осуждает тех, кто в начале мобилизации спрятались в соседних государствах, как тараканы в щели! Осуждает старшее поколение и себя. Ведь это из-за нашего попустительства выросло поколение потребителей, «патриотов», льющих крокодиловы слезы за рубежом.

Какую моральную и материальную поддержку могу оказать я? Вернулся после трех месяцев боёв племянник мужа. Считаю, что он настоящий герой! Пошел добровольцем, хотя мог остаться дома: у него трое детей, средняя девочка — инвалид первой группы. Взяла шефство над семьей, помогаю с ребятами управляться. Пока племянник лечился после ранения в госпитале, мы всем коллективом собрали сладости и передали солдатам. А самая главная моя работа — воспитание патриотизма и гражданской позиции у моих учащихся. У них ещё не сформированы жизненные взгляды, неокрепшая душа. Все наше общество: и ученики мои, и их родители столкнулись с ситуацией выбора в решении вечных проблем. Вечные проблемы актуальны в любую историческую эпоху. Это проблемы, связанные с моральным выбором человека: что считать «добром», а что — «злом» — плохим, ошибочным, позорным.

В наши дни, в связи с событиями в Украине, когда весь западный мир во главе с НАТО бросил вызов нашей стране каждому мыслящему человеку, приходится задавать самому себе этот вопрос и отвечать на него, как и многие века назад. Поэтому проблемы чести, долга, взаимоотношений родителей и детей, проблема взаимодействия власти и общества, проблемы военного времени, патриотизма, описываемые А. С. Пушкиным в романе «Капитанская дочка» актуальны, так как в возрасте подросткового периода формируются основные черты характера, воспитывается патриотизм, гражданская позиция. В этом произведении есть все то, что сохранило свою актуальность и в современное для нас время: вечные проблемы добра и зла, мо-

ральные нормы и личностные отношения. Герои повести так же, как и наши военные сегодня в Украине, действуют в непростые времена — в дни восстания Емельяна Пугачева. Автор освещает темы чести, коварства и великодушия, предательства и отваги. Читая и анализируя повесть, учащихся своих подвожу к мысли — что в конечном итоге защищает каждый воин? Как научить детей быть патриотами? Понятия долг, честь — понятия слишком обтекаемые для подростка. Подводим к выводу, что любовь — самая главная ценность, которая не зависит от эпохи и всегда эта тема будет современна и актуальна. Это любовь к родителям, к своей семье, дому, возлюбленной, Отчизне. Именно эти ценности защищают наши воины.

Глядя на лучистые, просветленные глаза детишек, понимаю: мои слова — это как семя, упавшее на их ниву души. Надеюсь, они дадут здоровые ростки. Не будет среди них равнодушных, не будет и предателей.

Правда, приходится сталкиваться и с обратной стороной медали. На другой день приходит в школу ребенок с поникшей головой и печально произносит: «Вы говорите одно, а дома родители объясняют совсем по-другому, они против войны, во всем обвиняют правительство и президента». И я понимаю, родители моих учеников — это то «потерянное» поколение 90-ых годов, за мировоззрение которых мы тоже несем ответственность. Понимаю, что очень важно всем нам: и учащимся, и их родителям — понять, что причины недовольства бывают разными, но последствия почти всегда одни и те же — страшная жестокость и море крови.

Постоянная критика политики своего государства может привести к предательству и измене. Выступая на родительском собрании, с радостью отмечаю, что нахожу понимание во взглядах многих родителей. Нет, не могут они выглядеть в глазах своих детей предателями. Придется тоже заниматься самовоспитанием. В конце концов, мои ученики вместе с родителями написали письма солдатам нашим на фронт. Столько было вложено благодарности и любви к защитникам в этих посланиях!

Главное пожелание — вернитесь домой живыми!

II. ЭТНОГРАФИЯ

О берестяных набирках восточных хантов

В культуре восточных хантов особое место имеют взаимоотношения человека и природы. С древних времен люди живут в гармонии с природой, это обусловлено их бытом и деятельностью: охотой, рыбалкой, оленеводством и сбором дикоросов.

В пищевом рационе каждой семьи кроме мяса и рыбы, можно наблюдать различные ягоды, орехи. Сбором ягод, занимались женщины, приобщая к этому промыслу своих детей. Ягоды заготавливали впрок. Бруснику и клюкву замораживали и хранили в берестяных коробах — кучем. Смородину, шиповник и черёмуху сушили. Из всех дикоросов черёмуха как ягодное дерево занимала особое место в пищевом рационе хантов. Ягода в сушеном состоянии долго хранится. Ранее ее толкли до получения розово-коричневой муки, пахнущей душистым миндалем. Черемуховую муку хозяйки смешивали с ржаной или пшеничной мукой и пекли ароматные, вкусные лепешки со своеобразным, очень приятным вкусом. Кроме того, это дерево ценили за целебную кору, гибкую и прочную древесину, которую применяли при изготовлении берестяных вместилищ. Кроме лекарственных свойств, кора черемухи дает прочную и яркую природную краску, которую мастерицы использовали для нанесения узоров на бересте и коре пихты. Гибкие прутья черемухи идеально подходят для изготовления ободков, дранок и сарги, которые отлично заменяют кедровую саргу. Прочный и эластичный материал прекрасно подходит для обшивки краев устья вместилищ и соединения отдельных деталей.

В быту восточных хантов до сих пор используются различные берестяные вместилища. Берестяная утварь легкая, прочная и легко заменима. К тому же, береста — доступный материал, который изготавливают сами женщины, поэтому в собирательстве ёмкости, изготовленные из бересты, широко применялись в прошлом. И до сих пор на территориях традиционного природопользования можно наблюдать, что совместно с посудой промышленного производства используется самодельно изготовленная берестяная утварь. В современное время более популяр-

ны различные набирки для сбора дикоросов, которые проще всего изготовить из бересты.

Археолог, историк Я. А. Яковлев в книге «На столе и вокруг него» из серии «Жизнь обских угров: взгляд изнутри» пишет, что береста обладает привлекательным набором качеств для изготовления посуды. Во-первых, она легкая, что очень важно для переноски продуктов. Во-вторых, эластичная, что позволяет придавать ей любую форму, и поэтому набор берестяной посуды отличается большим морфологическим разнообразием. В-третьих, природные качества березовой коры, в частности гигроскопичность и антисептические свойства, делают незаменимой изготовленную из нее посуду для длительного хранения продуктов [6, с. 64].

Набирки, изготовленные из вываренного в рыбьем жире материала, приобретали особую прочность и эластичность. Такие ёмкости служили долгие годы, кроме того, практически не впитывали сок ягод и не окрашивались естественным красителем, что имело большое значение в сохранении художественной ценности изделий.

Восточные ханты изготавливали набирки двух типов:

1) трапециевидные — для сбора ягод с высоких кустов (черёмуха, смородина, малина, шиповник, можжевельник)

2) квадратные или прямоугольные — для сбора ягод с низкорослых кустов (брусника, черника, морошка, клюква, княженика, земляника).

По технологиям изготовления типы набирок отличаются.

Первый тип (трапециевидные набирки для сбора ягод с высоких кустов) называют **Вынчеп**. Они подразделяются на поясные и подвешивающиеся на шею собирателя.

Вынчеп формируют из одного цельного прямоугольного куса бересты, за счет перегибания материала пополам и сложения двух углов с дальнейшим прижатием их к центру боков, где края бересты сложены внахлест друг на друга (рис. 1).

Ранее большинство мастериц стык краев пласта склеивали рыбьим клеем, за счет чего сосуды обладали большой герметичностью. В настоящее время чаще фиксируют их мелкими стежками сухожильных или капроновых нитей. Дно при этом получается с округленными краями. Край устья укрепляют полоской

более плотной бересты, а по контуру среза накладывают с наружной и внутренней сторон ободки из расщепленного черемухового прута или обработанного корня кедра. Поверх ободков проводят обшивку саргой или нитями. Подобный подход укрепления придает жесткость форме устья и общую прочность конструкции вместилища.

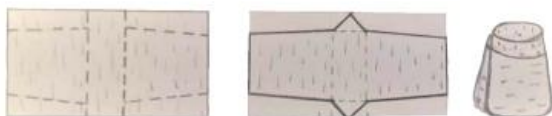

Рис. 1. Схема сложения вынчеп

Вынчеп изготавливают практически всегда из средней плотности осенней бересты наружной стороной коры (далее «рубашкой») во внутреннюю сторону вместилища. Цветная сторона коры, имея более темный оттенок, позволяет орнаментировать стенки набирок. Каждая хозяйка старается украсить свои набирки так, чтобы они отличались от других и были узнаваемы.

В статье «Берестяная утварь васюганско-ваховских хантов: к проблеме классификации» В. С. Ефремова отмечает, что в Сибири исследователи выделяют два крупнейших центра, в которых широкое распространение получили разнообразные, богато орнаментированные изделия из бересты, — это р. Обь и р. Амур [3, с. 364]. На Оби орнаментированную бересту представляет искусство коренных народов — обских угров, или хантов и манси. При этом сильнее всего традиции орнаментальной обработки берестяной утвари проявились в культуре восточной группы хантов [2, с. 144].

Берестяные изделия украшали всевозможными узорами. Их наносили с помощью девяти технических приемов: выскабливание (процарапывание), тиснение, ажурная резьба с подкладным фоном, аппликация, мозаика, раскрашивание, профилировка краев, накалывание, нанесение узора штампом (чеканом) [3, с. 72]. Почти всеми приемами орнаментации владела женщина. Единственно, штампованные узоры на бересту наносил мужчина [1, с. 7].

В современное время практически все мастера восточной этнографической группы ханты орнамент наносят методом процарапывания и скобления верхнего цветного слоя. При этом наблюдается доминирование геометрических мотивов, стремление к сохранению равенства фона и узора одинаково характерного как для древнего, так и для современного орнамента. Орнаментальный комплекс часто составляют бордюры или замкнутые фигуры в виде розеток на плоскости стенок, крышек, а иногда и дна.

При этом идет изменение мотивов в направлении стилизации, упрощения или усложнения. Орнамент все более приобретает декоративное и утрачивает первоначальное смысловое значение. То, что раньше редко встречалось в искусстве хантов, появляется теперь в детских рисунках на бумаге — это сюжетные сцены, эпиграфические элементы.

Орнаменты восточных хантов постепенно видоизменяются, в них происходит творческая переработка полученного народом художественного наследия. Орнаментация предстает перед нами как сложный и разносторонний процесс. В то же время относительная устойчивость форм и мотивов обско-угорского орнамента, сохраняющих свой характер на протяжении многих столетий, позволяет рассматривать его как один из важнейших исторических источников [4, с. 5].

Берестяные набирки ранее орнаментировали богато. У аганских хантов было распространено в орнаментации аппликация и ажурная резьба на черенной бересте с подкладным фоном.

С конца XX века черенную бересту стали заменять полиэтиленовой изоляционной пленкой для нефтяных труб. Это сырье применяли и для оборачивания прохудившихся, треснувших набирок. Примером подобного применения синтетического сырья является набирка МКМ КП-877/2. Э-295 (рис. 2)

Традиционно декорируя берестяные набирки, большинство мастериц в настоящее время, наносят узоры на поясках, укрепляющих края устья вместилищ.

Наглядным примером данной технологии орнаментирования являются поясные набирки с инвентарными номерами: выщеп МКМ КП-7074 Э-915 (рис. 3) и выщеп МКМ КП-7075 Э-916 (рис. 4), изготовленные мастером художественных промыслов ХМАО-Югры Т. С. Уколовой.

**Рис.2. Набирка
МКМ КП-877/2. Э-295**

**Рис. 3. выңчеп
МКМ КП-7074**

**Рис. 4. выңчеп
МКМ КП-7075**

Вид вместилища	Инвентарный номер	Использованные материалы	Термин на хантыйском языке (сургутский диалект, аганский говор)
	МКМ КП-256	Береста, нить, ткань	Выңчеп
	МКМ КП-7147	Береста, дерево, нить, ткань	Выңчеп
	МКМ КП-7074	Береста, дерево, нить, кедровая сарга	Выңчеп
	МКМ КП-7075	Береста, дерево, нить, кедровая сарга, ровдуга	Выңчеп
	МКМ КП-877-1	Береста, алюминиевая проволока, нить, гудрон	Выңчеп

	<p>МКМ КП-877-2</p>	<p>Береста, алюминиевая проволока, нить, ткань, полиэтилен</p>	<p>Выщеп</p>
	<p>МКМ КП-6168</p>	<p>Береста, дерево, нить, ровдуга</p>	<p>Выщеп</p>

Перед нанесением орнамента поверхность бересты смачивают теплой водой (ранее это делали слюной). Под воздействием влаги верхняя пленка легче отделяется от нижних слоев бересты. Каждая мастерица планируемый узор складывает мысленно и намечает контуры узора на глаз, не используя никаких трафаретов. Контурную линию процарапывают еле заметной линией, так чтобы после выскабливания не оставалось от нее никаких следов. Орнамент состоит из строго геометрических, включающих в себя мотивы из ромбов, зигзага с отростками и уголками, а также стилизованных изображений животных. Обычно на укрепляющих лентах процарапывают бордюрные, линейные узоры. Если же декорируют центр стенок, то выскабливают различные плоские узоры, составленные из небольшого набора одинаковых элементов и отличающиеся единообразными геометрическими повторяющимися фигурами. У опытных мастериц орнамент всегда получается лаконичным и красивым. В работе используется единственный инструмент — нож. В изготовлении берестяных вместилищ мастерицы применяют не только бересту и дерево, но и другие, современные материалы, как металл, ткань, полиэтилен, изолента [5].

Второй тип (вместилища для сбора низкорослых ягод) называют Норэң сáвэн или доқуң сáхун. Их практически всегда формируют из бересты квадратной или прямоугольной формы, за счет сжатия четырех углов с последующим сложением в виде «конверта» и встречным загибом их вершин к центру противоположных сторон. За счет такого сложения углов края пласта перегибаются вверх, формируя стенки.

Например, норэң сáвэн или докуң сáхун — берестяные сосуды квадратной или прямоугольной форм — формируют за счет сложения четырёх углов и прижатия их к центру поперечной стенки (рис. 5).

Рис. 5. Схема сложения углов норэң сáвэн или докуң сáхун

В итоге получают посуду квадратной, прямоугольной форм, край и срез устья которых укрепляются также, как и у вынчеп, полосками крепкой бересты, деревянными ободками поверх которых производится обшивка саргой или нитью. Ёмкости дополняют ручками и получают вместилища напоминающие корзинки.

В этнографической коллекции музейного фонда МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» хранится более 300 берестяных предметов. Среди них пять норэң сáвэн или докуң сáхун, которые экспонируются на различных выставках, отражающих традиционную культуру коренных малочисленных народов Севера и постоянной экспозиции «Два народа, живущих по подолу Земли».

Вид вместилища	Инвентарный номер	Использованные материалы	Термин на хантыйском языке (сургутский диалект, аганский говор)
	МКМ КП - 257	Береста, дерево	Норэң сáвэн или докуң сáхун
	МКМ КП - 7190	Береста, дерево, нить	Норэң сáвэн или докуң сáхун
	МКМ КП - 7132	Береста, дерево, ткань, нить	Норэң сáвэн или докуң сáхун

	МКМ КП - 7294	Береста, дерево, алюминиевая проволока, ткань, нить	Норэң сáвэн или докуң сáхун
---	------------------	--	--------------------------------

Норэң сáвэн или докуң сáхун орнаментируют крайне редко. Если вместилище украшают узором, то их выскабливают только на укрепляющих полосках поперечных стенках.

Существенно отличается от предыдущих двух видов набирок ёмкость для сбора голубики, их часто применяли и для сбора черники. Главной особенностью этого типа набирок является ее локальная принадлежность аганским хантам. Ванчен савын (МКМ КП-7592 Э-1089) — это своего рода тарелка квадратной формы с закругленными углами. У каждой сборщицы ягод была своя индивидуальная набирка, так как ширина его стенок должна соответствовать ширине лица сборщика (рис. 6).

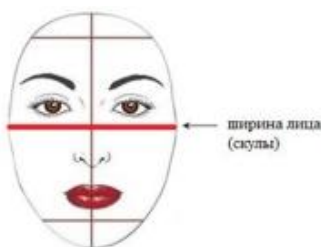

Рис. 6. Красным цветом выделена линия определения ширины лица

Вид вместилища	Инвентарный номер	Использованные материалы	Термин на хантыйском языке (сургутский диалект, аганский говор)
	МКМ КП-7592	Набирка для голубики	Ванчен сáвэн

По рассказам респондентов, это необходимо для удобства сдувания мусора (листьев, сухих ягод) собранного вместе с ягодами. Если ширина ёмкости окажется меньше ширины лица, то человек сдувая соринки, сдувает и часть ягод. Если же ширина набирки окажется шире лица, то сборщику нужно будет прикладывать больше сил для очистки ягод, и от сильного дуновения может возникнуть головокружение или головная боль.

Для изготовления набирки ванчен сáвэн необходима свежая, эластичная, летняя береста. Народные мастерицы стараются заготовку производить с берёз, произрастающих в смешанном лесу. У таких деревьев кора ровная, без обилия корост и трещин. Снимают кору по форме приближенную на квадрат.

Технология изготовления данной набирки, на первый взгляд простая. Но, для того чтобы изготовить качественную и удобную ёмкость, необходимо потрудиться. В процессе изготовления имеются условия, соблюдение которых имеет важное значение. Одним из таких важных подходов является формирование углов вместилища. В отличие от углов первых двух типов набирок, где необходимо зажимать их под 45° , при изготовлении ванчен сáвэн следует выполнять не более 23° . В результате этого уклон стенок вместилища должен получиться пологим, что и дает возможность сдувать с ёмкости все легкие соринки, как листья и сухие ягоды [5].

В общем, традиции изготовления берестяных вместилищ XX в. почти не изменились. Берестяные вместилища, выполненные мастерами разных локальных групп (в т. ч. и различные набирки), имеют как общие технологические черты, так и отличительные. Основной отличительной чертой являются орнаменты.

Богатый декор ваховских и юганских мастериц не спутать с другими. Аганские и тромъеганские мастерицы счищают с деревянных ободков кору. Юганские оставляют как есть или счищают фрагментами в виде «зубов шуки» или пунктирами. Только у ваховских мастериц встречается профилировка краев.

Печально, что в художественных ремеслах восточных ханты утеряна технология чернения бересты, которая в старину широко использовалась для декорирования берестяных ёмкостей. Не осталось мастеров, работающих по теснению бересты.

В Ханты-Мансийском автономном округе-Югре большое внимание уделяется сохранению и восстановлению культурных традиций, в том числе в промыслах и художественных ремёслах. За счет этого просыпается интерес к работе с берестой у более молодого поколения. Возможно, кто-либо проявит инициативу возрождения утраченных технологий.

Примечания

1. Алексеева, Е. С. Берестяная утварь в культуре восточных хантов // Этюды культуры — 2008: материалы Всерос. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 25 апр. 2008 г). — Томск, 2008. — С. 6-10.

2. Ефремов, В. С. Берестяная утварь васюганско-ваховских хантов: к проблеме классификации // Этюды культуры: материалы Всерос. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. — Томск, 2013. — С. 144-148.

3. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — Москва; Ленинград, 1963. — 500 с.

4. Лукина, Н. В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. — 239 с.

5. Полевые материалы Ибраевой Р. А. (рукописи) 2022, 2024 гг.

6. Яковлев, Я. А. На столе и вокруг него / Я. А. Яковлев; Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа» — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — 367 с. — (Серия «Жизнь обских угров: взгляд изнутри»; Т. 1.)

Народная метрология обских угров

Коренные жители, проживающие на территории Среднего Приобья, на протяжении многих веков формировали нормы жизни в окружающей среде. Для того чтобы лучше понимать процессы, происходящие в природе, ханты и манси смогли выработать в себе навыки ориентировки в самых разнообразных условиях. По мнению советского этнографа Л. А. Молчановой, народная метрология должна изучаться в связи с конкретной средой, из которой происходит та или иная мера [8, с. 3].

Обско-угорская метрология, как раздел народных знаний, включает в себя не только понимание нормы (стандарта), практики измерения, но и отображает хозяйственные, природные и сакральные знания о метрологических единицах.

Универсальная классификация для народной метрологии была предложена Л. А. Молчановой. Исследовательница предлагала разделять народную метрологию на три группы: 1) меры, связанные с частями тела, 2) меры, создавшиеся в обстановке передвижения, 3) меры, связанные с трудовой деятельностью (земледелие, охота, рыболовство, ткачество).

Использование антропометрических мер измерения является распространённой практикой каждого народа. Особенность данных мер отмечает Л. А. Молчанова, в том, что они универсальны [8, с. 5].

Меры измерения длины с помощью человеческого тела нашли широкое распространение у обских угров. Так, С. К. Патканов, называет самую маленькую меру измерения длины у хантов как «surt» или «miser». Приводится им и такая мера длины как «tet» — это расстояние между пальцами разведённых в стороны рук, т. е. она полностью соответствует русской мере длины — «сажень». Патканов не исключает, что «tet» была заимствована у русского населения, ведь в былинах она имеет такие значения как «копье» или «собрание копий», потому что его длина, приблизительно, сопоставима с саженью. Также под влиянием русских использовалось понятие «царская сажень», равная трём аршинам [9, с. 143].

В работе У. Т. Сирелиуса находим ссылки на малые меры измерения длины, например, такие как: «сажень», «официальная сажень», «половина сажени» или как её называют «середина груди», «сажень без локтя», «косая пядь», «ширина ладони», «ширина ладони с прибавлением высоты большого пальца» [13, с. 242].

Г. М. Дмитриев-Садовников в своей работе приводит такую антропологическую меру как «на глаз», с помощью которой «ваховские остяки» проверяли толщину обласа: «заходит с кормы и носа и на глазомер, не обманывающий его, проверяет расположение боков, водорезов» [3, с. 58].

М. Б. Шатилов, описывая материалы для изготовления берестяной посуды у ваховских остяков, приводит такую меру как «палец», с помощью него определяли толщину черёмухи для дальнейшей обработки и использования в качестве верёвки [18, с. 85].

По мнению В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной, у хантов мерой для изготовления орудий труда, ловушек, средств передвижения является сам человек [6, с. 35].

Н. В. Лукиной в 1970-е годы были записаны антропологические меры длины у васюганских хантов. К «большим» ханты относили меры, связанные с длиной рук: «размах рук», «десять махов». Они применяли такие меры для определения длины сети [7, с. 269]. Также для измерения больших расстояний использовали «шаг» [7, с. 272], для небольших — «четверть» (длина между напалком и средним пальцем руки). С помощью этой меры измеряли длину лыж («пять четвертей», «семь четвертей» и т.д.), в зависимости от роста человека [7, с. 269]. Ширину предмета определяли длиной пальцев. Считалось, что у хорошей коровы ширина рёбер составляет «три пальца» [7, с. 271]. Использовалась и длина ногтей на пальце: «толщина обласка — конч, с длину ногтя большого пальца» [7, с. 272].

В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина считают, что наиболее разработанными были меры, связанные с частями рук, которые определялись физическим строением того или иного человека [5, с. 100-101]. Учёными приводятся такие меры как: «длина ногтя» (ею определяли толщину стенок обласа), «длина ногтя безымянного пальца», «ширина указательного пальца». Эти меры служи-

ли для определения толщины подшитых лыж-подволок под ступнёй, а также толщины полоза ручной нарты в её средней части [5, с. 101]. Ширина деревянной пластины на дне кузова ручной нарты должна соответствовать ширине «двух пальцев», а на стенках в «полпальца»; использовали также меру «сорт», соответствующую русской «четверти» (расстояние от конца вытянутого большого пальца до конца вытянутого указательного). Применялась хантами и такая мера длины как «эллэ-сорт», равная русской «большой четверти», т. е. расстояние между концами большого и среднего пальца. Называется мера, связанная с пальцами рук как «сири-сорт» — это расстояние от большого пальца до сгиба указательного пальца, отличался от «васюганской меры», которая составляла одну четверть и два сустава среднего пальца. В. М. Кулемзин утверждает, что ханты использовали такую меру как «вюjul» или «в ллл», т. е. расстояние между концами пальцев вытянутых рук, в этой мере была необходимость при измерении длины — нарт, сетей, луков [5, с. 101].

Для того чтобы найти дерево подходящей толщины для лодки, его измеряли «обхватом», применяя меру — «шаг», а длина лыж измерялась «ростом человека» [5, с. 101].

С помощью мер длины, связанных с конкретными возможностями человека, измеряли глубину водоёма. Несмотря на то, что ханты с опаской относились к воде, добыча рыба и наблюдения за её повадками требовали формирования мер измерения глубины. Такими мерами служили: мелко — до голени, по колено — не глубоко, по пояс — под пояс вода идёт, по грудь — под сердце вода идёт, по горло — под горло вода идёт, выше головы — с головой скрыло, ещё глубже — сильно глубоко [5, с. 102].

В. И. Сподина констатирует, что одним из распространённых мер длины было расстояние между пальцами одной руки. Ещё у финского исследователя К. Карьялайнена, приводится фрагмент «мухоморной песни», в которой описывается небо: «Там кедры высотой в пядь, трава высотой в пядь, деревья там кучами» [15, с. 87]. Так «пядь» (сорт, сурт) у шурышкарских хантов была мерой измерения длины топорища, высоты подола одежды, голенища у меховой обуви — кисов. Длина подошвы обуви определялась с помощью — «сурас», это расстояние, равное «большой пяди» с добавлением большого пальца. С помощью разных

пальцевых комбинаций «четырёх пальцев шириной», «трёх пальцев шириной» измерялись меховые вставки для обуви. Большое распространение пальцевых комбинаций использовали хантыйские рукодельницы при изготовлении традиционных сумочек и меховых мешков.

Манси пальцевые комбинации в мерах длины применяли в охотничьем промысле, например, с помощью пальцев измеряли длину шкурки (соболя) [15, с. 87-88]. Шаманский бубен также имел свои размеры: «в три пальца и пол пальца измерялась высота штырей-резонаторов шаманского бубна, в четыре пальца — ширина его обода — обечайки» [15, с. 88].

В. И. Сподина считает, что антропологические меры нашли своё отражение не только в качестве мер, но и отразились в распространённых фразеологизмах. Так, уральские ханты говорят про глупого человека: «расстояние от большого пальца руки до указательного ума нет связать» [16, с. 223].

Современными исследователями Е. В. Переваловой и К. Г. Карачаровым описываются способы измерения длины аганскими хантами с помощью разных антропологических возможностей человека: его глазомера, длины рук, размаха рук, ступней, шага, ладони, пальцев и суставов пальцев. В хозяйственной деятельности для замера «чистого пространства» применяли большую меру как «одним глазом мерка» (приблизительно 3 километра) [11, с. 207]. Распространены были разные пяди: «сорт», «сурт» (расстояние от указательного пальца до большого), «нелли дой» (четыре сжатых пальца), «воченыйкан» (длина мизинца), «кот чем» (пять пальцев с поднятым кверху большим). Собственно пальцами измерялась толщина изделия: «нядтём нуп» — «поперёк один (палец)», например, ячья мордушки для ловли ерша; «нядтёмшича» — поперёк два пальца, ячья мордушки для ловли шуки; «нядтёмняхал» — поперёк три пальца, ячья мордушки на выдру; «нядтём чет» — поперёк четыре пальца, ширина пяла-правилки для шкурки норки [11, с. 208-210].

Древнейшим способом измерения пространства (площади) являются сравнительные меры, с их помощью человек может определить расстояния исходя из собственного опыта взаимодействия с пространством и временем. С. К. Патканов приводит

такие описательные выражения: «как далеко может выстрелить стрелок стрелу», «расстояние, которое может пробежать олень без остановки» и т.д. [9, с. 143].

У. Т. Сирелиус считает, что описательные меры были необходимы обским уграм для того, чтобы выразить расстояние какого-либо отрезка. Они говорили сколько нужно потратить времени для его преодоления: «ты придёшь туда, когда начнётся или закончится вечерняя заря», «для поездки туда, требуется столько-то дней или столько-то вечерних зорь» [13, с. 242]. К таким мерам также относятся: «Как в среднем можно подстрелить сидящую утку», «на расстоянии сильного выстрела сидел глухарь», при измерении расстояния от одной юрты до другой, говорят «приблизительно, как можно выстрелить» [13, с. 242].

Г. М. Дмитриев-Садовников, описывая тренировку юношей в меткой стрельбе из лука, приводит такую детскую игру в форме состязания в которой двое соперников пытаются попасть в мишень: длиною в четверть, шириною в вершок на расстоянии пяти-семи «луков» для плохих стрелков и десяти-пятнадцати «луков» для хороших [12, с. 20].

По наблюдениям П. С. Бахлыкова, на Югане ханты, передвигаясь на обласе по реке, описывая расстояние по количеству пройденных «песков». Причём жители разных юрт знали, сколько от одной юрты до другой составляет количество песков. [1, с. 73]. С появлением моторных лодок измерение пути производится «песками», поскольку километровые столбы на побережье смывает прибывающей водой, а иногда их просто не видно [1, с. 49]. Е. В. Перевалова и К. Г. Карачаров, описывая передвижение аганских хантов по реке, отмечают, что измерения пройденного на лодке пути осуществлялось скоростью движения лодки «по течению» и «против течения», а также «речными поворотами», с появлением моторных лодок «бензобаками» [11, с. 207]. Как указывает Н. В. Лукина, были выработаны описательные меры для измерения пройденного расстояния, измеряя его ночёвками: «два раза ночевал пока дошёл» [7, с. 274]. Измерение длины пройденного пути производилось «днями», а при езде на оленьих нартах «оленьими передышками» [6, с. 49]. Передвигаясь по урманым вотчинам, пройденное расстояние считали болотами — «одно болото» и борами [11, с. 207].

Исследователи также приводят пример измерения глубины при изготовлении жильника для запора, которую соотносили с глубиной воды, измеренной палкой [5, с. 102]. Под влиянием соседней культуры измерения стали производиться русскими мерами, например аршином [5, с. 102].

Меры длины, созданные в ходе хозяйственно-промысловой деятельности, были призваны облегчить человеку его нелёгкий труд в разных рабочих условиях (на реке, в лесу, на стойбище). А. А. Дунин-Горкавич, описывая основные промыслы обских угров, приводит орудия для ловли рыбы — «морды». Они различались в основном шириной реек прохода для рыбы. «Морда для щуки» имела отверстие 0,75 аршин, тогда как проход у «морды для нельмы» должен был составлять 2-а аршина [4, с. 96].

Для кедрового промысла у обских угров использовались жерди длиной в три аршина с прикреплённым к концу бревном длиной в аршин и 4-5 вершин в диаметре [4, с. 97].

Г. М. Дмитриев-Садовников, описывая изготовления обласаховскими хантами, указывал на такое приспособление как «маяк». Это круглые сосновые колышки диаметром в ширину сверла и длиной в нужную толщину обласа. Проверять таким способом толщину, «маяки» вколачивают в облас от кормы до основания носа, правильными рядами на расстоянии $1\frac{1}{2}$ -2 четверти (26,67 - 35,56 см.) один от другого [3, с. 57-58]. Исследователь также приводит меры, связанные с охотничьим промыслом. Для правильной установки самострела, чтобы придать стреле нужное направление полета, использовали деревянную мерку похожую по виду на прямую детскую дудку, снизу которой сделано глубокое углубление на широком основании, чтобы она могла твёрже стоять на поверхности. Направление стрелы должно было находиться в сердечной области зверя, для этого на деревянной мерке по длине были сделаны зарубки: «первая на расстоянии трёх вершков от основания широкого конца, вторая — четырёх, а третья — пяти вершков... Если лук настораживают на выдру, то конец стрелы направляли в первую, т.е. нижнюю, точку, если на зайца, то во вторую, на лисицу в третью» [3, с. 73-74]. Для охоты на медведя использовали отдельную палку вместо мерки с зарубкой трёх четвертей от земли [3, с. 74].

П. С. Бахлыков указывает на наличие разных по размеру «лучных самострелов» у юганских хантов. На каждое животное была своя по форме и размерам стрела, а также величина лука и степень тяжести натяжения. Так, исследователь отмечает: «На лося и медведя длина лука может быть более двух метров и более метра стрела» [1, с. 82-83].

Современные мастерицы при пошиве одежды и нане-сении орнамента, как утверждает А. М. Сязи, наносят орнамент карандашом и пользуются ножницами, тогда как в старину они «держали орнамент в голове и пользовались ножом» [17, с. 34]. Н. В. Лукина, описывая измерение толщины обласа у Васюганских хантов, приводит такое приспособление как «шпилька», равная длине ногтя на большом пальце. С помощью «шпильки» выравнивают толщину обласа по всей длине, вбивая их в облас [7, с. 272-274].

На Васюгане население использовала охотничью меру «унт» — расстояние от земли до стрелы лука самострела, установленного на соболя («соболя мерка»). Для измерения высоты обласа использовалась — высота шпонов вбиваемых в облас [5, с. 101].

У аганских хантов общепринятыми были женские меры, связанные с ножом — «ручка ножа», «железо (лезвие) ножа». Замер добытого медведя осуществлялся с помощью роста человека и приклада ружья: «Для этого охотник ложился рядом со зверем и подставлял оружейный приклад. Все знали, какого роста счастливчик, и хорошо представляли себе размеры медведя» [11, с. 208].

О народных мерах, связанных с объёмом сообщается в работах Г. М. Дмитриева-Садовникова. Так, у ваховских хантов к таким изделиям относились берестяная «рыбная куженька». Её ёмкость овальной формы предназначена для хранения еды. Куженьки изготавливались большими — длиной в аршин и 2,5 четверти в ширину, и в четверть глубину; так и маленькие — в 0,5 четверти длиной, в четверть шириною и 0,5 четверти глубиною [12, с. 59-60]. Также к распространённым изделиям-мерам из бересты можно отнести «водяную куженьку» — ёмкость квадратной формы для ношения воды среднего размера: 2,5 четверти длиной, ширина 2 четверти, главное отличие — это

глубина, достигавшая до одной четверти. По бокам для удобства ношения крепились деревянные ручки [12, с. 60].

Отдельно выделяется «янтэвсогжн» — четырёхугольное квадратное блюдо с небольшим дном и отлогими боками, в которое помещают куженьки с едой (варкой), предназначенные для дневного пропитания. Размер составляет: 1,5 четверти в длину, 1,5 или меньше четверти в ширину и 0,5 четверти в глубину [12, с. 60].

В работе Е. В. Переваловой и Е. Н. Даниловой сообщается, что для измерения веса и объёма использовались разные котлы: «от очень маленьких (для варки рыбьего жира) до очень больших (для приготовления ритуальной пищи, варки бересты): «наловить рыбу на котёл», «принести мяса на котёл» [10, с. 157]. Также измерения могли осуществляться с помощью ведра или чайника, так в ритуальных практиках ведро иногда заменял котёл [10, с. 157].

В. Н. Соловар при анализе глаголов в языке манси находит такие меры, как: «стекать тонкой струйкой», «капать», «литься через край» (о горячей жидкости). Так, примером применения данных мер может служить выражение: «вода умывальника, оказывается, скапала, воды в нём нет (оказывается)» [14, с. 496].

Во второй четверти XIX—начале XX столетия, в связи социально-экономическими процессами на севере Западной Сибири, модернизируются способы ведения традиционного хозяйства, что приводит к изменениям в народной метрологии и постепенный переход коренных народов на использование русской системы мер [2, с. 138-145]. Некоторые народные меры объёма и веса коренным населением были заимствованы у русских жителей, например, «пут». южд — эжх — пуд (16 килограмм), «кил» - килограмм [5, с. 102].

Народные знания обских угров сохранили информацию об антропологических, описательных и трудовых мерах длины. Поскольку обские угры не имели зафиксированных мер веса и объёма, поэтому в хозяйственной деятельности широкое распространение получили антропологические меры, связанные: с длиной рук, размаха рук, длины ног, роста человека, глазомера и т.д., не требующие специальных приборов для измерения. Антропологические меры использовались у всех групп обских уг-

ров как в промысловой деятельности, так и для измерения охотничьего трофея, орудий рыболовства, в хозяйственно-бытовой деятельности связанной с измерением длины одежды, обуви, частей нарт, обласа, лыж, пошива одежды и т.д. Описательные меры измерения связаны с хозяйственно-промысловыми орудиями труда, с особенностями местности, скорости передвижения на транспорте и замещением мер длины на меры времени необходимые для преодоления того или иного расстояния.

Меры, связанные с трудовой деятельностью выработаны в ходе хозяйственной деятельностью человека. Для каждого вида работ были сформированы свои трудовые меры. Меры для измерения веса и объёма нашли распространение среди мифологических сюжетах обских угров. С влиянием русского населения связано появление новых единиц измерения длины, веса и объёма у обских угров.

Примечания

1. Бахлыков, П. С. Юганские ханты: история, быт и культура: краткое историческое повествование о ханты Сургутского района. — Тюмень: СофтДизайн, 1996. — 208 с.
2. Главацкая, Е. М. Коренные народы Югры в меняющемся мире XIX — начала XX вв. / Е. М. Главацкая, Е. П. Мартынова, Е. Н. Данилова [и др.] // Академическая история Югры: в 8 т. — Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. — Т. 5. — С. 115-227.
3. Дмитриев-Садовников, Г. М. Вёрсты и строки. — Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 220 с.
4. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север: в 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. — Москва: Либерия, 1996. — 208 с.
5. Кулемзин, В.М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX-начала XX вв.: этнографические очерки / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. — Тюмень: Мандр и К^а, 2006. — 208 с.
6. Кулемзин, В. М. Знакомьтесь: ханты / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. — Новосибирск: Наука, 1992. — 136 с.: ил.
7. Лукина, Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья: источники по этнографии: в 5 т. Т.1: Васюган. — Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. — 336 с.
8. Молчанова, Л. А. Народная метрология (к истории народных мер длины). — Минск: Наука и техника, 1973. — 84 с.

9. Патканов, С. К. Сочинения: в 5 т. Т. 5.: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия / сост. Ю. Мандрика. — Тюмень, 2003. — 416 с.
10. Перевалова, Е. В. Котел в культуре обских угров и самодийцев: археологический артефакт и «живая» традиция / Е. В. Перевалова, Е. Н. Данилова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2019. — № 4(47). — С. 152-164.
11. Перевалова, Е. В. Река Аган и ее обитатели / Е. В. Перевалова, К. Г. Карачаров. — Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. — 352 с.
12. Ремесленные процессы ваховских ханты в описаниях и фотографиях Г. М. Дмитриева-Садовникова «Лук. Облас. Бересто» / ред.-сост. И. В. Игонина. — Нижневартовск: Югорский, 2011. — 80 с.
13. Сирелиус, У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. и публикация доктора ист. наук Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. — 344 с.
14. Соловар, В. Н. Структурно-семантические особенности мансийских глаголов с превербомёл // Вестник угроведения. — 2023. — № 3. — С. 493-501.
15. Сподина, В. И. Некоторые аспекты традиционных представлений, связанные с рукой, у обских угров и самодийцев: от обыденного к сакральному // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2019. — № 1(37). — С. 83-92.
16. Сподина, В. И. Человек в традиционной картине мира (на материалах обских угров и самодийцев). — Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. — 350 с.
17. Сязи, А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. — 248 с.
18. Шатилов, М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки / под ред. С. Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 288 с.

III. ПРИРОДА. ЭКОЛОГИЯ

**Становление заповедного дела
в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре
(на примере Кондо-Сосвинского¹ заповедника
«Малая Сосьва»)**

В начале XX века интеллектуальная элита страны, понимая необходимость проведения последовательной природоохранной политики, заложила идеи заповедного дела, которые стали фундаментом будущей системы особо охраняемых природных территорий в стране.

История особо охраняемых природных территорий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (далее — автономный округ) насчитывает около 100 лет и имеет глубокие корни. Коренные народности ханты и манси, проживавшие на древней земле Югры, создавали своеобразные заповедники в виде «святых мест» («ёмтахе» или «ёмынг-тагат»), которые считались неприкосновенными, находились во владении шаманов, и границы этих участков тщательно оберегались.

**Вещи и предметы из Шайтанского приклада (святого места),
находившегося на территории Кондо-Сосвинского заповедника. 1940.
КУ «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 61. Л.1**

¹ Кондо-Сосвинского заповедник существовал с 1929 года, был расположен в границах реки Сосьва. В 50-х годах XX века его закрыли. Но историческое и единственно правильное название его пишется без «ь». Новоприемник Кондо-Сосвинского заповедника — природный заповедник «Малая Сосьва» пишется с «ь».

Помимо чисто ритуального, они имели хозяйственно-промысловое значение, являясь резерватом для естественного воспроизводства зверя, сохранения фауны и флоры. Это были первые шаги по сохранению животного и растительного мира.

Становление заповедного дела на территории автономного округа на протяжении почти столетия пережило войны, репрессии и экономические катаклизмы.

В настоящее время в автономном округе функционируют 4 природных парка: «Нумто», «Кондинские озера», «Самаровский чугас» и «Сибирские увалы», 11 заказников и 2 государственных природных заповедника: «Юганский» и «Малая Сосьва». Заповедник «Малая Сосьва» является преемником Кондо-Сосвинского боброво-соболиного государственного заповедника, существовавшего с 1929 по 1951 годы на площади около 800 тыс. га.

О значимости Кондо-Сосвинского заповедника писал Ф. Р. Штильмарк в очерке «Кондо-Сосвинский эксперимент»: «...Кондо-Сосвинский очаг обитания речных бобров, единственное в Западной Сибири место, где уцелели исконные четвероногие строители. В начале нашего века это был самый крупный очаг обитания бобров во всей Евразии, хотя в его существование многие зоологи даже не хотели верить. Ведь речной бобр — не таежный обитатель, он предпочитает зону смешанных и широколиственных лесов. Но на Конде и на Малой Сосьве, где совсем нет излюбленной бобрами осины, эти звери все-таки сохранились, потому что кондо-сосвинские края оказались недоступными для пришлых охотников» [6, Л. 2].

В. Н. Скалон выдвигает еще одну версию сохранения бобровой популяции в данной территории. Дело в том, что местные жители скрывали местонахождение бобров от пришлых русских охотников, так как считали этого зверя священным животным и широко использовали продукцию бобровой охоты, которую вели ограничено, в ритуальных обрядовых целях. На этой земле издавна существовал культ бобра, поэтому бобровые популяции тщательно охранялись.

Правы оба исследователя. Именно эти два фактора, ими описанные, и стали основанием для сохранения крупного обитания бобров в Кондо-Сосвинском очаге.

В бассейне рек Конда и Сосьва были не только популяции бобра, но и популяции соболя, численность которых в первой четверти XX века стала сокращаться. В газете «Остяко-Вогульская правда» в октябре 1940 года напечатана статья В. Н. Скалона «Соболь в Остяко-Вогульском округе», в которой он пишет, что в 1927 году был объявлен первый запрет добычи соболя на 5 лет. С 1934 года, после снятия запрета, в течение которого численность соболя увеличилась, популяция вновь начала сокращаться. «Потребовалось объявление нового пятилетнего запрета промысла соболя, который и был объявлен в 1934 году», — пишет автор статьи [4, Л. 3].

История создания Кондо-Сосвинского боброво-соболиного государственного заповедника началась в 1926—1927 годах с проведения обследовательской работы, когда заведующий отделом Охоты Тобокрзу В. В. Васильев был командирован в район водораздела верховьев рек Большой и Малой Сосьвы и Конды.

В. В. Васильев - основатель Кондо-Сосвинского заповедника (фотопортрет). 1940-е годы.
КУ «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д.199. Л.1

Из отчетной докладной записки в Тобольскую окружную плановую комиссию по обследованию водоразделов рек Конды, Большой и Малой Сосьвы, произведенного в 1926-1927 году, мы узнаём о содержании командировочного задания Тобольской окружной плановой комиссии, которое состояло из 4 пунктов:

- характеристика лесных массивов с точки зрения кормовых запасов данного района и возможности эксплуатации лесов;

- определение запасов пушного зверя;
- выявление экономического положения местного населения;
- точное определение и обозначение на карте отдельных мест указанного района, в целях выбора мест для установления заказника.

Основная цель обследования — выявление ряда условий для определения необходимости установления заказника в данной местности. Именно после этого обследования было принято решение установить в данной местности не заказник, а заповедник.

В. В. Васильев выехал в командировку 4 сентября 1926 года, возвратился в Тобольск 4 февраля. «Всего на обследование затрачено мною, с дорогой туда и обратно, 5 месяцев. За это время пройдено расстояние: на пароходе 900 верст; на лодке до 800 верст; пешком и на лыжах до 800 верст; на оленях до 600 верст и на лошадях до 900 верст — всего до 4 000 верст, из них приблизительно половина падает на дорогу к месту обследования», — пишет в отчетной докладной записке Васильев [5, Л. 3].

Условия обследования были крайне тяжелыми. Не имея средств нанять проводника — нартовщика, он вынужден был ходить по 100-120 верст пешком и неделями жил один под открытым небом, не смотря на приближающиеся морозы. «На вершине р. Конды пришлось голодать. При поездке на р. Тапсуй поморозил пальцы ног; но особенное мучение доставляло большое количество насекомых всех родов оружия, наполняющих остяцкие юрты», — читаем в отчете [5, Л. 4].

В выводах по итогам обследования он утверждает, что организация заказника ничего не даст. Для охраны исчезающего бобра единственно правильной мерой, достигающей своей цели, будет учреждение заповедника. «Доказывать необходимость организации бобрового заповедника нет надобности», — пишет В. В. Васильев в заключение отчета [5, Л. 22]. Только благодаря безмерной вере В. В. Васильева в целесообразность своего замысла удалось создать первый на территории Западной Сибири заповедник.

Его призыв к созданию заповедника поддержали ученые и местные органы власти. 15 июня 1928 года было принято решение президиума Тобольского окрисполкома о создании Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего

заповедника. 26 апреля 1929 года коллегия Наркомзема РСФСР утвердила организацию заповедника, границы которого устанавливались достаточно долго, что подтверждают архивные документы. В ноябре 1934 года заповеднику присвоили общегосударственное значение и переименовали в Кондо-Сосвинский.

На первом этапе (1929-1933 годы) была организована зообазы и вольерное содержание бобров, произведена акклиматизация ондатры, американской норки. Планировались выпуски белки-телеутки и скотовидной собаки. Все это требовало больших усилий и организаторских способностей руководства. Первым директором стал В. В. Васильев.

В архиве заповедника «Малая Сосьва» хранится самая первая карта Кондо-Сосвинского заповедника, им составленная, на которой подробно воспроизведены все особенности огромной заповедной территории. «Эта карта дорогого стоит, — пишет Вера Нюхалова в книге «Осколки таежного рая». — На ней точно нанесены юрты с населением промыслового характера, кордоны заповедника, промысловые избушки, поселения с/х характера, промысловые тропы, речки, доступные на мелководных лодках, дороги оленные, существующие в зимний период, границы заповедника» [7, с. 23].

Как научное и природоохранное учреждение заповедник стал работать позже. С 1939 года директором был назначен Я. Ф. Самарин. Период с 1939 по 1941 годы был самым плодотворным в истории заповедника, о чем свидетельствуют как опубликованные, так и рукописные материалы. В 1941 году вышел из печати 1 том «Труды Кондо-Сосвинского заповедника» с работой В. В. Васильева, В. В. Раевского, З. И. Георгиевской «Речные бобры и соболи в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике».

«Необходимо учесть, что коллектив работал в крайне сложных условиях. Все снабжение осуществлялось только по Малой Сосьве через Игрим и Березов. Путь в заповедник из Омска или Тюмени занимал почти месяц. Тем не менее, в глубинном поселке Хангаурт (центральная усадьба, где находилось управление заповедника) удалось создать не только жилье, метеостанцию, хорошую библиотеку, музей природы, но и школу, амбулаторию, почтус радиостанцией, то есть подлинный культурный центр,

который имел большое значение для улучшения быта местного населения» — отмечает Ф. Р. Штильмарк [2, Л. 7].

Достоинно трудились научный коллектив заповедника в предвоенные и суровые военные годы. Была завершена многолетняя тема В.В. Раевского по экологии соболя, результатом чего явилась его известная монография «Жизнь Кондо-Сосвинского соболя» (опубликована в 1947 году), которая до сих пор считается одним из лучших в мире образцов экологических исследований. Кроме того, именно В. В. Раевский впервые не только в стране, но и в мире, провел кольцевание соболей, разработав оригинальный метод их учета.

**Раевский Вадим Вадимович - сотрудник
Кондо-Сосвинского заповедника (фотопортрет).**

**КУ «Государственный архив Югры». Фотоальбом по истории
Кондо-Сосвинского заповедника. 1939. Ф. 421. Оп. 1. Д. 195. Л. 2**

К. В. Гарновский и Е. В. Дорогостайская закончили инвентаризацию цветковых растений и описание растительности заповедника. Была издана брошюра В. В. Васильева «Ондатра» (результаты акклиматизации в Кондо-Сосвинском заповеднике).

**Гарновский Кронид Всеволодович и Дорогостайская Евгения Витальевна.
КУ «Государственный архив Югры». Ф.421. Оп.1. Д.195. Л.13**

Условия, в которых приходилось работать, были тяжелыми. В письме к своему брату К. В. Гарновский в феврале 1940 года писал об удаленности центральной усадьбы заповедника от всего цивилизованного мира, подчеркивая, что людей они здесь вообще не видят: до ближайшей почты — 180 километров, до сельсовета — 280, если ехать без дороги на оленях по снегу напрямую, до ближайшего города Березово — километров 350 — 370. «Сооруди для меня посылку. Главное — пошли бумаги. Писать тут не на чем. Волками воем — ни у кого нет бумаги. Пишем на старых газетах, на обоях», — обращается к брату К. В. Гарновский в феврале 1941 года [1, с. 70].

Наиболее тяжелыми для заповедника оказались послевоенные годы. В 1946 году работали всего 2 научных сотрудника — В. В. Раевский и З. И. Георгиевская, причем В. В. Раевский был тяжело болен. В отчете заповедника за 1948 год в Центральный Государственный архив РСФСР указано: «Ввиду полного отсутствия научных работников в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике, в 1948 году научная работа не проводилась» [8].

Ученые довоенного, военного и послевоенного периодов были настоящими подвижниками и патриотами. Они сохранили не только преданность заповедной науке, но и преданность древней

земле ханты и манси, которая стала для многих из них второй малой родиной, а для кого-то и последним пристанищем.

Весной 1947 года в возрасте 38 лет здесь скончался В. В. Раевский. Он был похоронен на кладбище, недалеко от Хангокурта — бывшей центральной усадьбы заповедника. На мраморной доске выгравированы слова: «Раевский Вадим Вадимович. 1909—1947. Зоолог Кондо-Сосвинского заповедника. Он жил здесь, работал и умер, отдав все свои силы сохранению природы этого края». Одна из улиц города Советский названа в его честь.

Слева направо: Е. В. Дорогостайская, П. Г. Сумрин, К. В. Гарновский, В. В. Мазинг у могилы В. В. Раевского, зоолога Кондо-Сосвинского заповедника. 1979.

КУ «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 231. Л. 14

Кронид Всеволодович Гарновский умер в 1988 году в Ленинграде. Но по завещанию урна с его прахом была захоронена на таежном кладбище в окрестностях Хангокурта. В 1993 году его супруга Евгения Витальевна Дорогостайская издала законченный вариант книги воспоминаний мужа «В Кондо-Сосвинском заповеднике 1940-1945». Один экземпляр книги она передала в КУ «Государственный архив Югры». По завещанию Евгении Витальевны ее прах в 1999 году был захоронен на кладбище Хангокурта рядом с мужем.

В исторической справке о Кондо-Сосвинском заповеднике Ф. Р. Штильмарк пишет, что нельзя забыть и о тех людях, которые во многом содействовали выполнению научных исследований, хотя имена их остались малоизвестными. Это наблюдатели и работники охраны. «Местные жители ханты — А. А. Ячигин, Г. Я. Сумрин, М. А. Маремьянин, манси — Дунаевы, Езины работали в заповеднике наблюдателями. Как хорошие следопыты и охотники, они немало содействовали изучению фаунистического состава зверей и птиц» [2, Л. 12].

В августе 1951 года в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 29.08.1951 г. №3192 и Совета Министров РСФСР от 10. 09.1951 г. № 1085) число заповедников в стране сократилось со 128 до 40, а площадь их уменьшилась с 12,500 тыс. га до 1, 466 тыс. га. Был ликвидирован и Кондо-Сосвинский заповедник — в Ханты-Мансийском национальном округе закончился 1 этап развития особо охраняемых территорий.

Закрытие заповедника впоследствии привело к плачевным результатам. В 60-70-х годах Ф. Р. Штильмарк в документе «О борьбе общественности за возрождение Кондо-Сосвинского заповедника» писал: «Да, сегодня здесь край браконьерского раздолья и об этом надо сказать в полный голос. Бьют всех и вся — летнего соболя и неперенных птиц, бьют оленей с вертолетов, глушат взрывчаткой рыбу. Хоть с опаской, но бьют и бобра. Процветает «черный» пушной рынок» [3, Л. 36].

Территория Тюменской области была огромна, а силы Охотнадзора практически отсутствовали. В этом районе не было ни одного охраняемого участка, ни одного егеря, и заповедники в таежной зоне Севера отсутствовали.

С 1971 года начался второй этап развития заповедных территорий в автономном округе. Было создано 13 особо охраняемых природных территорий: 2 заповедника, 5 заказников федерального и регионального значения, 6 памятников природы местного значения.

Вопрос о восстановлении Кондо-Сосвинского заповедника поднимался неоднократно. Так, в 1972 году, доктор биологических наук Т. Гагина в статье «Сохранить «Малую Сосьву» пишет: «Закрытие Кондо-Сосвинского заповедника можно назвать самым позорным фактом из компании по уничтожению заповед-

ников. Я получаю письма от студентов-охотоведов и выпускников о том, что истребление бобров продолжается. Думается, что директивные органы РСФСР не замедлят с надлежащим решением этого неотложного вопроса» [3, Л. 79].

Заручившись поддержкой местных районных организаций, Кондо-Сосьвинская комплексная проектно-изыскательская партия в составе специалистов ЦПИЭ Главохоты РСФСР Б. П. Иващенко, Ф. Р. Штильмарка, А. В. Панова, Н. К. Носковой и проводников — местных жителей Ф. Бельбердина, О. А. Тамма и К. А. Дунаева, летом-осенью 1970 года провела обследование территории в бассейнах рек Конды и Малой Сосьвы.

В результате работ был предложен проект создания заповедника в бассейне реки Малая Сосьва площадью около 300 тыс. га и государственного заказника в бассейне р. Конда площадью 250 тыс. га. В 1971 г. распоряжением Совета Министров РСФСР заказник был создан, а проект создания заповедника был отклонен.

И все же, благодаря общим усилиям ученых, экологов, общественности 17 февраля 1976 года было создано Федеральное государственное бюджетное учреждение «Государственный природный заповедник «Малая Сосьва». Площадь заповедника составляет 225 562 га, из них охранный зона - 160 тыс. га.

Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации № 129 от 24.03.2017 г. государственному заповеднику «Малая Сосьва», который принял эстафету от Кондо-Сосвинского заповедника присвоено имя В. В. Раевского.

Кондо-Сосвинский заповедник в XX веке был одним из первых заповедников в России, первым заповедником в Западной Сибири и Тюменской области и сыграл выдающуюся роль:

- в охране природы Западной Сибири — в сохранении и восстановлении популяции речного бобра и соболя, а также поголовья лося, выдры и других охотничье-промысловых животных;
- в проведении масштабных и ценных научных исследований, несмотря на небольшой штат научных сотрудников и тяжёлые условия их работы в предвоенные, военные и послевоенные годы.

Деятельность Кондо-Сосвинского заповедника оставила значительный след в развитии заповедного дела в России и в Западной Сибири.

Материалы, хранящиеся в фондах КУ «Государственный архив Югры», несомненно, будут использованы не одним поколением исследователей заповедного дела Югры.

Примечания

1. Ближний круг В. В. Бианки. Кронид Всеволодович Гарновский (1905—1998) // Бианковский альманах. Вып. № 10 / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Библионика». — Великий Новгород, 2024. — 140 с.
2. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 4.
3. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 10.
4. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 35.
5. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 239.
6. Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 421. Оп. 1. Д. 251.
7. Нюхалова, В. М. Осколки таежного рая. — Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2020. — 403 с.
8. Центральный государственный архив РСФСР. Ф. 358.

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**Отчет о работе окружной библиотеки за 1942 год
(документальная публикация)**

Комментарий к документу

Документ является отчетом о работе Окружной библиотеки за 1942 г. и содержит сведения о финансировании, занимаемом помещении и хранении книжного фонда, о приобретении литературы, о выписываемых библиотекой периодических изданиях.

В отчете сообщается о перестройке форм работы библиотеки в военный период. Содержится информация о деятельности читального зала; представлены статистические данные о книговыдаче, о кадровых ставках, обязанностях, зарплатах и распределении обязанностей.

Стиль документа, его структура сохранены, все грамматические ошибки исправлены безоговорочно, внесены технические правки.

Документ обнаружен в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) проф. Л. В. Алексеевой, подготовлен к печати аспирантом А. С. Асеевой.

ОТЧЕТ

о работе Окрбиблиотеки за 1942 год
4 августа 1942 года

Библиотека по утвержденной смете на 1942 год имеет 24300 рублей, из них:

1. Заработная плата — 16694-00
2. Комуслуги — 1900-00
3. Хозяйственные расходы 3600-00
4. Приобретение канцпринадлежностей — 200-00
5. Приобретение бухгалтерских и прочих бланков — 100-00
6. Оплата почтовых расходов — 50-00
7. Телефон — 120-00

8. Приобретение газет и официальных изданий — 300-00
9. Отопление библиотеки — 1850-00
10. Освещение — 550-00
11. Водоснабжение — 250-00
12. Чистка и содержание двора, улицы и тротуара — 50-00
13. Дезинфекция, истребление грызунов — 50-00
14. Страхование инвентаря — 80-00
15. Приобретение литературы — 700-00
16. Приобретение хозяйственного инвентаря — 700-00

1. Здание:

Окрбиблиотека занимает помещение площадью:

1. Книгохранилище 15 м x 4 м = 60 м²
2. Читальный зал 15 м x 4 м = 60 м²

Данное помещение не является достаточным.

Книги стоят тесно, часто за неимением места на полках откладываются сверху полок.

Журнальный фонд тоже не имеет достаточного места для раскладки.

Переоборудование библиотеки, как переведение малого книгохранилища в соседнюю комнату и оборудование его дополнительными стеллажами для книг — является необходимым.

Ханты-Мансийская Окрбиблиотека имеет в наличии 27246 экз. книг на сумму 75434 рубля.

Состав книг по отделам:

1. Ш, 1 X отделы — 10530 экземпляров
2. П отдел — 270
3. Сочинение МЭЛС¹ — 1940
4. Точные науки — 1309
5. Прикладные науки — 3399
6. Техника — 103
7. Сельскохозяйственная литература — 412
8. Художественная — 3560
9. Прочие книги — 2881

¹ МЭЛС - сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

В 1942 году литературы приобретено на сумму 1135 рублей (вместо запроектированных по смете 6000 рублей), из них:

- Военной литературы — 272 экз.
- Общественно-политической — 30
- Художественной — 7
- Медицинской — 14
- Технической — 6
- Естественно-научной — 8
- Сельскохозяйственной — 189
- ИТОГО: 526 экз.

Данное количество книг необходимо пополнить в этом году новой военной и антифашисткой литературой, сельскохозяйственной и технической, применительно к местным производствам и промыслам, о чем мною неоднократно ставился вопрос перед поселковым советом, Окружным отделом народного образования и партийными организациями округа.

Газеты, выписанные библиотекой на 1942 год (экз.):

1. «Правда» — 2
 2. «Известия» — 2
 3. «Комсомольская правда» — 1
 4. «Омская правда» — 2
 5. «Сталинская трибуна» — 2
 6. «Водный транспорт» — 1
 7. «Красный спорт» — 1
- Итого на сумму — 418 рублей.

Журналы (экз.):

Журналов выписано около 40 названий, важнейшие из них:

1. Большевик — 1
2. Спутник агитатора — 2
3. Под знаменем Марксизма — 1
4. Коммунистический интернационал — 2
5. Пропагандист — 2
6. Блокнот агитатора — 1
7. Партстроительство — 2

I. Как перестроила свою работу библиотека в период Отечественной войны?

Цель работы Окрбиблиотеки в период Отечественной войны — служить интересам обороны: военной учебы, помощи тыла фронту, борьба за лучшие показатели на производстве, широкое распространение в массах антифашистской литературы, показ беспредельной героики Красной Армии на фронте и партизанского движения в тылу у врага.

1. По договоренности с Окровоенкоматом книжные выставки по изучению военного дела были увязаны с проводимыми темами всеобуча.

2. Была выделена полка военной литературы для комсостава.

3. Плакаты, лозунги, выставки книг, фотомонтажи и монтаж из газетных материалов были подобраны по темам о социалистическом труде, помощи тыла фронту и героике нашей Красной Армии.

Антифашистская литература и материалы: фотогазета «На фронтах Отечественной войны», плакаты, цитаты вождей: Сталина, Ленина, Ворошилова распространились по другим библиотекам и учреждениям:

1. НКВД — оформление Красного уголка.

2. Призывные пункты (Ханты-Мансийск, Самарово).

3. Рыбтрест.

4. Детская окружная библиотека.

5. Самаровская библиотека.

6. Культбригады.

С момента работы призывной комиссии Окровоенкомата один библиотечный работник из Окрбиблиотеки был выделен на постоянное обслуживание призывного пункта Ханты-Мансийска.

Окрбиблиотека систематически снабжает призывной пункт в дни работы новыми газетами, журналами и т.д. На призывном пункте проведен ряд чтот на темы:

1. Итоги Отечественной войны.

2. Герои Красной Армии.

И другие патриотические темы.

Окрбиблиотекой составляются рекомендательные списки и подбирается материал по темам, например:

В защиту социалистического отечества;

В защиту детей от фашистских варваров и другие.

Подбираются материалы для художественного чтения по сборникам и журналам.

В помощь трудовому тылу был устроен ряд книжных выставок, фотомонтажи и монтажи из газетных материалов на темы:

1. Сельскохозяйственная: подготовка к посевной, лучший опыт ударников социалистических полей, рыбный промысел и его стахановцы; в помощь поднятию огородничества, литература на темы животноводства, земледелия; в помощь рыбаку и охотнику.

2. Итоги работы трудового фронта нашего округа, выставки антифашистской литературы, фотомонтажи ПВХО. Фотомонтаж сделан за 1942 год (16), книжных выставок — 18.

Среди читателей широко проводятся работниками Окрбиблиотеки рекомендации литературы на патриотические оборонные темы, оборудованы витрины газет и последних номеров журналов.

При участии Окрбиблиотеки от населения Ханты-Мансийска собрана 1551 книга в подарок библиотекам госпиталя. Из них: обработано и выслано в подшефный госпиталь в г. Тюмени — 400 экз. книг. 100 экз. книг выделено библиотекой для уходящих в ряды РККА. До 200 экземпляров обработано в фонд библиотеки.

Необходимо дать установку Окрбиблиотеке как поступить с оставшимся фондом книг, так как из Обкома Союза есть предписание собрать книжный фонд для библиотек в освобожденные от немцев районы.

Передвижки:

Окрбиблиотекой выданы передвижки: в районы — 2, по Ханты-Мансийску — 17, из них:

Культбригадам — 4.

Самаровской школе — 1

Средней школе — 1 (для летней площадки)

В кино — 3

НКВД — 2

Учкомбинат — 1

Призывной пункт — 3

В детскую библиотеку — 1 (из 118 экз. с передачей по акту).

II. Работа читального зала:

Читальный зал работает с 12 до 8 ч. вечера. Средняя пропускная способность в день 25-30 человек. В читальный зал выдается вся требуемая читателем литература, не подлежащая выдаче на дом (наиболее дорогие издания и единственные экземпляры книг библиотеки).

Положение книжного фонда:

Книжный фонд библиотеки нуждается в более редкой расстановке. В здании зимой углы стен промерзают и книги сыреют. Книжный фонд нуждается в ремонте, который приходится проводить силами библиотекарей и активом читателей, так как по смете на ремонт средств не выделено.

Окрбиблиотекой проведена работа по проверке правильности расстановки отделов периодической литературы, учительский, передвижной, отделы 1, III, 1 У, У 1 и художественная литература. Проведена проверка газетной подшивки 1940—1942 г.

Массово-политическая работа кроме политической отсутствует.

Борьба за сохранение книг:

Всем окружным организациям высланы извещения, по которым расчеты при уходе с места работы производятся бухгалтерией по предъявлению справок об отсутствии задолженности. Для временно приезжающих в Х-Мансийск, за книги берется залог в сумме 10 рублей. При не сдаче книг задолжникам высылаются письма, и производится напоминание.

Удовлетворение заявок читателей:

Неудовлетворенные заявки есть по художественной литературе (отсутствие книг или при наличии одного экземпляра в читальном зале). Техническая и научная литература — отказов по заявкам не было.

Культбригады:

Самостоятельные культбригады библиотекой не организованы, но помощь в подборе материалов и литературы была оказана полностью.

Связь с общественными организациями:

Все выставки, фотомонтажи, плакаты согласуются с представителем Окрлита при Округжкоме ВКП(б).

Учет работы библиотеки и читального зала дифференцируется.

За 1942 год (1-е полугодие) выдано 21241 книга из них по абонементу — 16595 книг, и в читальный зал 4646 книг.

По статистике прошлого года за год выдано 35205 экз.

Обмен опытом:

Совещание библиотекарей Самарово и Ханты-Мансийска не проводилось, что является большим пробелом в жизни местных библиотек. Есть вопросы, нуждающиеся в широком обсуждении, например, приказ товарища Потемника и другие.

Окрбиблиотека имеет 3 работников — одного заведующего и 2 библиотекарей. Заведующий получает ставку — 310 рублей, плюс 15% за заведывание, ставка библиотекарей 237 рублей. Комуслугами работники обеспечиваются. Распределение обязанностей между библиотекарями: заведующий отвечает за всю работу библиотеки, ведет общее руководство работой и хозяйственной жизнью Окрбиблиотеки; один библиотекарь ведет работу абонемента, один исполняет прочую всю техническую работу.

Общее количество выдачи в читальном зале за день — 50-60; по абонементу — 70-80 книг. В общей сложности до 150 выдач.

Читателей на 1942 год состоит 1020. Пассивных из них 207 человек. Задолжников за 1941 год числится 160 человек с задолженностью до 300 книг.

Крупным недостатком библиотеки является отсутствие лекций, бесед, консультаций, плохая связь с районными библиотеками. Окрбиблиотека просит систематически проводить совещания библиотекарей и помочь провести цикл намеченных по плану лекций.

Зав. окрбиблиотекой
ЯСЕНЕВА

Архивная копия.
ГАСПИТО. Ф. — 107. Оп. 1. Д. 654. Л. 59-61.

Библиотеки Югры в годы Великой Отечественной войны

Для справки: на территории округа в военные годы было 6 районов, проживало 93 тысячи жителей, 18 тысяч ушло на фронт, 9 с половиной тысяч не вернулись.

В отчете окружной библиотеки за 1942 год окружному ВКП(б) была сформулирована цель работы в военные годы: «служить интересам обороны, как то: военной учебы, помощи тыла фронту, борьбе за лучшие показатели на производстве, широкое распространение в массах антифашистской литературы, показ беспредельной героики Красной Армии на фронте и партизанского движения в тылу у врага».

Задачи военного времени решали: 1 окружная, 6 районных, сельские библиотеки, избы-читальни, красные чумы (полной статистики нет). Но известно, что перед войной в Ларьякском (ныне Нижневартовском) районе было: 2 библиотеки, 4 избы-читальни, 1 красный чум [2, с. 130]. В Самаровском (ныне Ханты-Мансийском) районе — районная и сельские библиотеки, 19 изб-читален, 1 красный чум [3, с.82], в Березовском — 9 изб-читален.

В этом здании работала окружная библиотека в годы войны

В годы войны библиотеки и избы-читальни выполняли роль агитпунктов: знакомили население с сообщениями Совинформбюро, проводили политинформации, читки газет и писем с фронта. Были организованы столы справок, где можно было получить сведения о ходе военных действий, о пособиях и пенсиях членам семей красноармейцев, здесь же выдавали нужные документы, помогали писать заявления. Так, Реполовская изба-читальня Самаровского района за один только год удовлетворяла до 300 подобных просьб [3, с. 86].

В избах-читальнях Сургутского района каждые пять дней выпускались «Боевые листки» о ходе выполнения производственных планов и итогах соцсоревнования, выходили стенгазеты, где рассказывали об отличившихся на фронте земляках, помещали их письма и фотографии [5, с. 28]. Наглядная агитация, агитпункты при библиотеках — все эти формы работы успешно применялись и в библиотеках Микояновского (ныне Октябрьского), Нахрачинского (ныне Кондинского) и Березовского районов.

Ежедневно библиотеки обслуживали читателей, выдавали книги, газеты и журналы не только стационарно, популярной была такая форма обслуживания, как передвижные библиотечки. К примеру, в 1944 году Самаровская библиотека имела 11 передвижек [3, с. 82], библиотекари Березовского района постоянно выезжали в рыболовецкие и оленеводческие бригады.

Культурно-массовая работа была направлена на мобилизацию населения на самоотверженный труд и всестороннюю помощь фронту.

Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию: оформляли книжные выставки, плакаты, стенгазеты, лозунги, монтажи из газетных материалов и фотографий; составляли рекомендательные списки, подбирали литературу по темам: «В защиту социалистического отечества», «Разгром фашистских варваров» и др.

Естественно, книжные фонды во время войны не пополнялись должным образом, это привело к их сокращению: в 1940 году фонд окружной библиотеки составлял 30 324 экземпляра, а в 1946 году — 23 718 экземпляров [1, с. 15].

Однако в начале войны книги все-таки приобретались. Так, «в 1942 году было приобретено 526 экземпляров книг на сумму

1135 руб., из них: военной тематики — 272 экз., общественно-политической — 30 экз., художественной — 7 экз.» [8, с. 85-86].

По записям в инвентарных книгах можно судить о том, что приобреталось. Это были книги, способствующие патриотическому воспитанию: «Чапаев» Д. Фурманова, «Фронт» А. Корнейчука, «Как закалялась сталь» Н. Островского, а также книги военно-практической тематики: «Начальная военная подготовка» Вакина, «Храни военную тайну» Б. Яглигна (из серии «Военная библиотечка комсомольца»), «Наставление по стрелковому делу» К. Чмутова и т.д.

Известен факт, что в начале войны сотрудники окружной библиотеки «ходили по домам», и таким образом у населения Остяко-Вогульска (прежнее название Ханты-Мансийска) «было собрано полторы тысячи книг, из них 400 экземпляров было выслано в подшефный госпиталь в Тюмени, 100 книг выделено уходящим красноармейцам, 200 экземпляров обработано в фонд библиотек» [1, с. 15]. Информации о судьбе остальных книг нет.

В 1944 году Самаровский районный отдел народного образования, в чьем ведении находились библиотеки, смог выслать из бам-читальням всего лишь 100 экземпляров брошюр и пьес с фронтовыми эпизодами.

Не случайно заведующая окружной библиотекой Мария Савенко в 1944 году постоянно обращалась через окружную газету «Сталинская правда» к населению с призывом «Беречь книгу». Причем, в этих заметках она называла поименно тех, кто не вернул книги, кто не соблюдал сроки возврата, доставалось и руководителям организаций за то, что «при увольнении работника не требуют справки о том, что он не имеет задолженности библиотеке».

В библиотеках чаще всего работали люди без специальной подготовки, некоторые пришли на эту работу совершенно случайно. Кадров катастрофически не хватало. Из 14 изб-читален в Сургутском районе работники имелись только в 9-ти [4, с. 19]. В Ахтеурской избе-читальне Ларьякского района, несмотря на то, что в ней имелось 300 экземпляров книг и 1 передвижка, платного библиотечного работника не было [2, с. 130]. Нередко в избах-читальнях Самаровского района работали по совместительству радисты, учителя, счетоводы.

Кроме того, библиотекарям приходилось выполнять работу, не связанную с их профессиональными обязанностями: так, один из трех библиотекарей окружной библиотеки «был выделен на постоянное обслуживание призывного пункта Остяко-Вогульска» [1, с. 14]. Особенно это было распространено в сельской местности: библиотекари были *нарочными*, продавцами и т.д.

Жители округа шефствовали над территориями, освобожденными от временной оккупации, посылали подарки бойцам Красной Армии к праздникам, оказывали помощь семьям фронтовиков продуктами, деньгами и одеждой. Организаторами этой работы, зачастую, были библиотечные работники. Они же ловили рыбу, заготавливали дрова, собирали средства по государственному займу.

Многие библиотеки находились в плачевном состоянии, помещения не утеплены, дрова не заготовлены, не хватало керосина на освещение. Так, Скрипуновской избе-читальне Самаровского района было выделено всего 2 литра керосина на год [3, с. 87].

Интерьер окружной библиотеки в 1940-е годы

В Сургутской районной библиотеке температура доходила до 6 градусов. Но были и положительные примеры: перед войной, в 1936 году, важным событием в жизни Сосьвинской культбазы Березовского района стал пуск в эксплуатацию Дома народов Севера. Одну комнату в нем занимала библиотека.

Здание Дома народов Севера. Сосьва. Березовский район. 1930-е гг.

Несмотря на трудности военного времени, устное слово библиотечных работников звучало как набатный призыв к защите Родины, уничтожению врага, самоотверженному труду в тылу.

Несомненно, библиотечные работники округа внесли свой посильный вклад в Победу нашего народа в Великой Отечественной войне. За что им наша благодарность и низкий поклон!

Имена в истории

Ольга Петровна Хамзарова — библиотекарь окружной библиотеки с 1935 по 1972 год. Легенда. В своих воспоминаниях, написанных специально для сборника «Библиотека как судьба» (в 2024 году мы выпустили уже третий его выпуск и получили Диплом лауреата II степени в окружном конкурсе «Музейный олимп Югры»), Ольга Петровна очень сдержанно пишет: «В годы войны работала почти одна, ходила в дома фронтовиков, организовывала передвижки, проводила беседы, читки. По ночам еще приходилось рыбу ловить, дрова заготавливать» [9, с. 110-111]. А ещё «Ольге Петровне доводилось играть на гармошке» на крылечке библиотеки, по её словам это помогало эмоционально людям, и они охотнее заходили в библиотеку [6, с. 31].

Сохранилось у нас имя заведующей Реполовской избой-читальней Самаровского района **Низовских**, вернее фамилия (к сожалению, в документах тех лет, как правило, не указывали имя и отчество). О ней писала окружная газета «Сталинская трибуна»: «В бригадах полеводов и рыбаков читает газеты..., помогает выпускать бригадные стенные газеты. Участвует в лове рыбы для снабжения Красной Армии. Вместе с комсомольцами несколько раз выезжала на промысел» [3, с. 85-86].

Елена Тихоновна Самарина — работала в Сургутской районной библиотеке с начала 1940-х. Старожил Сургута В. Ф. Щепеткин вспоминает: «В библиотеку можно было прийти и получить в большинстве случаев ответы на вопросы. Особенно интересовались о сводках на фронтах, о событиях в стране. В Сургуте хорошо знали и уважали эту строгую женщину» [4, с. 19].

Фронтвики, которые работали в библиотеках округа после войны

Михаил Иванович Колесников — заведовал избой-читальней в Мегионе. Он пришел с войны без правой руки, но при этом мог управлять лодкой (когда садился в обласок, делал кольцо какое-то, что позволяло ему грести, ведь для этого обязательно нужны два весла).

Информация о Михаиле Ивановиче сохранилась благодаря статье в местной газете. Правда, статья критическая, называлась «Избач Колесников не ведет работы», но для нас эта информация очень ценная, т.к. она подтверждает воспоминания старожилов о его работе в то время. Изба-читальня располагалась в здании колхозной конторы. Сохранилась информация о том, что за текущий год было проведено 7 лекций, 10 вечеров, 1 утренник, работало 3 кружка. Так что, получается, напрасно критиковали избача Колесникова, фронтвика, инвалида войны.

Петр Георгиевич Иваницкий — заведовал окружной библиотекой после войны. На Ленинградский фронт он попал в начале 1942 года, был снайпером, позже офицером в бронетанковых войсках. Победу встретил в Генрихсвальде (ныне Славск Калининградской области). Службу закончил в 1946 году и сразу был назначен на заведование окружной библиотекой.

Проработал в этой должности 4 года. Это был очень ответственный и дисциплинированный человек, по-государственному относился к сохранению книжного фонда, был требовательным к подчиненным. Всерьёз занимался хозяйственными делами: ремонтировал крышу, купил для библиотеки лошадь, заготавливал дрова, приобретал книги, организовал работу библиотечного актива и другое.

В нашем архиве сохранились планы и отчеты, которые он составлял, на одном документе о результатах проверки, где он должен был поставить подпись, что ознакомлен, записал, что на 75% написанное не соответствует действительности. Это очень его характеризует.

Серьезно относился к сохранности фонда, к выполнению директив о сохранении государственной тайны, вплоть до того, что издал приказ о том, чтобы «в расположение фонда никого не пускать». Сложное было время. Петру Георгиевичу пришлось уволить двух сотрудников, не имевших библиотечного образования, позже и в его трудовой книжке появилась запись: «Освобожден от работы ...как не имеющий специального библиотечного образования» [7, с. 25-26].

Примечания

1. Волженина, С. 1930-1940-е годы: история со многими неизвестными // Окружная библиотека: история о прошлом, рассказанная сегодня. — Томск, 2019. — 178 с.
2. Журсиналиева, В. Из истории сельских библиотек / В. Журсиналиева, О. Стряпчая // Западная Сибирь: история и современность: краевед. записки. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 3. — С. 126-132.
3. Завьялова, Л. «Перестроить всю работу на военный лад!» // Библиотека в контексте социально-экономического и культурного пространства территорий. — Ханты-Мансийск, 2014. — 185 с.
4. Ковалёва, И. Становление и развитие библиотечного дела в Сургуте и Сургутском районе с начала XX века по 1960-е годы // Библиотеки Югры. Сохранение региональной памяти. — Ханты-Мансийск, 2005. — 120 с.

5. Кондакова, Л. Сургутские библиотеки в годы войны // Сургутские библиотеки: 100 лет истории. — Тюмень, 2004. — 208 с.
6. Мадьярова, М. Ольга Петровна Хамзарова // Жизнь моя — библиотека. — Ханты-Мансийск, 2002. — 158 с.
7. Танкова, Е. Петр Георгиевич Иваницкий // Окружная библиотека: история о прошлом, рассказанная сегодня. — Томск, 2019. — 178 с.
8. Фетисова, Г. Записки о фонде // Окружная библиотека: история о прошлом, рассказанная сегодня. — Томск, 2019. — 178 с.
9. Хамзарова, О. Все тянулись к библиотеке // Библиотека как судьба. — Ханты-Мансийск, 2011. — 113 с.

О. Е. Новоселова

Личные библиотеки в составе фонда научной библиотеки Нижневартковского краеведческого музея

Личные библиотеки являются свидетельством эпохи, уровня развития издательских, производственно-полиграфических, переплетных, информационных технологий, книжного дела региона, читательских интересов современников, феноменом культуры.

Личная библиотека — это упорядоченная совокупность книг и других документов (электронных, рукописных и проч.), принадлежащая отдельному лицу или семье и формируемая им/ими для личного пользования [3, с. 84].

Обращение к этой теме связано с повышением внимания в современном обществе к проблемам личности в целом, а также с осознанием того, что нет более точного индикатора, чем личная библиотека, который бы верно отражал скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека, семьи, а, в конечном счете, — и всего общества; недаром многие ученые отмечают способность личной библиотеки отражать реалии времени. Мысль же о том, что не только человек собирает книги, но и книги «собирают» человека получила полное признание.

Отметим, личная библиотека — часть общей картины библиотечного развития страны. Значительное место в фондах большинства личных библиотек составляют обычные, а не «редкие и ценные» издания. Фонды личных библиотек ориентированы на потребности конкретного индивида, однако в своей «не специальной» части нередко используются другими членами семьи, близкими, знакомыми, соседями. Документы, касающиеся профессиональной деятельности владельца библиотеки, часто предоставляются им своим коллегам во временное пользование. В личной библиотеке собираются довольно полно документы, несущие самую важную для владельца личной библиотеки информацию, позволяющую ему развивать свой интеллект, повышать профессиональную квалификацию, разнообразить досуг. При использовании личных библиотек в качестве историко-культурного источника особую значимость имеют характеристики, приобретенные в процессе своего бытования. Это записи на книгах: владельческие, дарственные, следы чтения, вложения, записки дневникового характера, подчеркивания, зачеркивания, рисунки, выполненные владельцами книг. Записи на книгах отражают особенности восприятия текста, психологические характеристики личности, отношение владельца книг к современникам, предшественникам, его менталитет, по некоторым записям на книгах можно проследить факты творческой или профессиональной биографии владельца.

Как отмечают исследователи, исключительные свойства личной книжной коллекции определяется тем, что они способны передать пользователю целого комплекса документов более сильный заряд творческой энергии и вдохновения коллекционера-собираателя, чем каждый документ коллекции по отдельности [1, с. 120; 2, с. 63].

Одним из направлений деятельности научной библиотеки Нижневартовского краеведческого музея — вопросы формирования, идентификации и изучения, сохранения книжных собраний ярких и самобытных деятелей Нижневартовска. Личным книжным коллекциям в фонде научной библиотеки музея уделяется большое внимание.

В настоящее время в фонде музейной библиотеки хранятся более десяти личных книжных собраний писателей, ученых,

нефтяников, общественно-политических деятелей Нижневартовска, содержащие их автографы, дарственные надписи, экслибрисы. Работа с личными библиотеками требует пристального внимания и большого количества времени. Многие наработки находят отражение в экспозиционно-выставочной работе музея, а большая часть закладывает основу для дальнейшей научно-исследовательской и научно-просветительской деятельности сотрудников музея. В рамках публикации расскажем о некоторых коллекциях личных книжных собраний.

Ядро документального фонда научной библиотеки — личное книжное собрание Тимофея Дмитриевича Шуваева (1915-2000), историка, краеведа, лектора городского общества «Знание», почетного гражданина города Нижневартовска, основателя Нижневартовского краеведческого музея.

Личная библиотека Тимофея Дмитриевича содержит [машинописные] рукописные исторические справки об округе, образовании Нижневартовского района, городов Нижневартовска, Сургута, Березово, Кондинском. Будучи энциклопедистом, Тимофей Дмитриевич активно собирал печатные издания на эсперанто и других иностранных языках.

В фонде научной библиотеки музея представлена группа личных библиотек по профессиональной принадлежности их владельцев. Так большая часть научных и технических изданий по разработке, эксплуатации нефтяных месторождений, охране труда на предприятиях нефтедобывающей отрасли Западной Сибири представлены в личной библиотеке Валентина Ивановича Хлюпина (1929—2014), начальника Нижневартовского управления буровых работ №1, первопроходца нефтяного Самотлорского месторождения. Немалая часть изданий, подаренная после завершения профессиональной деятельности почетного нефтяника, включает воспоминания соратников о совместной работе, на титульных листах и форзацах книг имеются не стандартные дарственные надписи, теплые ностальгические сюжеты, дружеские пожелания, автографы значимых деятелей нефтяной отрасли 1970—1980-х годов.

Библиотека Валентина Ивановича Хлюпина представляет собой редкое отраслевое, профессиональное личное собрание нефтяника-практика. Личная библиотека отражает основные ис-

торические моменты освоения Самотлорского нефтегазового месторождения как важнейшей части энергетических ресурсов страны конца 1960 — начала 1970-х годов, а также ключевые вехи строительства города Нижневартовска.

Одно из крупнейших отраслевых личных книжных собраний — библиотека семьи Чореф: Михаила Яковлевича (1932—1999), известного археолога, историка, краеведа, автора десятка публикаций по археологии и истории позднеантичного и средневекового Крыма, его сына — Михаила Михайловича, историка, кандидата исторических наук, профессора РАН, область исследований которого — монетное дело византийской Таврики, нумизматика Боспора, история Крымского ханства. Книжное собрание семьи Чореф, переданное в научную библиотеку музея, насчитывает более 500 книг, не потерявших свою актуальность. Книги востребованы археологами, историками, краеведами. Практически в каждом издании содержатся дарственные надписи, знаменитых советских историков, археологов, а также внутри книг — пометки, выполненные грифельным карандашом их предыдущих владельцев.

Примечательно личное книжное собрание Владимира Дмитриевича Жукоцкого (1954—2006), профессора, философа, политолога, специалиста в области философии религии и культуры, истории социально-политической мысли и марксистской философии в России. Личное книжное собрание Владимира Дмитриевича содержит документы, отражающие ценности гражданского гуманизма в общественном сознании России, истории марксизма, а также его научные труды последних лет жизни.

Отличительной особенностью личных книжных собраний, их своеобразной визитной карточкой, являются владельческие знаки: экслибрисы, надписи. Зачастую лишь благодаря им как маркировке собственности удастся определить принадлежность книги какой-либо из личных библиотек. Это позволяет реконструировать книжные собрания, сохранить коллекцию для будущих поколений. Так было и с разрозненными изданиями с экслибрисом: «Спросите Зою», собранных по крупицам из различных источников в единую личную библиотеку Зои Илларионовны Криволаповой (1929—2014), журналиста, главного редактора газеты треста «Мегионнефть» — «Трибуна строителя»,

журналиста городской общественно-политической газеты «Местное время», руководителя Нижневартговской организации Союза журналистов России. Документы личной библиотеки Зои Илларионовны отражают широкий кругозор ее владельца, а также содержат оттиски статей, препринты, конвалюты, самиздат. В том числе прозаические и поэтические произведения с дарственными надписями и автографами нижневартговских писателей.

Безусловно, документы из личных библиотек известных писателей северной земли: Маргариты Кузьминичны Анисимковой (1928—2013), Николая Павловича Смирнова (1937—2010), Игоря Викторовича Кириллова (литературный псевдоним — Игорь Северский) (1954—) и других, с особой тщательностью собирались в течение длительного времени. Значительная часть рукописных, машинописных материалов одноименных личных библиотек вошла в состав основного фонда Нижневартговского краеведческого музея, в фонде научной библиотеки с трепетом собранные опубликованные печатные документы с владельческими записями, пометками дневникового характера, исправлениями творческого текста вышеупомянутых деятелей литературы.

Отметим, в состав фонда научной библиотеки вошли разрозненные опубликованные издания, фонозаписи, выпущенные в 1960—1980-х годах, с дарственными надписями, переданными горожанами в ранний период формирования фонда библиотеки, либо отобранные в результате собирательской работы музея. По коротким дарственным записям, содержащим минимальные сведения об адресате либо дарителе, не всегда удастся отнести отдельные издания к определенной личной библиотеке или выявить ее владельца, что представляется актуальным для дальнейшего научного исследования.

Таким образом, личные книжные собрания фонда научной библиотеки музея обладают мемориальной ценностью, отражающие духовную составляющую ушедшей эпохи.

Примечания

1. Головкин, Г. В. Библиотеки-коллекции в составе фондов универсальных и специальных библиотек // Научная книга. — 2006. — № 1. — С.119-121.

2. Ильина, О. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. — 2003. — № 11. — С. 63-68.

3. Книга: энциклопедия / гл. ред. В. М. Жарков. — Москва: Большая российская энциклопедия, 1999. — 796 с.

4. Лизунова, И. В. Судьбы личных библиотек в эпоху бумажных книг и цифровых технологий / И. В. Лизунова, Н. В. Радиускайте, А. Н. Ашешова // Книжное наследие и книжная культура. — 2020. — № 4. — С. 46-55.

Л. О. Самолова

Наука как общее достояние: издания из редкого фонда библиотеки им. Д. И. Менделеева

История Тюменской областной научной библиотеки неразрывно связана с историей города. С ростом населения развивалась не только промышленность, но и образование. Открывались школы, училища, клубы, кружки, при которых обычно создавались небольшие библиотеки. А растущему городу требовалась единая библиотека с большими фондами по всем отраслям знаний. И уже в январе 1920 года была образована Центральная городская библиотека, которая сначала стала областной (1945), а затем научной (1981). За свою более чем столетнюю историю она полностью оправдала свой статус, пополнив фонды самыми обширными научными трудами, монографиями, учебниками и уникальным фондом патентно-технической литературы. Ее постоянными посетителями стали ученые, изобретатели, профессора, инженеры, математики и др.

В 2000 году распоряжением губернатора Тюменской области Леонида Юлиановича Рокецкого библиотеке присвоили имя великого русского ученого, уроженца нашего края, Дмитрия Ивановича Менделеева. Именно поэтому особую гордость библиотеки составляет коллекция изданий, хранящаяся в фонде редких книг и рукописей, связанная с его именем. Она насчитывает чуть более 90 единиц и охватывает временной промежуток с 1863 года по настоящее время.

Тематически коллекция делится на следующие составные: прижизненные и посмертные издания ученого; книги, принадлежавшие семье Менделеевых; издания первых лет советской власти; современные и репринтные произведения.

Основой для выделения коллекции стало издание Д. И. Менделеева «Органическая химия» (1863 г.). Данный труд был опубликован Товариществом «Общественная Польза», которое возникло в 1860 году в Санкт-Петербурге для издания общедоступной литературы по различным отраслям естествознания. Для работы в товариществе привлекались самые известные и крупные ученые, активным участником в его деятельности стал и Дмитрий Менделеев. С 1861 по 1873 гг. «Общественная Польза» опубликовала 23 работы Менделеева, в том числе, «Органическую химию», «Основы химии», «Техническую энциклопедию», т. е. почти все крупнейшие работы ученого.

«Органическая химия», одна из первых научных работ по данной дисциплине, была написана в 1861 году. За этот труд Менделеев получил высшую отечественную научную награду того времени — Демидовскую премию, учреждённую уральским промышленником Павлом Николаевичем Демидовым. Изданная в 1862 году, она оказалась мгновенно раскуплена и в следующем году переиздана с небольшими авторскими дополнениями. Однако второе исправленное и дополненное издание стало и последним. В предисловии ко 2-му изданию ученый пишет: «Химия, как наука не только описательная, но и физическая, занимается не только изучением и сравнением форм и свойств химических видов, не только строит их систему, но и определяет законы тех химических изменений, каким подвергается вещество» [4, с. 1]. На экземпляре ГАУК ТОНБ два владельческих знака: Е. П. Левашкиной и переплетчика Филимонова (1918 г.)

После революции 1905 года Менделеев взялся за свой главный труд в области экономики и футурологии — «К познанию России». Он пользовался в начале XX века огромной популярностью, в 1906—1907 гг. вышло шесть его изданий.

«Помню, как сдав последнюю корректуру «К познанию России», Дмитрий Иванович приехал в Боблово и, довольный этим, говорил нам: «Ну вот, и теперь и отдохну с вами; как хорошо тут. Напечатать-то я должен был — знаю, но знаю, что читать едва ли будут». На этот раз он ошибся. Не прошло трех недель, как известили из Петербурга телеграммой: «Издание разошлось, распорядитесь дальше» [5, с. 122].

В этой работе ученым анализируются данные первой Всероссийской переписи 1897 г., определяется актуальный центр страны и составляется новая карта, на которой территории государства поделены на 19 краев, заключавших в себе 97 губерний.

Работа затянулась. «Составление и печатание отчета по первой планомерной общей русской Переписи 1897 года закончены только в прошлом 1905 году...» [3, с. 4]. Заслуга ученого и его сотрудников, состояла в том, что они выбрали самые важные количественные параметры в экономико-социальном развитии Российского государства. Количественные данные переписи в работе ученого приобрели смысл и представили ясную картину важнейших экономико-географических и демографических процессов, которые происходили в стране.

Анализ цифровых данных переписи позволили Д. И. Менделееву сделать ряд прогнозов развития России на 145 лет. В наши дни данный труд заставляет задуматься, какова роль XX века в российской истории. При написании труда ученый размышлял о судьбах России. Данные мысли он поместил в сноски, а книга включила в себя наряду с научным анализом и личные взгляды человека, видевшего много дальше своих современников.

В редком фонде ГАУК ТОНБ сохранилось так же 3 экземпляра издания «К познанию России» (1906 г.). К одному из них приплетено посмертное издание 1907 г. «Дополнение к познанию России».

В своем «Дополнении к познанию России» Д. И. Менделеев расширил границы исследования, включив в него данные о мировом народонаселении. «...она включает в себя вполне закон-

ченный очерк о народонаселении всего земного шара, выполненный по совершенному оригинальному плану и способом, который точностью (приведение к одному сроку, тщательное исследование источников) превосходит обычно употребляемые» [2, с. 2]. Громадные сухопутные границы России задают тон отношениям с другими государствами и порождают необходимость «знать весь свет не меньше, чем англичанам, имеющим владения во всех частях света» [2, с. 17]. Книга состоит из двух глав. В первой главе представлены данные о крупнейших мировых державах, во второй главе — материалы о государствах всех шести частей света. «Там (в первой книге) дело шло исключительно о внутренних наших отношениях, а здесь имеются в виду почти исключительно внешние отношения России» [2, с. 17].

В фонде нашей библиотеки — второе исправленное и дополненное издание. На экземпляре владельческий штамп Б. А. Коробова. К сожалению, установить данные о владельце не удалось.

Жемчужиной коллекции является «Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками С. У. Ремезова; предисл. А. Зоста». Фотолитографическое издание, по списку Академии наук, увидевшее свет в 1880 г. Это факсимильное воспроизведение с помощью фотолитографии рукописной иллюминированной «Краткой Сибирской летописи», хранившейся в Академии наук, куда ее передал в XVIII в. обнаруживший ее академик, профессор Г. Ф. Миллер. Летопись рассказывает о походе Ермака в Сибирь. Характерной чертой является народный, казацкий стиль ее языка, проникнутый грубоватым юмором. На рисунки летописи оказали влияние иллюстрации Царственной книги и гравюры «Синописа» Иннокентия Гизеля. Издание было отпечатано к трехсотлетию присоединения Сибири к Российской империи и моментально стало редким. На титульном листе владельческий штамп «Менделеев». Долгое время сотрудниками нашей библиотеки данный знак никак не аннотировался. Совсем недавно удалось установить, что он принадлежит брату великого ученого — Павлу Ивановичу Менделееву (1832—1902) [1, с. 494].

К 100-летию со дня рождения великого ученого был опубликован один из основных трудов — «Основы химии». Издание

осуществлено с 8-го издания, увидевшего свет еще при жизни ученого. В 1868 году приступил к работе над своими знаменитыми «Основами химии». В своем классическом труде «Основы химии» Менделеев впервые изложил неорганическую химию на основе периодического закона.

В первой части труда приведена так называемая малая таблица «Опыта системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве». «Книга эта написана в 1868—1870 гг. для ознакомления желающих не только с первоначальными опытами и законами химии, но и с основными воззрениями этой науки на неизданную сущность изменяющегося вещества». Во второй части излагается система периодичности, приведены естественная система элементов и указатель элементов. В течение многих лет книга «Основы химии» служила первым учебником и руководством всех ученых-химиков. Издание, хранящееся в фонде редких книг и рукописей библиотеки, осуществлено под рук. И. В. Вольфсона. В приложении: Д. И. Менделеев. Опыт библиографии. Сост. Р. А. Кондратович.

К 100-летию юбилею Д. И. Менделеева АН СССР предприняла грандиозный труд к изданию полного собрания его сочинений. Эта работа (прерванная войной) была завершена в середине 1950-х гг. Итоговое собрание сочинений составило 25 томов, и еще один том содержит оглавление всех этих томов. Данное издание вышло тиражом 3000 экземпляров. В каждом томе помещены фото изображения ученого, относящиеся ко времени написания работ, опубликованных в томе. К великому сожалению, фонд редких книг и рукописей ГАУК ТОНБ обладает не полным собранием. Отсутствуют: т. 6: Газы; т. 9: Пороха; т. 20: Экономические работы ч. III.

Не ослабевает интерес и молодых ученых к работам Д. И. Менделеева. В 2000-х г. издательством Альфарет было осуществлено переиздание работ Д. И. Менделеева. Книги выходили ограниченными тиражами 30—50 экземпляров. Среди них: Фабрично-заводская промышленность и торговля России/ под ред. Д. И. Менделеева (2009); Менделеев, Д. И. Рассуждение о соединении спирта с водой, представленное в Физико-математический факультет И. С.-Петербургского университета Д. Менделеевым для получения степени доктора химии (2011); Менделеев, Д. И.

Органическая химия: учебник (2011); Менделеев, Д. И. Заветные мысли (2006); Уральская железная промышленность в 1899 году (2016).

В 2016 г. в издательстве «Титул» выходит в свет последняя книга известного уральского краеведа, ученого, ректора Тюменского индустриального университета Виктора Ефимовича Копылова «Заветный мир Д. И. Менделеева (сибирские и уральские страницы жизни и памяти).

«Любой просмотр рукописного или печатного наследия Дмитрия Ивановича Менделеева дает заинтересованному исследователю неизменные поводы для размышлений и открытий. Итогом их становятся новые, ранее не замеченные или просто проигнорированные факты, способные в очередной раз пополнить копилку Менделеевианы. Не стал исключением и предлагаемый читателю материал, в котором под несколько иным взглядом, чем раньше у других отечественных исследователей, повествуется о поездке Д. И. Менделеева по уральским и родным местам летом 1899 г.»

Работа В. Е. Копылова — заново переработанный и дополненный вариант работы автора «Менделеев и Зауралье» изданная в 1986 году. Издание 2016 года дополнено ранее не опубликованными фотографиями, портретами и картами

Другое не менее интересное и обобщающее издание: Энциклопедия экономических трудов Д. И. Менделеева: энциклопедия/ авторы текста и составители В. Таранков, М. Сахарова, вышедшее из печати в 2024 г. Книга оснащена уникальным иллюстративным материалом и поистине новаторским содержанием, открывающим новые грани в личности ученого-энциклопедиста.

«Энциклопедия экономических трудов Д. И. Менделеева» восстанавливает имя ученого как великого экономиста, раскрывает содержание и непреходящую ценность его работ. В ней отражен его громадный вклад в величие и процветание России. Показан истинный патриотизм ученого, проявлявшийся в отстаивании личной позиции по защите экономической независимости России на всех уровнях власти и во всех сферах его деятельности». В издании великий ученый предстает, как экономист, инвестировавший свои капиталы в разнообразные российские экономические проекты. Отдельные главы книги отражают дли-

тельное и плодотворное сотрудничество Д. И. Менделеева с российским бизнесом, Министерством финансов, Госбанком, Императорским Вольным экономическим обществом. Обращает на себя внимание читателей, помещенный в книгу, первый Аннотированный каталог из 120 экономических трудов ученого. В издании размещены уникальные иллюстрации: музейных экспонатов, архивных материалов, редких фотографий и книг, а так же в книгу вложена подлинная антикварная облигация Российской империи.

Тюменская областная научная библиотека, носящая имя великого ученого, глубоко чтит и бережет память о нем. Его образ всегда притягивал, и будет притягивать умы и замыслы школьников, студентов, преподавателей, молодых и уже маститых ученых. И каждый, кто обратится к книгам о Д. И. Менделееве и его трудам, найдет для себя новые неизведанные страницы. В связи с этим коллекция прижизненных трудов оцифрована и доступна для всех читателей библиотеки в электронной базе данных «Полнотекстовые документы ГАУК ТОНБ им. Д. И. Менделеева», а также на цифровой платформе Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Данное обстоятельство позволяет полностью раскрыть многообразие взглядов Д. И. Менделеева для большого круга читателей. Материалы трудов ученого — источник для создания выставок, проведения уроков, лекций и других мероприятий, направленных на изучение и сохранение истории.

В стенах библиотеки на основе изданий, хранящихся в фонде, по инициативе сотрудников Отдела патентно-технической литературы и нормативной документации проводится цикл лекций «Гостиная Менделеевых», которые находят отклик среди школьников, студентов, преподавателей и всех неравнодушных к вопросам сибирской истории и науки. Так же в 2024 году, в год юбилея великого сибиряка, проводились «Менделеевские среды», на которых всем желающим рассказывалось о жизни, увлечениях и трудах Д. И. Менделеева.

Дмитрий Иванович был неутомимым исследователем, который навсегда вписал свое имя в историю мировой и отечественной науки. К сожалению, многим из его многочисленных идей так и не довелось воплотиться в жизнь. Но те замыслы, что были реализованы, оказывают влияние на научный мир и сегодня.

Примечания

1. Богомолов, С. И. Российский книжный знак, 1700-1918: [энцикл.]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва: Минувшее, 2010 — 959, [1] с.
2. Менделеев, Д. Дополнения к познанию России. — Посмертное изд. с портретом авт. — Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1907. — 107 с.
3. Менделеев, Д. К познанию России: с приложением карты России. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Санкт—Петербург: Издание А. С. Суворина, 1906 — 156, [2] с.
4. Менделеев, Д. И. Органическая химия. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Санкт-Петербург: Общественная Польза, 1863. — 579 с.
5. Менделеева, А. И. Менделеев в жизни / А. И. Менделеева; вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. — Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928 — 182, [2] с. — (Записки прошлого: воспоминания и письма / под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского).

Ю. А. Сидорова

Актуальные форматы мероприятий: опыт использования игровых механик в краеведении

В статье представлен обзор краеведческих мероприятий, проводимых с использованием различных игровых механик в Тюменской областной научной библиотеке имени Дмитрия Ивановича Менделеева, созданных для молодежной аудитории с целью популяризации литературы об истории города Тюмени и его горожан.

С развитием цифровых технологий появляются всё более разнообразные инструменты для продвижения библиотек и литературы в интернете. Однако библиотека по-прежнему остается местом для живого общения и проведения совместного досуга.

Идея использования игровых форм и механик в библиотечных мероприятиях опирается на большое количество методических материалов, пособий и учебных программ по литературе, географии, истории и другим предметам, включая краеведение. Для того чтобы привлечь молодежную аудиторию, важно выбирать такие формы мероприятий, которые вызовут эмоциональный отклик, позволят пережить уникальный опыт и подогреют интерес вернуться в библиотеку для знакомства с краеведческими книгами. На основании этого принципа были выбраны представленные в статье игровые механики, которые легли в основу краеведческих мероприятий.

Настольно-ролевая игра «Легенды Города Т» разработана по принципу механики, используемой в известной ролевой игре «Подземелья и драконы» (DUNGEONS & DRAGONS (D&D)), которая погружает игроков в магический мир [7]. Игровая механика строится на фантазии участников, их коллективном творчестве при создании эпической истории. Ведущий игры (мастер) создает приключенческий сюжет и погружает игроков в контекст игровой вселенной. В ключевые моменты, когда действие персонажа влияет на ход событий, при помощи специальных игровых кубиков — «дайсов» мастер определяет результаты действий персонажей.

В основе игры «Легенды города Т» лежит история города Тюмени и факты из жизни известных горожан. При подготовке к каждой игре мастер и организатор обращаются к краеведческой литературе, а игрокам рекомендуют ознакомиться с соответствующей книжной подборкой. У игровой вселенной D&D есть своя разновозрастная аудитория, фанаты, знающие правила, а новым игрокам, не знакомым с механикой, благодаря упрощению многих элементов игры, несложно быстро включиться в процесс. Благодаря адаптации механик и элементов, а также размещению анонсов в социальных сетях и СМИ, библиотека смогла привлечь аудиторию, лояльную к игровым формам деятельности.

Часть игры строится на фактах (исторический контекст, персонажи, локации), а часть — на фантазии мастера и игроков (завязка и ход сюжета, внутриигровое взаимодействие, неигровые персонажи, характеристики персонажей). Каждому игроку выда-

ется карточка с биографией персонажа и игровыми характеристиками: мудрость, харизма, ловкость и сила (характеристики существуют как игровая условность и один из элементов игры D&D). Игроки по желанию могут эмоционально отыгрывать персонажей, создавая уникальный контекст игрового пространства и взаимодействия с другими игроками, например, изображать поведение человека, жившего в конце XIX века. Также игрокам выдаются карточки-ремарки с описанием исторического контекста. Тематические задания и головоломки становятся испытаниями, которые нужно преодолеть. Проявив смекалку или объединившись в нужный момент с другими персонажами, участники следуют сюжету и приближаются к завершению миссии.

Сюжет первой серии игр разворачивается во владениях тюменских чайных купцов Колокольниковых. В краеведческой литературе, благодаря потомкам и известности династии, сохранилось много воспоминаний, описаний характеров членов семьи [1, 2]. Игроки берут на себя роли реальных членов семьи: братьев Колокольниковых, их жен и детей, а глава семейства, Иван Колокольников, дает задание игрокам, которое становится основой для детективного приключения.

Темой второй серии игр стал Текутьевский некрополь — историческое кладбище в центре города Тюмени. Подходящий жанр для такой игры — мистическое приключение. За основу был взят путеводитель по Текутьевскому кладбищу [3], выпущенный музеем воспоминаний «Мы жили», куда вошли собранные краеведами истории горожан, живших на рубеже XIX и XX веков и похороненных на кладбище. Сюжет построен на основе фольклора, примет и обрядов, связанных со смертью и похоронами.

Третья серия настольной ролевой игры была посвящена яркому ремеслу Тюменской земли — ковроткачеству. Для поиска материалов были использованы альбомы Н. И. Сезевой [4, 5], откуда, кроме красочного иллюстративного материала и тонкостей создания тюменского махрового ковра, были взяты биографии ковровщиц, истории из их жизни и быта. Игроки в роли известных в Тюмени, Ишиме и южных районах Тюменской области ткачих погрузились в атмосферу торговли и работы на ма-

нуфактурах. Часть сюжета была посвящена быту, окружавшему женщин на рубеже XIX—XX веков.

Многослойность оригинальной игровой механики и обширность краеведческого материала в основе сюжета позволяют игрокам погрузиться с атмосферу истории города, прожить бытовые ситуации из прошлых столетий и получить уникальный игровой и социальный опыт, а главное — почувствовать, что изучение истории может быть увлекательным.

Игра «Легенды Города Т» проводилась в Тюменской областной научной библиотеке в период с июня по октябрь 2023 года. В одной игре могло принять участие до 8 человек, всего игру посетило 40 человек. Участвовать в игре могли подростки старше 12 лет и взрослые. Игровой процесс занимал 3 часа.

Еще одна игровая краеведческая адаптация под названием «Тюменские маршруты. Тыл» разработана в рамках тематических мероприятий ко Дню Победы с целью охватить как можно больше информации о работе тюменского тыла, актуализировать имеющиеся знания по этой теме у школьников и студентов. Основой игровой механики стала настольная карточная игра «Доббль» (Dobble), развивающая зрительное восприятие, реакцию и внимательность. В набор игры входит 55 круглых карточек, на каждой из которой изображено по 8 символов, лишь один из которых совпадает с символом на другой карточке. Задача игроков — найти его раньше соперников, тот, кто первым нашел совпадение, должен громко назвать символ и забрать карточку в свою колоду [6]. Существует несколько вариантов проведения мини-игр с набором карточек, однако каждая — это соревнование на быстроту реакции. Игра «Доббль» используется в педагогике, логопедии, поскольку развивает речь, зрительную память и слуховое внимание. Игра динамичная и подходит для любого возраста. Краеведческая адаптация разработана на основе математической модели оригинальной игры: было выбрано 57 тематических элементов [8].

Анализ краеведческой литературы при подготовке к мероприятию позволил выделить несколько тематических блоков, по каждому из которых были выбраны и нарисованы символы, использованные в игре. Именно эта настольная игра, по предположению организатора мероприятия, помогает участникам запом-

нить места и истории, связанные с работой тюменского тыла в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., знакомит с новыми фактами, позволяет по-другому взглянуть на мемориалы и памятники, а главное — закрепляет знания о вкладе тыловиков, женщин и детей, о том, какие испытания им пришлось пережить и в каких условиях трудиться. В краеведческую версию настольной игры вошли следующие элементы (символы, объединенные в тематические блоки):

- 6 государственных наград, которые могли получить тыловики за свой труд во время Великой Отечественной войны, например, орден Трудового Красного Знамени, орден «Мать-героиня»;

- 5 символов, объединенных темой «Школьники — фронту», например, мемориальная доска «Согретые Сибирью» в населенных пунктах современной Тюменской области, куда эвакуировали детей из блокадного Ленинграда;

- 8 памятников и памятных мест в Тюмени, например, горельеф в память о Марите Мельникайте на улице, названной в ее честь, мемориал на Площади Памяти, скульптуры из Сквера сибирских кошек и памятник служебным собакам;

- 30 символов, связанных с предприятиями и производствами, действовавшими в годы войны в Тюмени, Ялуторовске, на севере области, например, станкостроительный завод; продукция овчинно-шубного завода имени Кирова, сельского хозяйства: зерно, молоко; лозунг «Хлеб в фонд Красной Армии»; некоторые здания в Тюмени, где находились эвакуационные госпитали;

- 8 различных символов Великой Победы, в том числе фигура, представляющая границы территории современной Тюменской области, приказ об образовании которой был подписан в 1944 году.

Конечно, данный набор тематических блоков и символов не претендует на полноту раскрытия темы тюменского тыла в годы войны. Перед проведением настольной игры организатор рассказывает о каждом элементе и знакомит участников с соответствующей краеведческой литературой из фонда библиотеки.

Мероприятия с использованием настольной игры, посвященной теме жизни тюменцев-тыловиков в годы Великой Отече-

ственной войны, проводились в период с апреля по май 2023 и 2024 года, их посетило более 76 человек. Аудитория охватывала учащихся, начиная от шестиклассников до студентов. В настоящее время игра дорабатывается до полноценного проекта.

Опыт проведения игровых краеведческих мероприятий показал, что использование игровых механик привлекает молодежную аудиторию, и это приводит к повышению интереса к книгам и участию в других мероприятиях библиотеки.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что существует множество форм для создания уникальных мероприятий и проектов. Чтобы выбрать подходящий вариант, полезно обращаться к методическим разработкам коллег и адаптировать их с учетом новых и популярных форматов.

Примечания

1. Дубовская, Е. М. Легенды и тайны Тюмени. — Тюмень: Тюменский дом печати, 2013. — 335 с.

2. Кубочкин, С. Н. Заводская слободка... и еще 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. — Тюмень: Мандр и К^а, 2011. — 359 с.

3. «Мы жили»: путеводитель по Текутьевскому кладбищу: Наталья Алиева, Влада Нерадовская, Максим Орлов [и др.] / Н. Алиева, В. Нерадовская, М. Орлов. — Тюмень; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. — 92 с.

4. Сезева, Н. И. Ковры России. Тюменский ковер: альбом. — Москва: Интербук-бизнес, 2009. — 160 с.

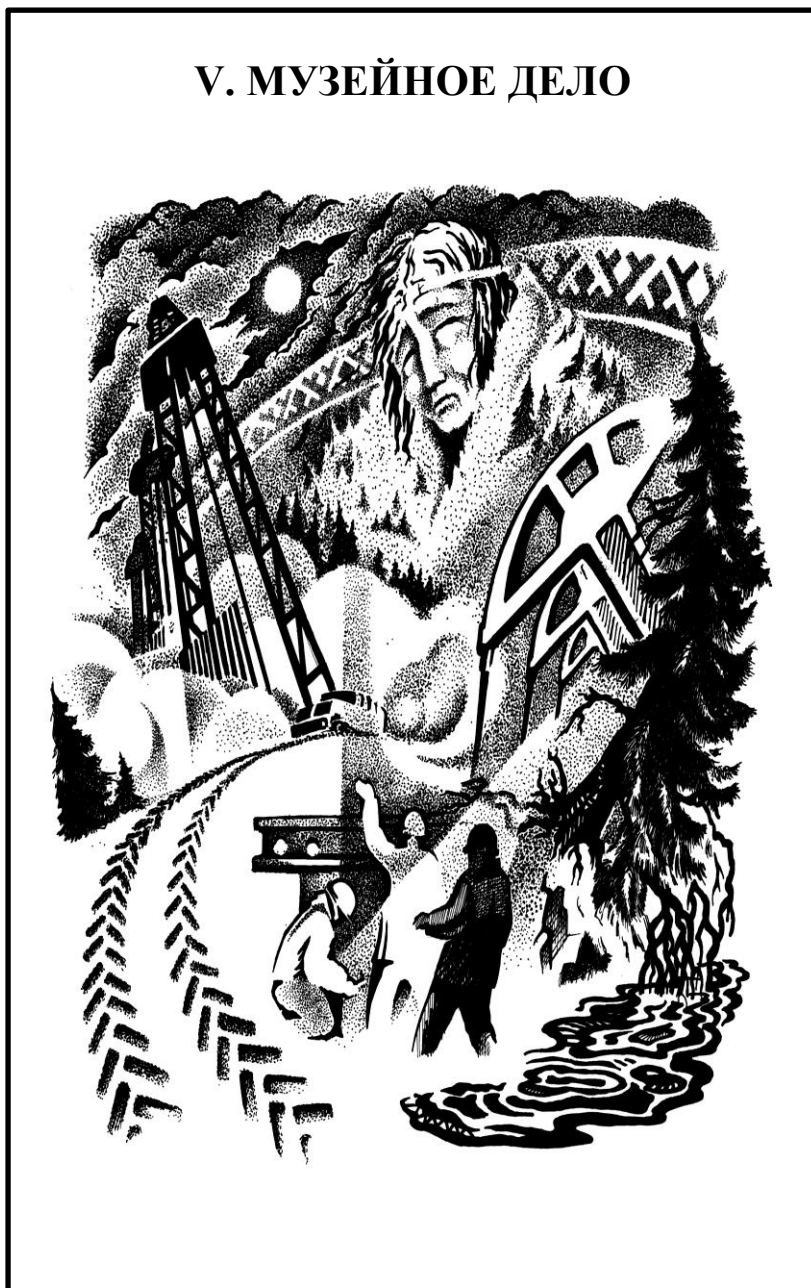
5. Сезева, Н. И. Тюменский ковер. Традиции и современность = Tyumencarpet. Traditionandmodernity. — Тюмень: Титул, 2012. — 223 с.

6. Доббль. Правила игры // Игровед: магазин издательства: [сайт]. — URL: https://www.igroved.ru/rules/rules_dobble_rus.pdf?srsltid=AfmBOopXG8zxUeJpt_LShTIKvOKevYnDxcUsgKhTRzXfBVm_33mxZUjC (дата обращения: 28.08.2025).

7. Книга игрока // Dungeons.ru: [сайт]. — URL: <https://dungeonsanddragons.ru/bookfull/5ed/5e%20Players%20Handbook%20-%20%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B0%20RUS.pdf> (дата обращения: 28.08.2025).

8. Математическая модель игры Доббль // Хабр.com: [сайт] — URL: <https://habr.com/ru/articles/437140/> (дата обращения: 28.08.2025).

V. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

**Народное судостроение в коллекции фотопозитивов
Нижевартовского краеведческого музея: изучение
и сохранение исторического наследия**

Фотодокументальные коллекции могут выступать дополнительными источниками при изучении вопросов традиционного народного судостроения различных регионов России. Фотографии отличаются исторической достоверностью, поскольку на них зафиксированы реальные суда и лодки в конкретный временной период. Узнать о внешнем облике судна, о его размерах, технологии строительства и иных характеристиках представляется возможным, на основании собранной информации и анализа фотографии.

Статья посвящена коллекции фотографий из собрания Нижевартовского краеведческого музея, которая содержит изображения основных типов лодок, бытовавших в Среднем Приобье и на Вахе, и относящихся, главным образом, к первой и второй половине XX века. Фонд фотографии в музее формировался более 50 лет. Экспонаты поступали в музей разными путями: некоторые экземпляры или коллекции музей приобретал, другие становились результатом работы экспедиций, передавались от частных лиц и учреждений. Как пример: копии коллекции снимков, созданных подвижником просветительской деятельности на Тобольском Севере, этнографом, краеведом Григорием Матвеевичем Дмитриевым-Садовниковым. На снимках — повседневная жизнь местных жителей, с их традиционными занятиями, хозяйственной деятельностью, праздниками, предметами быта, в том числе лодками первой половины XX века. Копии фотографий Григория Матвеевича были переданы нашему музею Тобольским историко-архитектурным музеем-заповедником. Среди них — фотография, на которой запечатлен один из обласов Ваховской экскурсии Тобольского губернского музея у берега протоки р. Сабун [9]. Снимок был сделан в 1913 году Дмитриевым-Садовниковым во время научной экспедиции в бассейн реки Вах. Некоторые фотографии, авторами которых стали участники Ваховской экспедиции, использовались в музее на выставке «Ре-

ка Вах: по следам давних экспедиций». Выставка экспонировалась в 2024 году. Стоит отметить, кроме уникальных архивных фотоматериалов Дмитриева-Садовникова, на выставке были представлены копии рисунков художника Дмитрия Каратанова из фонда Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова. Рисунки были сделаны Дмитрием Иннокентьевичем во время экспедиции на Вахе в 1928 году; на одном из них — ваховский облас.

Вот как отмечал Дмитриев-Садовников в своих путевых заметках: «Ваховский облас отличается особой легкостью, островальным дном, узкостью по сравнению с длиной, острыми водорезами и низкими бортами, — условия, необходимые для быстрого хода, но малопригодные для устойчивости на волнах — это требования местности, имеющие узкие, но быстрые воды» [6, с. 53]. В этнографическом очерке «Ваховские остяки» исследователя Михаила Бонифатьевича Шатилова находим: «Величина обласа различна, в зависимости от их назначения. Малый облас употребляется при летней охоте. Средний — для рыболовных промыслов. Большой облас предназначен для длительных дальних переездов» [20, с.118-119].

Запечатленные на фотографиях лодки бытовали в Сургутском уезде — самом северном и вторым по площади в Тобольской губернии. В досоветский период сообщения между населенными пунктами Сургутского уезда летом осуществлялось только по рекам, а в зимнее время года по болотистым рекам зимникам. Бассейн реки Вах в начале XX века — самый удаленный и малодоступный край Сургутского уезда — озерный, речной, и для местных жителей тема лодок всегда была актуальной, так как большая часть их жизнедеятельности зависела от передвижения по воде. Село Нижневартовское находилось на Оби близ устья реки Вах. Места здесь заболоченные, как таковых дорог не было, и до середины XX века, вплоть до 1960-х гг. единственным средством передвижения летом нередко служил особый тип лодки, встречающийся по Ваху, это особого устройства облас — «крыт» (остяцкое национальное долбленое судно).

Но, также М. Б. Шатилов отмечал, что «помимо обласа... встречаются каюки. Каюки строятся с верхом, крытым досками или берестяным полотнищем. В каюках идут на веслах, шестах

и где позволяют берега, на лямках» [20, с.122]. Каюк и облас представлен на фотографии 1912 года (копии переданы Тобольским историко-архитектурным музеем-заповедником). На снимке запечатлена Нижневартовская пристань, лодки у берега [2]. Автор: Борис Николаевич Городков. Совместно с Г. М. Дмитрием-Садовниковым исследовал Тобольскую губернию, в том числе участник Ваховской экскурсии. В коллекции фотографий музея хранится снимок, датированный 1909 годом. На снимке изображен почтовый каюк на реке Иртыше, у села Самарово [12]. Автор: Гавриил Иванович Мешков, выпускник Томского Университета, известный сибирский инженер-гидролог, исследователь бассейнов рек Оби, Иртыша и Енисея, автор нескольких научных работ. Начальник Западно-Сибирского Управления Внутренних Водных Путей в 1930-х гг.

Подобные лодки зафиксированы на фотографиях более позднего периода. В фонде музея находятся две небольшие по размеру 4x4 см, но достаточно интересные редкие фотографии [3]. Обе фотографии датируются 1952 годом. Сюжет фотографий: река Колёк-ёган (правый приток Ваха): на первой — двое мужчин, в национальной одежде, рыбаки, рядом лодка, облас среднего типа для рыболовных промыслов. Видно, что рыбаки перегружают рыбу в лодку. На второй фотографии изображены участники геодезической экспедиции в бассейне реки Вах с грузом в небольших обласах. На более ранней фотографии, датированной 1947 годом, запечатлен облас на реке Колёк-ёган с тремя пассажирами [11]. Изображение расплывчатое, снимок сделан из дальнего ракурса. Но общие очертания лодки и ее пассажиров понятны. Как следует из подписи на фотографии: «В край Охтурский шёл юный комсомолец», можно предположить, что на снимке изображена, так называемая, «красная лодка» — агитационное судно, которое использовали для связи отдаленных территорий с центром и для укрепления Советской власти. В 1930-1940-х гг. агитлодки активно курсировали по Ваховскому краю. «Красные лодки» развозили агитаторов даже в самые отдаленные уголки, где они читали лекции и показывали кино, нередко пассажиром лодки был учителя и врач. Для просветительского, лечебного охвата населения создавались и другие передвижные кочевые площадки: «Красные чумы», «Красные юрты». Так, Га-

лина Ивановна Оносова, которая в 1930-х годах работала врачом в Толькинском Красном Чуме Ларьякского района, вспоминала: «Собрав всё необходимое оснащение (медикаменты, инструментарий, библиотеку)...мы отправились в долгий и дальний путь. Мы — это зав. красным чумом, киномеханик и врач... Средством передвижения были самодельные лодочки — обласки, на которых плавали по рекам и речкам, многочисленным озёрам... На месте летних кочевий добирались водным путём на обласках или лодке, приспособленной к приёму больных. Лодка была удобная, но тяжелая. Обратное, при возвращении к стоянке Красного чума и школы приходилось плыть против течения и на перекатах тащить эту лодку-медпункт бечевой...» [10, с.18, 22].

В воспоминаниях местных жителей встречаются упоминания о разных типах лодок: это лодки из досок, облас с набойными бортами и крытые каюки, лодки-неводники, которые вмещали достаточно много людей и грузов. В воспоминаниях Татьяны Спиридоновы Пановой, участника Великой Отечественной войны, которая в 1921 году родилась на пристани Нижневартовской, говорится: «По реке ездили на лодках *на гребях*...нам часто приходилось ездить на большие расстояния — это километров 15-20» [1, с.50]. Здесь стоит отметить, что «*гребки*» — так называли вёсла, идти на гребях — плыть, управлять вёслами. Из воспоминаний старожила Нижневартовска Веры Матвеевны Первухиной, которой пришлось в 1942 году, когда ей исполнилось 19 лет, «принять маслозавод» в селе Нижневартовском, читаем: «На маслозаводе был цех по переработке сливок. Сливки собирали из восьми деревень на большой лодке-неводнике, куда входило до 35 фляг». Чаще всего ходили на «гребях». В лодке было по четыре гребки в ряд...у каждого борта было по четыре человека...» [7, диктофонная запись]. Так, в фондах музея хранится довольно интересная фотография 1946 года с изображением пяти доярок Нижневартовского молочного завода, которые переплавляются через Обь на гребной лодке на дойку коров [14]. Снимок наглядно показывает, каким образом местные лодки использовались в хозяйстве. Весной лошадей и коров переплавляли на широких лодках-неводниках на левый берег Оби, так как там находились заливные луга — соры. Такой способ содержания скота в весенне-летний период называли «весновки». А ле-

том, доярки два, а то и три раза в день переплавлялись на дойку коров, на обласах или дощатых лодках. Народная лодка представлена фотографии, где запечатлены три женщины в деревянной лодке — рыбачки Мегионской рыбацкой артели имени Стаханова [15]. Рыбачки выбирают сети из лодки. Фотография датируется 1940-ми годами. Авторы фотографий неизвестны.

Еще одна фотография из фондов музея запечатлела бытование лодок в Нижневартовском районе. Это фотография 1957 года. На снимке — поход учеников 6 класса Ларьякской школы в Вампугольск (бывшее село Нижневартовское, родоначальник села на правом берегу реки Оби), к памятнику сургутского коммуниста Антонина Зырянова, погибшего в числе других во время Западно-Сибирского восстания в 1921 году, у села Нижневартовского [13]. Сюжет фотографии: группа детей с учителем расположились на берегу реки, у некоторых в руках — деревянные вёсла. У берега несколько деревянных лодок. На сегодняшний день мы затрудняемся точно определить тип лодки, так как недавно обратились к теме народного судостроения, благодаря подготовке к настоящей конференции.

Трудно установить визуально характер лодки, на видимой части — возможно, прибитые борта. Здесь хотелось бы сказать о том, что к теме народного судостроения мы обратились недавно. К детальному изучению сподвигла данная конференция.

Итак, судя по нашим снимкам, общие очертания и принципы строительства лодок Ваховского края прослеживаются и сохраняются как минимум до 1960-х гг. и оставались приоритетными.

С началом освоения нефтяных месторождений, открытием Самотлора, приездом большого количества людей, с приходом нового времени меняются и типы лодок. Появляются более современные вёсельные лодки, с 1950-60 гг. — металлические лодки с бензиновыми моторами, и, как правило, изменениями в конструкции лодки. Так, на фотографии, которая датируется серединой 1950 годов, изображены вампугольские рыбаки, за переловленной рыбы. Двое мужчин находятся в металлической, возможно алюминиевой лодке. Еще одна фотография 1967 года. На снимке изображена вёсельная лодка у здания лаборатории Центра научно-исследовательских и проектных работ, который находился в рабочем поселке Нижневартовском [4]. Автор неиз-

вестен. Вероятно, лодка использовалась для перевозки сотрудников лаборатории по реке.

В фонде фотографий хранятся изображения с лодками других регионов России. Недавно в фонд музея поступила интересная фотография, запечатлевшая Иртыш в районе Омска [16]. Подпись на фотографии гласит, что это семейная прогулка на лодке по Иртышу. Место и время съемки: 1925-1926 год, г. Омск. На первом плане — длинная узкая лодка, с низкими бортами и характерным острым носом. Лодка вместила семь пассажиров. Подобные лодки бытовали на Оби и крупных ее притоках — Томь, Иртыш, где большая вода.

В 2013 году сотрудник секции графики Санкт-Петербургского Союза художников Людмила Николаевна Лунина вместе с коллекцией графических работ передала в дар нижевартовскому краеведческому музею фотографии из личного архива ленинградского графика Марии Николаевны Бутровой. На Тюменском Севере Мария Николаевна побывала, по крайней мере, дважды: в 1935 и 1975 гг. Тогда же и произошло ее знакомство с бытом и ремеслами коренного населения. Ей удалось посетить в творческих командировках и другие регионы Сибири. На фотографиях — пейзажи Енисея, Байкала, Саян, Тувы, Салехарда. На фотографии [5] в центре — чум, покрыт тканью и берестой; трое людей в национальных одеждах. Трудно сказать, где сделан снимок, но, безусловно, это Сибирь. У реки, справа от чума, фрагментарно видны две узкие долбленные лодки, с низкими бортами; весло — длинное в рукояти и лопасти.

На второй фотографии из архива М. Н. Бутровой [8] запечатлена сибирская река, примерно 1930-е годы. На реке — плот, несколько человек. Рядом — лодка, довольно большая, вместительная. В фондах нашего музея это единственный редкий снимок, изображающий плот. По пейзажу местности понятно, что фотография сделана не в наших краях, так сказать, — не обской пейзаж, не Югра. Возможно, районы Енисея. В нашем городе существуют факты, связанные с таким плавучем сооружением как плот. В 1970-е гг. активные нижевартовские комсомольцы из Автотранспортной конторы в составе двух человек экипажа «Одиссея» совершили агитпропływ по Оби: 1200 километров от Новосибирска до Нижневартовска участники преодолели на

плоту за 36 дней. Согласно заметке в газете «Ленинское знамя» от 1974 года, «путешествие было полно неожиданностей и приключений, но смельчаки не растерялись. Комсомольцев тепло встретила молодежь из различных предприятий города» [17, с. 4].

Подводя итоги, отметим, что фотоснимки из собрания Нижневартовского краеведческого музея, являются редкими историческими документами, обладающими уникальным информативным материалом и, вправде, могут служить достоверным источником при изучении традиционного судостроения.

Примечания

1. Ветюгова, Ю. С. Культура повседневности с 1920-х по 1940-е годы села Нижневартовского (выдержки из воспоминаний Пановой Т.С.) // Шатиловские чтения: материалы XIX краевед. конф. / МБУ «БИС»; ФГБОУ ВО «НВГУ»; сост. Ю. Г. Бочкова; отв. ред Я. Г. Солодкин. — Нижневартовск, 2022. — С. 49-54.

2. Вид Нижневартовской пристани. 1912 год. Автор Б.Н. Городков (НВФ-5318/10).

3. Вид на р. Колек-Еган (НВФ-1029/1).

4. Вид на здание лаборатории Центра научно-исследовательских и проектных работ (ЦНИПР) (НвКМ-7611/40).

5. Возле чума на берегу реки (НВФ-5030/3).

6. Дмитриев-Садовников, Г. М. Вёрсты и строки: Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 224 с.

7. Из воспоминаний Первухиной Веры Матвеевны. Диктофонная запись. 1996 г.

8. На плоту (НвКМ-7280/4).

9. Один из экскурсионных обласов у берега протоки лома реки Сабуна (НВФ-5430/49)

10. О работе врача Оносовой Галины Николаевны в Толькинском Красном Чуме (1933-1934 гг.) (НвКМ-6294).

11. Облас на реке Колёк-Еган (НВФ-1029/2).

12. Почтовый каюк на р. Иртыш у села Самаров (НвКМ-10463).

13. Поход к памятнику Зырянова в Вампугольск учеников 6 класса Ларьякской школы (НВФ-4062/9).

14. Работницы Нижневартовского молочного завода (НвКМ-8419).

15. Рыбаки Мегионской рыбартели имени Стаханова (НВФ-5078/1).

16. Семейная прогулка на лодке по Иртышу (ВХ-99/1).

17. Савраненко, Н. 1200 километров по Оби // Ленинское знамя. — 1974. — № 99 (393), 17 авг. — С. 4

18. Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1 / под общ. ред. А. В. О कोरोкова. — Москва: Институт Наследия, 2021. — 557 с.

19. Филин, П. А. Народное судостроение в России: энциклопед. словарь судов народной постройки / П. А. Филин, С. П. Курноскин. — Санкт-Петербург: Гангут, 2016. — 408 с.

20. Шатилов, М. Б. Ваховские остяки: этногр. очерки / М. Б. Шатилов; под ред. С. Пархимовича, [послел.: С. Г. Пархимович]. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — 285 с.

Поход к памятнику Антонина Зырянова в Вампугольск учеников 6 класса Ларьякской школы. 1957 г. НВФ-4062_9

Почтовый каяк на р. Иртыш, у села Самарово. 1909 г. НВКМ-10463_1

**Металлические подвески коренных народов Севера
в коллекции этнографии нижевартовского краеведческого
музея и аналогичные предметы в музеях Западной Сибири**

Подвески и украшения у коренного населения в Западной Сибири существовали с давних времен. Как свидетельствуют разные источники, подвески были популярны на территории Сибири с XIX века и выступали объектом торговли с коренными жителями. Металлические украшения разных форм прикрепляли на головные уборы, накосники, пояса, сумки.

Коллекция подвесок в фондах Нижневартовского краеведческого музея небольшая, насчитывает 34 предмета, но представлена разнообразными формами. Определить место бытования некоторых предметов не представляется возможным, так как отсутствует информация о владельцах предметов. Согласно имеющимся документам, датировка предметов на момент поступления приблизительно, фиксируется теми годами, когда вещь была приобретена сотрудниками музея. Основная часть рассматриваемых предметов коллекции атрибутирована, как «предмет этнографии, бытовавший у васюганско-ваховских ханты». В настоящей статье будет рассмотрена коллекция металлических подвесок и блях, использовавшихся в качестве украшений поясов, головных уборов и накосных украшений в сравнении с аналогичными предметами некоторых музеев Западной Сибири. В статье частично использовались материалы, опубликованные в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации.

Коллекция предметов этнографии в Нижневартовском краеведческом музее начала формироваться с 1978 года. Первые предметы данной коллекции зафиксированы в книгах поступлений в этом же году. На самом деле основная часть предметов быта и одежды была собрана в ранний период существования музея, создававшегося на базе школьного музея, возможно поэтому документов того периода о поступлении предметов в фонде сохранилось.

В числе первых предметов коллекции этнографии – пояса, богато украшенные бисером и металлическими подвесками из

латуни, бронзы или меди. Экспонаты, предположительно, были приобретены у васюгано-ваховских ханты, о чем свидетельствуют разные источники.

Пояса ваховских женщин имели большое количество металлических подвесок с зооморфными изображениями и геометрическими фигурками. Подвески к поясу прикреплялись на ровдужных ремешках с нанизанными крупными бусинами. [2, с. 100]. На Васюгане были популярны косники, украшенные подвесками в виде металлических бляшек [2, с. 101].

Рассматриваемые подвески и бляхи в основном имеют круглую или ромбовидную форму. Наиболее часто встречаются круглые подвески.

Круглая подвеска, внутри которой находится маленький круг, соединенный с внешним четырьмя перемычками, имеется на двух предметах (пояс НвКМ-161/4, подвеска НвКМ-10188). Легенды об использовании данных предметов отсутствуют. Подвеска в составе поступившей в 2022 году коллекции, со слов Дмитрия Васильевича Стремякова, была найдена случайно, недалеко от бывших юрт Ермаковских на территории Нижневартовского района. Похожий экспонат был зафиксирован в каталоге коллекции этнографии Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Данный предмет использовался в качестве украшения мужского пояса тундровых ненцев в конце XIX — начале XX веков [3, с. 181].

Практически одинаковые по размеру и материалу предметы поступили в фонды музея в 2001 году в составе археологической коллекции «Могильник Нижневартовский». Четыре предмета: НвКМ-3880/47, НвКМ-3880/46, НвКМ-3880/45, НвКМ-3880/44, атрибутированы, как «подвески бронзовые, предназначенные для подвешивания в качестве украшения». На одном из них сохранился фрагмент кожаной веревки.

Данный вид подвесок, по видимости, был очень распространен на территории Сибирского края. «Латунное украшение» часто упоминалось и в материалах У. Т. Сирелиуса [5, с. 272].

Похожая подвеска, как часть пояса, поступила в музей в 2019 году. Со слов дарителя, Яроша Сергея Ивановича, пояс был подарен ему представителями коренного населения Нижневартовского района. Подвеска отличается от вышеперечисленных

предметов большим размером (диаметр — 6,7 см) и наличием трех перемычек между кругами. Пояс бытовал у местного населения вплоть до 1980-х годов.

Подвеска круглой формы с крестом в центре — наиболее часто встречаемая на предметах музея. Такие подвески закреплены на поясах НвКМ-161/2, НвКМ-161/3, НвКМ-1824/10; подвески НвКМ-10193, НвКМ-10194 поступили как единичные предметы. Диаметр подвесок — до 7,5 см. На поясе НвКМ-1824/10 одна из подвесок с крестом имеет меньший размер — 4,5 см, в центре на стыке имеется равносторонний ромб. Подвеска с маленьким кругом внутри зафиксирована в материалах Сирелиуса. «Латунное украшение, в середине которого находится крест, было предназначено для пояса и наконечного украшения, куплено у женщины, которая с Ваха вышла замуж на Васюган» [5, с. 276].

Подвески с изображением звезд с пятью, шестью, восемью лучами также часто встречаются на этнографических предметах. Подвеска с 5 лучами закреплена на поясе НвКМ-161/3. Внешне напоминающий символ ушедшей советской эпохи, предмет не имеет особенностей, с внешней стороны украшен процарапанным зигзагообразным рисунком. Подвески с шестью лучами прикреплены к поясам НвКМ-161/3, НвКМ-161/4, один предмет принят как украшение к поясу НвКМ-10192. Подвеска с восемью лучами НвКМ-10191 была принята в составе подвесок в 2022 году, в фонде музея это единственный предмет с такой формой звезды.

Круглая подвеска с изображением человека нередко использовалась как часть украшения пояса. Подвеска полая внутри, в центре помещена антропоморфная фигурка. Человек держит в руках лук, лицевая поверхность детали покрыта гравировкой в виде мелких зигзагов. На поясе НвКМ-9335 находятся три похожих подвески, диаметр двух из них — 6,3 см, одного — 6 см. Подобные подвески были очень популярны на территории Сибирского края. В коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника имеется подобная подвеска ТМ-16408/27, которая использовалась для украшения одежды, поясов, упряжи [10].

Подвески круглой формы с зооморфным изображением собаки (волка), лошади и оленя использовались в качестве украше-

ний атрибутов одежды и головных уборов в конце XIX — начале XX вв. Например, хранящаяся в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике бронзовая литая подвеска с изображением собаки использовалась как украшение к женской ненецкой шапке ТМ-16409/3 [10], другой похожий предмет ТМ-16408/24 использовался для украшения одежды, поясов, оленьей упряжи. В фонде Нижневартовского краеведческого музея подобные подвески НвКМ-10195 (с изображением лошади), НвКМ-10196 (с изображением оленя) отличаются от них лишь рисунком: вместо зигзагообразного процарапанного узора нанесена штамповка в виде отходящих от центра лучей. Круглыми подвесками в основном украшены пояса.

Ромбовидные подвески встречаются на поясах НвКМ-161/2, НвКМ-1824/10, на накоснике НвКМ-1824/6-2. Некоторые экспонаты поступили в музей как единичные предметы, у которых отсутствует легенда. Самая распространенная — ромбовидная подвеска с антропоморфным изображением. Внутри подвеска полая, в центре помещена фигурка человека с поднятыми руками, ноги раздвинуты. Напротив головы человека с внешней стороны ромба сделан округлый выступ с отверстием в центре. В коллекции предметов Нижневартовского краеведческого музея подобная фигурка представлена подвесками НвКМ-1050/1, НвКМ-10190, связкой подвесок НвКМ-10187 и женским поясом НвКМ-1824/10. Похожая подвеска ТМ-16408/28 представлена в коллекции Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, которая в конце XIX века служила в качестве украшения женских сумок и одежды [10]. Такой предмет хранится и в Сургутском краеведческом музее в составе коллекции предметов этнографии. Фрагмент накосника СКМ КП-8526, датированный 1890–1910 гг., представляет собой шерстяную ткань с нашитыми подвесками из бусин, нанизанных на ровдужные ремешки, к концам прикреплены две металлические отливки, одна из них — ромб с антропоморфным изображением [10]. Все предметы выполнены из металла желтого цвета (латунь, бронза, медь).

Разновидностью ромбовидной подвески являются украшения с зубчатой выемкой по периметру с внешней стороны. В качестве примера можно привести украшение НвКМ-10189. Похожий предмет представлен в коллекции Тобольского музея мед-

ной подвеской ТМ-16408/49, которая служила украшением женских сумок, одежды, головных уборов [10]. В материалах Сирелиуса У. Т. указывается, что подобные латунные украшения встречались в косах женщин [5, с. 277] и использовались в нагрудных украшениях [5, с. 284].

К накоснику НвКМ-1824/6-2 прикреплена ромбовидная подвеска, внутри которой параллельно боковым сторонам расположены перемычки, делящие ромб на четыре равных части. Ромб с крестом внутри поступил, как подвеска к поясу, в начале 2022 года. Украшенный треугольными зубчиками, он является единственным подобным предметом в коллекции. К сожалению, предмет не атрибутирован, т. к. актов приема с данными о дарителе не сохранилось. Подобный предмет под номером ЯРМ-16 с небольшими выступами в виде раковин с внешней стороны хранится в Ямальском районном музее в составе коллекции археологии. Предмет ЯРМ-16 датирован XIX веком и определяется как подвеска-украшение для женской шапки [10].

Следующий вид ромбовидных подвесок, наиболее широко использовавшихся в регионе, представляет собой пластинку ромбовидной формы, на месте одного из углов которой — глубокая треугольная выемка, поверхность пластины покрыта сквозными отверстиями. В коллекции предметов этнографии Нижневартовского краеведческого музея на головном уборе НвКМ-1824/13 прикреплено три похожих предмета, на конце двух из них есть кольца для подвешивания других подвесок меньшего размера. Документов о приеме предметов в музей не сохранилось, предположительно это шапка-капор, бытовавшая у лесных ненцев в Нижневартовском районе. Подобный предмет поступил в фонды музея в 2022 году. На данной подвеске на концах прикреплены два небольших ромбовидных изделия с четырьмя сквозными отверстиями.

Аналогичный экспонат имеется в Тобольском историко-архитектурном музее и Музее Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск). Подвеска ХМ-10482/2 бытовала в деревне Яны-Пауль, селе Няксимволь Берёзовского района в начале XX века [10]. Шапка-капор ХМ-8568 с латунными подвесками, одна из которых указанной формы, бытовала в деревне Юильск Белоярского района [10].

Фигурные подвески в коллекции Нижневартовского краеведческого музея отличаются разнообразием форм и размеров. Одна из них представляет собой пластину овальной формы, по периметру которой отлиты девять округлых выступов. В каждом сделано по одному отверстию, десятый выступ соединен с ушком. Внутри подвеска имеет четыре овальных отверстия, в центре – круглое. Лицевая сторона подвески украшена гравировкой в виде мелких зигзагов (НвКМ-1824/10). Похожий предмет хранится в фондах Тобольского музея-заповедника. Предмет ТМ-16408/46 датирован концом XIX века, единственное отличие — вместо круга в центре выемка круглой формы [10].

Фигурная подвеска в форме симметричного листочка с заостренным верхом и закругленным основанием, внутри которого имеются четыре овальных отверстия, в центре отверстие в форме ромба. Одна подвеска поступила в 2001 году в составе археологической коллекции «Могильник Нижневартовский», вторая прикреплена к поясу НвКМ-161/2. К концу наконечника НвКМ-1824/6-1 пришиты две одинаковых фигурных подвески, внутри которого имеется отверстие в виде ромба, двух кругов и стилизованного изображения сердца.

Округлые накладки на украшениях встречаются у всех групп хантов и манси. Литые бляхи часто находят в ходе проведения археологических работ. В частности, в коллекцию археологии Нижневартовского краеведческого музея в 2001 году поступили четыре литых подвески.

Материалы, полученные при раскопках поздних салымских захоронений, содержат четыре фрагмента поясов. Судя по антропологической характеристике, составленной В. А. Дрёмовым, и по сопроводительному инвентарю, включающему напёрсток, ножницы, бисер, все пояса — женские. Они украшены оловянными отливками, подвесками, прикреплёнными на шнурке, пуговицами и лентой из нанизанного бисера [8, с. 238]. Ромбовидное ажурное украшение, подвеска в виде заключенной в круг восьмиконечной звезды, украшение в виде шестиконечной звезды, заключенной в круг, подвеска с профильным изображением лыжника с заплечной ношей и луком в вытянутой руке были обнаружены в ненецких захоронениях в районе зимнего

стойбища Н. Вандымова р. Лямин Сургутского района [7, с. 239].

Предположительно, «ромбики и «звездочки» — это подвески, крепившиеся к упряжи на шее оленя, а круглая накладка с изображением человека украшала пояс передового оленя. По мнению информатора А. С. Сопочиной, предметы, найденные на стойбище, могли остаться от принесенных в жертву и оставленных рядом с могилой оленей [7, с. 241].

Подвески в коллекции предметов Нижневартовского краеведческого музея разнообразные и по форме, и по размеру. Помимо единичных предметов металлические бляхи прикреплены к поясам, головным уборам, накосным украшениям.

Наиболее распространенный предмет, на котором встречается большое количество подвесок, это пояс. Из шести поясов, украшенных бляхами, четыре — женских, один — мужской, один — шаманский. Количество металлических отливок на предметах варьируется от трех до семи. Наиболее интересным является шаманский пояс. Помимо двенадцати подвесок на предмет прибито девятнадцать пуговиц, несколько пуговиц утрачено.

Традиция богато украшать пояса у коренного населения Сибири, как указывается в книге А. В. Головнева «Говорящие культуры», уходит корнями «в героическую эпоху, воспеваемую в преданиях, когда пояс действительно был одним из главных доспехов воинов» [1, с. 285]. Пояса женские мало чем отличались от мужских; лишь иногда намечалась попытка несколько украсить кожаный или матерчатый пояс каким-либо металлическим литьем или цветными нашивками из материи [9, с. 116].

Пояс южной группы хантов, украшался с помощью бисерных нитей и прикрепленных к ним круглых отливок [4, с. 31], у восточных хантов к концам широких бисерных лент прикреплялись ажурные металлические подвески [4, с. 57].

Какой-либо закономерности в использовании тех или иных видов подвесок на мужских и женских предметах не прослеживается. Так большие круглые и ромбовидные подвески украшают мужской, шаманский и женские пояса.

Значительно реже крупные подвески встречаются на накосниках. Металлические отливки, на предметах имеют различную форму: в виде фигурного листочка, решетчатых ромбов, кругов с

разным количеством лучей. Как отмечается в монографии Рындиной О. М., разные формы подвесок характерны для восточной группы ханты [4, С. 61], тогда как «декоративным завершением ложных кос у южной группы хантов служили круглые подвески на коротких бисерных нитях» [4, С. 33].

Шапка-капор — единственный головной убор в фондах Нижневартковского краеведческого музея, украшенный подвесками. К нижнему краю предмета пришиты три одинаковых отливки и колокольчик. Следует отметить, что, по мнению О. М. Рындиной, использование капора «мил» в качестве женского головного убора у восточных хантов, в частности на Агане, следует рассматривать как явление исключительное». Со слов Ольги Михайловны, прикрепленные к наплечной части капора с помощью цепочек или бечевки литые подвески имели не только эстетическое, но и функциональное значение — придание капору устойчивости при ношении [4, с. 33].

Нагрудные украшения восточной группы, к которой относятся васюгано-ваховские ханты, редко украшались подвесками. Автором книги «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» зафиксированы нагрудные украшения «с бисерными кистями с металлическими подвесками на концах» у васюганских ханты. [4, с. 62]. В коллекции этнографии Нижневартковского краеведческого музея подобных предметов на данный момент нет.

Металлические подвески в качестве украшения одежды и аксессуаров использовались в Западной Сибири с древних времен. Когда точно в этих краях появились литые бляхи, установить очень сложно. «Старый человек сказал, что оно [металлическое украшение] было изготовлено ещё в те времена, когда царь не завоевал Сибирь» [5, с. 33].

Традицию изготовления ненецких мужских поясов, украшенных медными бляхами, Л. В. Хомич возводит к древнетюркским элементам в культуре этноса, занесенным на север южно-самодийскими предками. Сходные, т. е. тюркские истоки, связанные с угорским субстратом, видит в металлических накладках на кожаных поясах манси Е. Г. Федорова. Согласно данным А. А. Дунина-Горкавича, самоеды Тобольской губернии заказывали металлические отливки с изображением человека, натягивающего лук, и всадника, а также птицы и уголков-сердечек с квадратны-

ми и круглыми отверстиями и фигурными подвесками на концах [4, С. 446].

Как указывается в монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», «медные литые подвески изготовляли в мастерских Степанова в г. Тобольске и Михайленко в г. Березове, часто по самодийским образцам. Отливки представляли собой изображения птиц, антропоморфные фигурки в ромбической оправе, уголки с отверстиями и фигурными подвесками на концах» [4, с. 436].

Основная часть металлических подвесок Нижневартковского краеведческого музея датируется первой половиной XX века. Возможно, они были изготовлены раньше, в конце XIX — начале XX вв. Нередко украшения, аксессуары и предметы рукоделия переходили от матери к дочери по наследству. К примеру, З. П. Соколова отмечает, что в одной из мансийских селений к мешку для рукоделия было закреплено бронзовое украшение, доставшееся хозяйке от бабушки: «Когда-то бабка нашла эту вещь в осыпи берега, наверно в разрушенной древней могиле, и с тех пор ее передают по наследству». [6, с. 68].

Подводя итог, необходимо отметить, что металлические подвески, бытовавшие у обских угров, имеют местную основу возникновения. В музеях Западной Сибири, упомянутых в настоящей статье, предметы этнографических коллекций, приобретенных у представителей народов крайнего севера, как правило, мало чем отличаются друг от друга. Так, предметы из коллекции подвесок Нижневартковского краеведческого музея, в большинстве своем, аналогичны образцам подвесок из коллекций других музеев, но часть из них отличается размером или методом нанесения рисунка. Особенность нижневартковской коллекции состоит в том, что она отображает материальную и духовную культуру ваховских ханты.

Примечания

1. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 608 с.

2. Кулемзин, В. М. Васюгано-Ваховские ханты в конце XIX – начале XX веков (этнографические очерки) / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. — Томск: Томского гос.ун-та, 1977. — 224 с.
3. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / отв. ред. Н. А. Томилов — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 228 с.
4. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Рындина О. М. Орнамент. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. — 640 с.
5. Сирелиус, У. Т. Путешествие к хантам / перевод с нем. и публикации д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. — 344 с.
6. Соколова, З. П. Путешествие в Югру. — Москва: Мысль, 1982. — 173 с.
7. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. Вып. 2. / отв. ред. Я. А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — 548 с.
8. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе / О. М. Рындина, А. И. Боброва, Ю. И. Ожередов. — Томск: Изд-во Томского университета, 2008. — 412 с.
9. Шатилов, М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки / М. Б. Шатилов; под ред. С. Г. Пархимовича. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — 288 с.
10. Госкаталог РФ: [сайт] — URL [https://goskatalog.ru/portal/#/ collections?museumids=1084](https://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumids=1084) (дата обращения: 27.08.2025)

**VI. 80 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

**Жизнь, отданная Северу
(к 100-летию со дня рождения
ветерана Великой Отечественной войны Д. В. Шлябина)**

Твёрдо убеждена, что человека определяет не только генетический код, заложенный в нём природой, но и воспитание, идущее от семейных традиций, от памяти о предках, гордости за них и за свой край. Оттого и рассказ об отце начну с его родителей. Корни нашего отца, Дмитрия Васильевича Шлябина, с Волги. Кто знает, не случись Великая Отечественная война, увидел бы он родную реку предков. Город Выкса, тогда ещё Горьковской области, где он экстерном проходил обучение перенесённом туда на период войны Московском мотоциклетном училище, был основан на расстоянии немногим более трёхсот километров от великой русской реки. Там, увидев её впервые, он был поражён спокойным величием и вечной бесконечностью её медленных вод в отличие от быстроты искрящихся говорливых рек родного для него Алтая.

Его мать, а наша бабушка, урождённая Бардина Акулина Никитична, 1878 года рождения, была яркой представительницей народности эрзя. Эрзя — древний финский этнос, описанный ещё Геродотом, ставший центром России, согласно последним изысканиям генетиков, сформировавший русскую нацию. Бабушка в полной мере соответствовала образу женщины свободолюбивого и не знавшего крепостного права волжского этноса. Белолицая и голубоглазая эрзянка, крупная и статная, на полголовы выше нашего деда Василия, обладавшая полноправной властью в большой семье, она словно была срисована со знаменитой бабушки-волжанки Максима Горького. Абсолютно безграмотная, как и без малого 80% тогдашнего населения имперской России, из семьи потомственных крестьян-хлеборобов Саратовской губернии, она обладала живым умом, спокойным властным характером и необыкновенной для женщины физической силой. Без особых усилий закидывала на плечо девятипудовый мешок с зерном. По современным меркам это непостижимо — редкий мужчина осилит такой вес. Мы, её внуки, прошедшие сибирскую школу физической и трудовой закалки,

прекрасно понимали важность силы и здоровья. Поэтому и бабушкин брат Алексей Никитович живёт в нашей памяти благодаря своей необычной силе. Двоюродный же брат бабушки, Иван Павлович Бардин, восьмилетним ребёнком во время эпидемии холеры 1891 года потеряет всех братьев и сестёр. Как и наша бабушка, он навсегда покинет родную Саратовскую губернию. Станет выдающимся учёным-металлургом (Кузбасс — дело его рук и ума), академиком АН СССР, Героем Социалистического Труда. Даже Сталин с ним считался.

Сильный характер и недюжинную физическую силу наш отец унаследовал именно от рода Бардиных. Хотя и дед наш, Василий Акимович Шлябин, 1880 года рождения, был не из слабых, но его помнили мягким, добрым и очень живым. Дедушка был гармонистом. Папе от него, кроме живого характера и способности к живописи, достался прекрасный музыкальный слух — он безошибочно воспроизводил и на слух, и по нотам любую мелодию. В наших, по послевоенному бедных сибирских избах, но не голодных, где бы мы ни жили, на стенах висели гармонь, мандолина, гитара, скрипка, балалайка, баян. Отец прекрасно играл на всех инструментах, но абсолютно профессионально, по мнению специалистов, в его руках звучали гитара и мандолина. Даже со сцены мегионского клуба уже в сорок лет в дуэте с профессионалом-гитаристом Иваном Рустейко он выступал с мандолиной.

В 1900 году, на рубеже веков, до Столыпинской реформы с её массовым переселением крестьян за Урал было ещё далеко. Но уже тогда имперское правительство, напуганное крестьянскими волнениями, идёт на полумеры и подачки крестьянству, которое составляет 4/5 населения страны. Одной из таких полумер было переселение в Западную Сибирь наших предков в числе голодавших крестьян Поволжья, кроме ясака, обложенных ещё непомерным налогом на землю и прочими повинностями. Согласно правительственной установке к переселению в Сибирь отбирали самые сильные и здоровые семьи. Получив, как и другие переселенцы, из казны Николая Второго ссуду в сумме 200 руб., с рассрочкой на 55,5 лет, наши дед и прадед Шлябины, жившие одной большой неразделённой семьёй, отправились обживать далёкую Сибирь.

Дорога была долгой. С берегов Волги шли своим ходом, рядом двигались подводы с вещами, стариками и детьми. Крестьяне покидали родину в тёплое время года, когда можно было отдыхать в зелёном поле и содержать лошадей на подножном корму. Я всегда задавалась вопросом: «*Что же они, сами, бедные, ели?*» Ответа пока не нашла — одни предположения... Большинство переселенцев прибывало на место водворения с мая по сентябрь-октябрь. Чаше шли довольно крупными партиями, по 40-50 семейств, за сутки проходили в среднем по 35-40 км. Большинство переселенцев оседало в Западной Сибири, где основным районом их водворения был Алтай с более благоприятными почвенно-климатическими условиями.

Разрушив и разворовав Советский Союз, уже четвёртый десяток лет в РФ заинтересованные лица насаждают миф об «*Имперской России, которую мы потеряли*». Якобы при царе все были накормлены, выучены и счастливы. Но пришли «*кровавые большевики*» и разрушили счастливую жизнь. Факты о том, что Романовы сами привели Россию к катастрофе 1917 года, предпочитают не озвучивать. Как и то, что Февральская революция и разрушение царской России — дело рук российской элиты, включая представителей дома Романовых, Думы и ведущих политических партий. Скрывают и тот факт, что большевики в ходе войны с интервентами спасли Россию от неминуемой гибели и захвата её территорий другими государствами. Послушали бы родителей отца, от «*богатства*» с Волги бежавших в Сибирь, которая, по сути, была местом ссылки и каторги. Только с 1863 по 1897 годы в Сибирь было сослано 425,5 тысяч человек [6, с. 115]. При той численности населения — это большие цифры. Единственное «богатство», которое везли с собою в далёкую Сибирь наши предки, обутое в лапти и в холщовых штанах с рубахами, — ткацкий станок и деревянная ступа для табака. К слову сказать, дедушка бросил курить в шестьдесят лет, перед самой войной, наш отец, закуривший на войне, бросил папиросы в тридцать два года. Взяли с собой в дорогу и реальную ценность — лошадь породы брабансон — древнейшую породу тягеловозов. В 1891 году Бельгия экспортировала жеребцов этой породы в государственные конюшни России. Там наши предки и купили породистого жеребёнка. Европейская порода оказала

влияние и на развитие тяжеловозного коневодства в советской России. В 1930-е годы, в СССР, в коневодстве порода брабансон была установлена пригодной в качестве метизирующей [1]. В 1940 году Государственный племенной коневодческий рассадник Наркомзема СССР по породе брабансон размещался, в том числе, и в двух пунктах Поволжья. В наше время высота в холке брабансона составляет 160-170 см, встречаются особи 190 см в холке и выше. Вес такой лошадки от 800 до 1000 кг, зарегистрированы и более высокие показатели веса [3]. После озвучивания этих цифр восхищение отца всю жизнь брабансоном становится понятным не только нам, его детям.

Наши предки на Алтае, в то время в составе Томской губернии, очутились не сразу. Вначале попали в киргизские степи, где дед Василий Акимович два года работал по найму. А в 1902 году его семья в числе пяти других в указанном властями Турочакском уезде Томской губернии основала деревню Титлу на одной из речек. Крестьянская сноровка и умение делать любую работу высоко ценились нашими родителями и прививались нам, как никогда, помогли нашим предкам. Сначала бабушка и его отец Аким Андреевич изготавливали на продажу в чернозёмные степи под Бийском (от Сайдыпа до Бийска земля черная, как сажа) осинового корыта и лопаты. За их воз степняки предлагали воз зерна. Из берёзы гнали дёготь. Посеяли хлеб и лён. Дед Василий Акимович тачал на заказ сапоги. А когда нашёл известковый камень, стали жечь известь, также ставшую предметом торговли. В стране не хватало изделий фабрично-заводского производства, поэтому промысловая и кустарная продукция семьи пользовались большим спросом.

Рост торговой специализации в деревне способствовал расслоению крестьянства. В 1902 году наш дед нашёл три дуплянки диких пчёл, с их разведения и продажи мёда начался расцвет семейного благополучия. К 1929 году в хозяйстве большой семьи уже насчитывалось 5 коров, 6 лошадей, 6-7 десятков овец, 75 ульев и 75 колод пчёл. Поставил дед и сруб из лиственницы, начерно, в лесу. Площадь пахотных земель, отвоёванных семьёй у тайги подсечно-огневым методом, составляла 36 десятин (десятина равна 1,09 гектара). Первое освоенное поле было огромным, второй участок в 6 десятин, разработанный позже, одно-

сельчане назвали Шлябинским Собольком. С началом коллективизации деда хотя и записали в середняки, но конфисковали почти всё. От большой пасеки оставили 10 ульев пчёл. Лиственный сруб так и будет стоять в лесу, несмотря на большую численность семьи. Кроме своих детей, наша бабушка Акулина воспитала четыре младших сестры и брата своего мужа, рано оставшихся без матери. Дети были от второго брака нашего прадеда Акима Андреевича, в 60 лет взявшего в жёны 18-19-летнюю девушку. Они были совсем детьми, когда случилась беда и с их отцом — Акима Андреевича парализовало. Дедушкин брат Андрей Акимович Шлябин (1910 г.р.) в декабре 1942 года пропал без вести на войне. Наша бабушка с дедом и его детей растили. Дети дедушкиной сестры Анны Акимовны Сухочевой, потерявшей мужа на войне, также выросли у них.

Наш отец, родившийся 15 марта 1925 года в деревне, основанной его родителями, и с 5 лет привлечённый к работе, в свои 7 никак не мог понять, почему забрали лошадей, которых он так любил, коров, пасеку и прочее... И, не заглушённая ничем обида на несправедливость и царской, и советской властей по отношению к крестьянам, всю жизнь жгла его душу. Изнуряющий физический труд, его слабая механизация, отсутствие комфортных бытовых условий, социальных и развлекательных услуг в деревне и, как следствие всего — самая короткая продолжительность жизни — безотрадная картина крестьянской доли. При этом крестьянство всегда оставалось пасынком у всех правителей своей Отчизны, народ которой кормило. Единственный, кто повернулся лицом к крестьянам, был Георгий Маленков, на короткое время ставший у руля Страны Советов. Но, на их беду, не суждено ему было править страной — Никита Хрущёв отодвинул.

Наш отец был двенадцатым ребёнком у матери, прожившей 100 лет (умерла она в 1978 году), но не последним. Рожала бабушка и после него. Однако эпидемии, отсутствие антибиотиков и прививок одного за другим уносили её детей. Выжило пятеро сильнейших. Среди них старшая сестра отца, Екатерина Васильевна Мокрецова, умершая 11 сентября 2020 года в возрасте 101 года.

В 5-м и 7-м классах отец учился в селе Озере Курееве Турочакского района, в 25 км от дома. Жили в общежитиях — первом

прототипе интернатов. По выходным с другими ребятами пешком или на лыжах ходили домой. Дорога была не из лёгких — приходилось преодолевать три крутых горы. Но, несмотря на это, шли очень быстро: отстанешь ото всех — потом не догонишь. Выходили из Озера Куреева после пятого урока и ещё успевали до наступления ночи помыться в бане. Позже эти тренировки очень пригодились отцу в армии. Дома на неделю-две запасались продуктами, которые тащили со старшим братом Иваном на себе. С братом жили в одной комнате общежития, готовить он не любил и на правах старшего возложил эту обязанность на младшего. Отец учился всему. В 1956 году, когда мы жили на притоке Ваха Колек-Ёгане, а наша мама — ветеринар и зоотехник, проводившая бонитировку оленьих стад на Агане, задержалась там на три месяца, он сам пёк хлеб. Научился у своей матери, непревзойдённой мастерицы в этом деле. Хлеб выпекал в виде больших лепёшек — не было форм. Наш сосед Фёдор Казаринов отправлял свою жену Галю на учёбу к отцу. В 1970-е годы, уже в Мегионе, родители устраивали шуточные соревнования, кто лучший пирог с нельмой спечёт.

В 1941 году отец пошёл в 8-й класс. В школу ходил с другом Васькой Сухочевым (за 35 км от родной деревни) в село Дмитриевка Турочакского района. На выходной бегали домой на лыжах. Когда же с фронта вернулся старший брат папы Егор Васильевич, комиссованный по ранению и тут же назначенный председателем колхоза, пошли с другом проситься на фронт. Военком предложил восьмиклассникам работу на шахтах Кузбасса. Друзья отказались — оба рвались на фронт. Написали с Васькой заявления в лётное училище с последующей отправкой на фронт. Высоту отец не любил, но по-мальчишески очень хотел долбить фашистов именно с неба. Чтобы наверняка, без промаха — за всех убитых родственников и односельчан! А пока в ожидании фронта 16-17-летним парнишкой ухаживал за табуном лошадей в 30 голов, в их числе за десятком лучших, отобранных в фонд РККА и помеченных биркой в ухе. До самой смерти он помнил чувство ужаса за утрату красноармейских коней, когда ночью на пастбище пришёл медведь. К счастью, умные лошади не дали себя запугать — не понеслись врассыпную, переломав ноги на каменных спусках и став добычей медведя... Когда же пришла

разрядка в военные училища, авиационного в списке не оказалось. Вместо него 4 января 1943 года 17-летнего отца направили в автомобильно-мотоциклетное училище в г. Орджоникидзеграде, которое окончил экстерном за полгода. А когда пришла похоронка на любимого брата Ивана, убитого под Смоленском 4 марта 1943 года, отец из училища запросился на фронт: трижды писал заявления — не пустили. Московское мотоциклетное в городе Выкса Горьковской области, как и Пушкинское танковое училище, эвакуированное из Ленинградской области в город Рыбинск Ярославской области, он также окончил экстерном. Учился отец всегда хорошо. В Орджоникидзеграде прошёл карантин. Вместо курса молодого бойца — трёхдневное обучение нескольких человек, отобранных комбатом — майором Старцевым. Здесь отцу присвоили звание сержанта и назначили командовать отделением. И в двух других училищах его неизменно назначали командиром отделения курсантов.

В Рыбинске готовили командиров танков Т-34 (три батальона) и специалистов по их ремонту (один батальон). Каждый батальон вывозили на месяц на полигон училища между деревнями Почестновики и Малое Андрейково. Срок обучения в училище составлял один год. Однако уже через полгода учёбы экстерном отец был направлен на фронт. Но перед этим он получил предписание съездить в Нижний Тагил за танками для взвода, в котором ему предстояло быть командиром. Воевал на 1-м Ленинградском фронте, затем на 1-м Прибалтийском в составе 10-й гвардейской Городокской Краснознамённой ордена Суворова отдельной танковой бригады. Фронтом с 20 ноября 1943 года по 24 февраля 1945 года, когда он был упряднён, командовал талантливый полководец Иван Христофорович Баграмян. Бригада за высокие героические заслуги получила почётные наименования «гвардейская» и «Городокская» и была удостоена двух орденов. В виду её особых заслуг и задачи перед нею ставили особые — под командованием вначале подполковника, а с 25 апреля 1944 года уже полковника, Николая Владимировича Волкова, бросали на прорыв. Отец принимал участие в последних боевых действиях по разгрому Курляндской группировки немецко-фашистских войск (около 33-х дивизий) группы армии «Север», блокировавшихся на Курляндском полуострове в ходе Мемель-

ской и Рижской операций. В освобождении Литвы и Латвии участвовал в звании младшего лейтенанта, в должности командира танкового взвода, затем был назначен командиром роты. В одном из боёв его танк подорвался на mine. Больше всех пострадал механик-водитель, отец получил контузию и осколочное ранение ноги, но этот факт всегда скрывал.

Послевоенная и последующая история страны с поиском полезных ископаемых, с научными изысканиями в разных областях хозяйства, многочисленными стройками, в том числе и ГУЛАГом, плотинами и фабриками, как в зеркале, отразилась в жизни нашей семьи, главным лицом которой всегда был отец. После войны он продолжил военную службу в Прибалтике, затем получил направление в БССР, в военный городок под Минском Марьина-Горка. Как офицер был определён на постой к местным жителям. С первого взгляда влюбился в высокую, с зелёными, на редкость лучистыми глазами, дочь хозяина-фронтовика Веру Линник, недавно вернувшуюся из фашистских концлагерей. В 1947 г. поженились. А в 1950 году, уже имея двоих детей, в том числе девятимесячную меня, отец решил вернуться в Алтайский край. Родина встретила отсутствием работы — а в колхоз идти родители не собирались. «Махнули» в Кузедеевский район Кемеровской области, на станцию Подкатунь, и далее — до Опытной агротехнической станции по разведению новых пород пчёл от Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Агростанция, согласно своему статусу, располагалась вдали от населённых пунктов на лоне природы. Жили в уникальном и очень красивом месте — в центре природной липовой полосы, сохранившейся после ледникового периода и тянувшейся на сотни километров с севера на юг. Её штат был небольшой, человек 5-6. Руководил агростанцией Полухин. Отец — потомственный пчеловод. Мама же, имевшая два сельскохозяйственных образования, работала по специальности. Здесь же трудился и муж папиной сестры Екатерины Васильевны — Александр Григорьевич Мокрецов, имевший за плечами курсы пчеловодов и большой опыт работы, а также научные сотрудники Коптев и Волокитин. Забавный очкарик Владимир Сергеевич Коптев станет известным учёным-пчеловодом, первым в истории страны начавшим скрещивание пчеломаток и до-

казавшим, что в условиях Сибири можно содержать пчёл с использованием естественного снежного покрова. Впрочем, наш дед-пчеловод использовал этот метод задолго до учёного. Летом на агростанцию наезжали учёные из Москвы. И хотя работа была интересной, но жить в отсутствии даже признаков самых скромных благ цивилизации родители долго не смогли. Боялись за маленьких детей. Через полтора года пасеку — предмет научных изысканий — пришлось покинуть.

Переехали в Кузедеевский (ныне Таштагольский) район Кемеровской же области, где отца направили в бывший рудник золотоискателей 11-й Каз. Тамон, работая забойщиком в шахте, искал уже не золото, а спутник его — урановую руду. Сильный и выносливый, здесь отец менее чем за два года, выполнил план пятилетки и работал в счёт второй. Его портрет не сходил с Доски почёта. Зарабатывая очень большие деньги (от 5 до 7 тысяч рублей — до денежной реформы 1961 года), домой приносил в основном облигации государственного займа. Послевоенная страна требовала восстановления. Разведчики недр не привязаны к одной территории. Урановую руду не нашли — разведку на Казе свернули. Через два года из 11-го Каза, где в марте 1952 года родился младший сын Дима, родители уезжали с чемоданом, набитым облигациями.

Отцу пришлось поменять и специфику работы, и место проживания. Населённые пункты Кемеровской области сменили селения Томской. Открывателю красивых мест, отцу и самому не сиделось долго на одном месте. Рядом с Могочино Молчановского района, на абсолютно чистом месте, прозванном Новостройкой, наши родители несколько месяцев строили спичечную фабрику. Этот объект помнится горьким для меня событием. Там мою шикарную куклу — не резиновую, не тряпичную и не целлулоидную, а настоящую — из прессованных опилок, не с нарисованными, а с «настоящими» волосами из вискозы, присланную маминими сёстрами из Минска, ждал ужасный конец. Несмотря на мои протесты, хозяйская дочка Лиля решила её испечь...

Летом 1953 года после завершения строительных работ на фабрике мы уже жили в селе Могочино (бывшие селькупские юрты) на правом берегу Оби. Кажется, искали целебные воды.

Потом было Тискино, которое сменили Леботёры. Колесили с Новосибирской гидроэкспедицией. Мама часто вспоминала, что в составе гидроэкспедиции на буровых вышках, проживая в селе Коломино Томской области, папа работал на строительстве плотины через левый приток Оби. Там зарплату платить не спешили, и мама, сидевшая с тремя детьми дома, меняла свои вышивки на мясо, а справедливости ради надо уточнить — на кости с мясом. Те годы по праву считаются «золотым веком» гидроэнергетики в нашей стране. Наряду с некрупными, небольшой мощности для обслуживания электроэнергией нескольких населённых пунктов в сельских районах строились крупнейшие гидроэлектростанции — чемпионы по мощности в Европе и мире. После прокладки в 1970-е годы магистральных линий электропередачи малые гидроэлектростанции были выведены из эксплуатации, а оборудование демонтировано. Остатки строений в нескольких местах Томской области сохранились до наших дней.

Через год, по окончании работ на плотине, кто-то посоветовал родителям деревню Саровку в бассейне Оби, в Колпашевском районе всё той же области. Сюда, в одно из мест депортации немцев Поволжья, родители и переехали. Ныне село Большая Саровка и есть та самая большая деревня Саровка, в которой мы когда-то жили. Уже более 80-ти лет со дня депортации поволжских немцев, историки спорят о том, была ли депортация 1941 года необходимой. Большинство сходится во мнении, что мера была излишней. *«Тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов»* среди советских немцев, о которых говорили в ту пору в руководстве СССР, не выявили. Известно, что поводом для депортации поволжских немцев послужила шифровка командования Южного фронта от 3 августа 1941 года Сталину и Будённому с текстом о *«тёплом приёме, оказанном немецким населением на Украине фашистским войскам»*. Резолюция Сталина была короткой: *«Надо выселить с треском!»* Но обрусевшие немцы, со времён Екатерины Второй заселявшие берега Волги, были абсолютно другими. Наши бабушка и дед, жившие в большой интернациональной деревне, один край которой заселяли немцы, так и не взяли в толк, за что же столько хороших людей, к тому же ещё до революции фактически живших коммуной, сослали в Сибирь.

Вначале в Саровке, за неимением другой работы, родители-устроились на лесоучасток от Колпашевского леспромхоза. Шёл 1954-й год. Здесь, в зоне вековой тайги, депортированные немцы, эстонцы и прочие «враги народа» валили строевой лес. Отец с матерью работали в паре, деревья пилили двуручной пилой, прозванной ссыльными с горькой иронией Р-2 — две ручки. Строевые лесины на лошадях свозили к притокам Оби, а оттуда — плотгоны, увязав их вицами в плоты, сплавляли на стройки ещё не упразднённого ГУЛАГа. Как и спецпереселенцы, родители из отходов и некондиции заготавливали также швырок — топливо для пароходов. Потребности в нём были большие. Главный транспорт Сибири тех лет — речные суда. Затем отец работал кузнецом и плотником всё в том же леспромхозе.

Обладая лучшими моральными качествами, присущими сибирякам, он ни одного человека не оставил в беде, никому не отказал в помощи или в деньгах. Часто говорил, если бы собрать все деньги, которые он раздал людям, можно было бы купить машину. Так оно и было: однажды он дал займы мегионцу деньги на покупку коровы, но назад их не получил. Деньги и комфорт отец не особо ценил, считал, что есть вещи поважнее, но порядок и чистоту любил. И когда, спустя несколько лет, тот же самый сосед, попав в критическую ситуацию, снова пришёл к нему и начал униженно просить денег, он ему их дал со словами: «Вот видишь, не я к тебе пришёл просить, а ты ко мне снова приполз». Большой поборник справедливости, отец не боялся сказать правду или заступиться за невинного человека, независимо от его социального положения. И в Саровке он не отступил

от своих моральных норм. Общение с депортированными немцами было запрещено законом военного времени, и его ещё никто не отменил. Даже позже, в 1957 году, когда была восстановлена национальная автономия депортированных народов, упразднённая в годы войны, Хрущёв дал право вернуться на родину всем, кроме поволжских немцев. Рассеявшись по стране, они навсегда утратили свою родину на Волге и со временем родной немецкий язык. Наши родители по отношению к «*русским*» немцам были едины. Меня, уже пятилетнюю, отпустили играть в «соседскую» семью к девочке Кате, с которой я подружилась. Я страшно удивлялась хмурым лицам её родных (в нашем доме всегда звучали смех, музыка и песни) и непонятному языку, на котором они говорили. Но более всего поражала мама, приходившая забрать меня или по другим делам. Она не просто понимала соседей, но и сама говорила на их совершенно непонятном мне тарабарском языке...

В середине зимы 1954-55 года наш отец заступился за немца — работника лесоучастка, очень сильно поругавшись с управляющим Колпашевским леспромхозом. Но доказать тому ничего не смог. А поздно вечером в дверь нашей избы тихонько постучали. Вошёл работник леспромхоза — ссыльный немец: *«Дима, собирайте вещи! Дали команду тебя завтра отвезти в Томск, в НКВД. Тебе надо бежать, посадят. Бегите! Лошадей мы вам найдём»*. Перспектива остаться маме одной с тремя маленькими детьми и с клеймом «Была в плену в Германии» заставила родителей быстро собраться. Глубокой ночью на одни сани погрузили самые необходимые вещи, оставив половину нажитого. На другие поставили большой сундук, на его дно уложили перины, её обложили подушками и, усадив нас, накрыли одеялами. И морозной сибирской ночью бежали в неизвестность. Иногда родители открывали сундук — проверяли нас. Отец в полутьме управлял передней лошадей с более тяжёлым грузом. Мама гнала свою лошадь с нами следом за ним. Но на одном из крутых поворотов сани нашей лошади, попав одним полозом в сугроб, а другим в глубокую колею, завалились набок. К счастью, отец наблюдал, как мама преодолет крутой поворот. Сильный и ловкий, он в мгновение ока был возле наших саней. Мама, вылетев из саней, отлетела метра на три и очень сильно ударилась. Сун-

дук, привязанный к саням, перевернулся вместе с ними. Отец подставил плечо под него и, держа на себе большой вес, одной рукой поднимал кверху тяжёлые сани, другой дотянулся до вожжей и, управляя лошадьё, пытался вытащить сани из колеи. Лошадь дёргалась, сани долго не поддавались...

Мы, возбуждённые новым, почему-то ночным, переездом и необычным способом передвижения, не спали. И падение саней набок, кувыряясь вверх тормашками, встретили в полном восторге. Нас ещё трясло и бросало, а мы веселились, не зная, что нас держит недюжинная сила отца. Наконец-то толчки и движение прекратились, открылась крышка сундука, и взволнованные голоса родителей прозвучали одновременно: «*Дети! Вы не ушиблись?*» О том, что сани перевернулись, нам сказали только утром. Мы не ушиблись, а вот мама долго потом болела. Но никогда в своей жизни не упрекнула отца за то, что заступился за немца, за ночной рискованный побег от властей, за брошенные вещи и побитый бок. И он никогда ни о чём не пожалел.

Из Саровки мы двинулись на Север, где, как уверял папин новый друг, уток можно было бить веслом. На короткое время оказались в Новосибирске, ставшем в то время криминальной столицей Сибири после выпущенных на волю в числе депортированных также бандеровцев и воров с бандитами всех мастей. Здесь во время поездки в трамвае отец заметил, как вор «*срезает*» у женщины кошелёк. И только он протянул руку к вору, как другой, стоявший рядом с отцом, полоснул его опасной бритвой по лицу. Норовил попасть по глазу, но папа успел немного отдёрнуть лицо. Народ при виде крови зашумел, требуя вызова милиции. Несмотря на то, что кровь заливала лицо, отец схватил обоих воругов за шкурки, поднял вверх и с размаху, что есть силы, ударил друг о друга лбами, как когда-то его знаменитый своей силой дядька Алексей Никитович Бардин. Затем выкинул обоих в открывшуюся дверь трамвая — падали с грохотом. Думаю, он надолго, если не навсегда, отбил им любовь к чужим деньгам. А сам ещё долгие годы носил шрам, пересекавший лицо через висок, рядом с глазом до середины щеки, и придававшим его мужественному лицу ореол романтического героя Овода.

Тогда же, в 1955 году, партия и правительство СССР обратилось с призывом к народу поднять отсталое сельское хозяйство в восточных регионах страны. Вместо требуемых тридцати тысяч дипломированных специалистов — заявления подали сто тысяч. Наша мать прошла по конкурсу — имела два сельскохозяйственных образования. Наверно, поэтому и была направлена Тюменским сельхозуправлением на самый сложный участок: в Ларьякский (с 1962 года Нижневартовский) район поднимать отсталое многопрофильное сельское хозяйство среди ваховских хантов. Её резиденция — деревня Охтеурье на реке Вах. В ведении мамы три зверофермы, лошадиные стада, коровы, телята, сенокосы и огороды, в трёхстах километрах олени стада — всё в разных населённых пунктах. Из транспорта зимой лошадь, а летом лодка на гребях, которыми она управляла сама. Её подчинённые — ваховские ханты и депортированные *«друзья степей»* — калмыки. Многие из них плохо или вообще не говорили по-русски и были безграмотными. Вместо подписи ставили тамгу или рисовали ёлочку. Отца назначили руководить пилорамой, он всегда стоял на её верху, на особо трудном участке. Это было напряжённое время «холодной войны» с Америкой. Журналы и плакаты пестрели карикатурами на янки, все боялись новой войны. За претворение в жизнь главного сибирского лозунга тех лет *«Догнать и перегнать Америку по надою молока!»* наши родители боролись с полной отдачей сил. Неспроста через полгода маму назначат бригадиром животноводства и заместителем председателя колхоза. А в районной газете «Стахановец» появятся очерки о ней.

А ещё через полгода, летом 1956 года, её вместе с отцом, показавшими себя настоящими профессионалами и талантливыми организаторами, районные власти Ларьяка отправят строить новую деревню и создавать в ней филиал колхоза имени Мирюгина на северном притоке Ваха — реке Колек-Ёган (хант. *«Воронова река»*). Плыли туда три русских семьи на неводниках — больших дощатых лодках, ныне ушедших в небытие. На одной сами с собаками и вещами, на другой везли коров и телят. Высадились напротив крутого яра на пологом берегу, где русские семьи до самых морозов с малыми детьми жили в шалашах под пологими, спасавшими от комаров, но не от холода. Тогда же из деревни

Колек-Ёган с верховьев одноимённой реки, на брёвнах своих домов, увязанных в плоты, прибыли ханты — братья Игнат и Кирилл Кыкины со своими большими семьями. Женщины тут же установили чумы. Для колхоза прибыл скот из Колек-Ёгана: две коровы, бычок и две лошади. Через полгода деревня Озёрная в числе трёх русских домов с баней, построенных под руководством отца и с его участием, и двух хантыйских, собранных братьями Кыкиными из плотов, радовала глаз и душу её основателям.

Но место, выбранное ларьякскими властями, несмотря на защищённость от половодий крутым яром, оказалось непригодным для жизни людей и для развития колхоза. Болотистая местность изобиловала несметными стаями гнуса, не было пастбищ для выпаса скота, полей и лугов для разбивки огородов и сенокосов. Река была не судоходной, и зимнего сообщения на перекладных («верёвочки») ни с одним населённым пунктом также не имелось. Даже высокому начальству перспектива добраться до новой деревни в первозданной тайге не светила совсем. Поэтому, когда наши родители (оба бывшие в составе правления колхоза), с открытием навигации сплавили все постройки из Озёрной в деревню Усть-Колек-Ёган на реку Вах, в районе приняли это как удачную для себя инициативу Шлябиных. По сути, Усть-Колек-Ёган, не так давно объявленный деревней, по-прежнему оставался хантыйскими летними юртами, пустующими в зимнее время. И только в путину, когда рыбаки из Колек-Ёгана спускались сюда с семьями на лодках, здесь становилось более-менее многолюдно. Но с нашим переездом в Усть-Колек-Ёган обстановка изменилась — деревня зажила полноценной жизнью. Здесь в полной мере отец проявит свой талант организатора, управленца и хозяйственника. С председателем колхоза Георгием Васильевичем Васильевым связь была только летом, да и то не частая, он за 300 километров в Колек-Ёгане — принимать решения и управлять филиалом колхоза имени Мирюгина предстояло нашим родителям — членам правления колхоза. Отец был назначен бригадиром строительной бригады. Началась застройка деревни. В 1957 году построили и, благодаря нашим родителям, включившим в список учеников пятилетнего сына без указания его возраста, открыли начальную школу для пяти-

рых русских детей. Хантыйские дети учились и содержались в интернатах Колек-Ёгана и Ларьяка абсолютно бесплатно. А когда в середине зимы выявился истинный возраст Димы — закрывать школу уже было поздно. Брата перевели в нулевой класс — такие были повсеместно для хантыйских детей.

Это было прекрасное время хрущёвской «оттепели»: сталинские доносы и репрессии отменили, страх за жизнь исчез, началось возрождение и расцвет культуры. Люди заговорили в полный голос. В этой благодатной обстановке родители организуют работу колхоза, научат хантов-оленеводов всем навыкам русской сельской жизни: уходу за животными и их содержанию, разбивке огородов, умению заготавливать сено и силос. В 1958 году они оба были отмечены почётными грамотами районного уровня. Маму на два срока избирали в депутаты от Колек-Ёганского сельсовета. Родители и сами будут постигать премудрости хантыйской жизни. А на досуге устраивать посиделки с шитьём и рукоделием, концерты самодеятельности, весёлые розыгрыши и потрясающие праздники, когда артистов становилось больше, чем зрителей в зале. А когда летними вечерами наши родители садились на крыльчке вдвоём и пели романсы или старинные песни под папин аккомпанемент — собиралась вся деревня. Мама получила в дар от своей матери, с 9 лет официально принятой в церковный хор, потрясающей красоты высокий голос. Но никто никогда не включался в пение наших родителей, очевидно, из боязни разрушить гармонию их голосов.

В конце 1959 года председателем колхоза в Усть-Колек-Ёгане вместо Васильева, сидевшего на двух стульях, но на деле руководившего только Колек-Ёганским колхозом, назначили киномеханика Ефима Исаковича Гусева — отменного рыболова, но не хозяйственника. Рыбодобыча, как и охота, была частью промышленной деятельности колхоза. А когда Гусеву грозила беда (скорее всего — тюрьма) за ущерб, причинённый народному хозяйству, родители нашли единственно правильный выход. Мягкотелому Гусеву продали коров по указу района из деревни Мегион, не заготовившей сено. Руководство района знало, что по весне Шлябины продавали излишки сена нуждающимся колхозам и, спасая положение, отобрали и «спихнули» целое стадо неполноценных коров в Усть-Колек-Ёган. (По итогам года в Мегионском

колхозе численность только крупнорогатого скота по сравнению с 1958 годом сократилась на 114 голов.) [4]. Несмотря на то, что в хозяйстве у родителей действительно были лишние запасы и сена, и силоса, их не хватило бы для такого огромного количества чужого скота. При неизбежной гибели коров вину возложили бы на Ефима Исаковича. Родители уговорили его сдать на мясо непродуктивных коров, которых к тому же ждала голодная смерть. Печальный опыт гибели животных в нашем районе уже имелся. Зимой 1954-55 года был допущен падёж 194-х голов крупного рогатого скота и 266-и голов овец также в деревне Мегион — в объединённом колхозе имени Калинина [5]. После долгих сомнений Гусев послушался Шлябиных: чужих коров сдали на мясо, а на часть вырученных денег купили несколько дорогих нетелей симментальской породы. Оставшиеся деньги положили в Крестьянский банк. После чего район разразился скандалом. Коров на мясо? Как посмели?! Может, кто-то и выжил бы! В районной газете даже вышла заметка на тему Усть-Коллек-Ёганских мясников Гусева и Шлябиных. Заметку сопровождала карикатура с изображением мясников с большими ножами. Помнится, Ефим Исакович и выговор получил. Вскоре отца как правленца колхоза вызвали в Ларьяк на отчётно-предвыборное собрание. В президиуме среди районных руководителей заседал куратор сельского хозяйства по Ларьякскому району (по какой линии руководства — уже не помним) Зайцев, уважаемый человек, бывший фронтовик, искалеченный войной, мнение которого высоко ценилось. И пока другие вдоль и поперёк пилили нашего отца, Зайцев сидел и ухмылялся, потом на виду у всех подошёл к отцу и, похлопав его по плечу, сказал: *«Молодец, Дёмочка (так он звал нашего отца), правильно сделала, по-хозяйски. Я и думал, что это Ваша, Дёмочка, работа»*. Вскоре в нашем колхозе суточный надой молока вырос до 12-15 л. в сутки. При долгой суровой зиме, сухих кормах, к тому же от ещё нераздоенных симменталок — это был рекорд. Районные управленцы очень скоро сменили политику. Конечно, Америку по надоем молока наши отец и мать не догнали, но организованный ими филиал колхоза имени Мирюгина в деревне Усть-Коллек-Ёган стал передовым по всем показателям. *«Мы тогда зрели»*, — не раз вспоминала мама.

В Усть-Колек-Ёгане отец построил пятистенный дом, в котором мама привечала районное начальство и всех уполномоченных из Ларьяка, Охтеурья, Колек-Ёгана. Останавливались у нас в доме и Нифонт Трофимович Вокуев — 1-й секретарь Ларьякского райкома партии, позже сделавший большую карьеру в округе, и А. Д. Пуминов, работавший председателем Ларьякского райисполкома. Во второй половине избы всегда кто-то жил, конечно же, бесплатно. Медичка Тася Конева, направленная по распределению в нашу деревню, тоже жила у нас. У неё папа вместе с мамой и роды принимал, и не у неё первой. Здесь же наши родители вдвоём вывихнутую ногу Гавриле Кыкину вправили. И кино, которое кинопередвижка привозила два-три раза в год, смотрела вся деревня в нашем большом доме. Мы росли в окружении людей. В какое-то лето отец отдал нам чемодан с облигациями, и скоро все хантыйские дети, играя, рассчитывались ими вместо денег. Кто ж знал тогда, что надо было и дальше ещё не один десяток лет чемодан с облигациями прятать под кроватью?!

Если не вести учёт комарам, то деревня была прекрасной, за исключением одного «но». Усть-Колек-Ёган, расположенный в пойме реки, топило, и это было настоящей бедой. Родители получили указ строить новое селение. Нашли замечательное место, и, построив три дома с раскорчёванной вокруг них усадьбой, положили начало третьей деревне. Но нас, троих детей Шлябиных и двоих детей Шадриных, ждал интернат в Ларьяке. В связи с чем и мы, и Шадрины переехали в Мегион, чтобы продолжить нашу учёбу в старших классах под крылом родителей. После нашего отъезда деревню на новом месте назвали Новый Усть-Колек-Ёган. Но, как и предполагал отец, колхоз уже никогда не был передовым. И новая деревня без Шлябиных заглохла вместе с колхозом...

Но всю последующую жизнь отец вспоминал прожитые годы на Вахе, как самые счастливые в своей судьбе. На генетическом уровне унаследовав от своих предков — жителей лесов — любовь к природе, он нашёл в Тюменской области то, что в молодые годы не обрёл ни в Белоруссии, ни на Алтае, ни в других областях Западной Сибири: первозданную природу с её несметными богатствами и местных жителей с их общинным образом

жизни, сформированным древними традициями. И всегда повторял, что не знал более бескорыстных, благодарных и порядочных, но при этом наивных, как дети, людей, чем ваховские ханты...

Наши родители и их поколение строили деревни, открывали школы, создавали колхозы, чтобы увеличивать мощь своей страны. А летом 2020 года, чтобы не тратиться на содержание деревни Новый Усть-Колек-Ёган, жителей выселили, а деревню сожгли. Сожгли, как варвары, чтобы жители, выселяемые насильно, не смогли вернуться назад...

В Мегион мы прибыли на теплоходе «Ненец» в начале лета 1961 года. На корме везли корову и собак. Тогда очень многие геологи держали коров. Отец устроился в разведку. Только что открытая нефть привлекала внимание всей страны. И уже в конце лета папу уговорили сняться в документальном фильме. По сюжету ленты снимали не только геологов, но и представителей других профессий. И, прежде всего, строителей — Мегион уже в то время являл собой большую стройку. Первые строительные бригады были созданы в составе экспедиции в 1961 году, их было три, не считая приезжих бригад шабашников-вятичей. Мастером стройки был назначен наш отец, он же возглавлял и одну из бригад, в которой сам работал плотником. А. Королёва назначили прорабом. Отцу — строителю и сибиряку, выросшему на Алтае, фронтовику, обладателю необыкновенной силы и торса атлета — по сценарию полагалось раздеться до пояса. А далее, наш 36-летний отец, широко улыбаясь *«двумя рядами ослепительных зубов»* (оно так и было), должен был на фоне могучего кедра *«отмываться от строительной пыли и грязи»* под сверкающей брызгами струёй холодной воды, которой его усердно поливали из шланга. Великолепный пародист и мастер перевоплощения, отец со смехом сыграл самого себя. На момент создания МНРЭ, уже в феврале 1962 года строительными бригадами под руководством отца была практически застроена первая односторонняя улица будущего посёлка — Береговая (давно не существующая) и интенсивно собирались дома из бруса, образуя улицы М. Горького и Труда. Стройку отец любил, каждый выросший дом и новая улица его неизменно радовали. Начало строительных навыков он получил от отца. Но, уйдя на фронт в

17 лет, больше с родителями не жил. Строительным премудростям и тонкостям плотницкого дела обучил муж его сестры Пелагеи Васильевны, Михеев Георгий Зиновьевич, с которым вместе поставили два дома и баню для своих семей на 11-м Казе Кемеровской области. Были тогда молодые, озорные, любили почудить. Оба, уцелевшие на фронте, радовались жизни. Благодаря чудачеству дяди Гоши я в первый раз выстрелила из ружья в три с половиной года. Учебно-воспитательный эксперимент любимого дядьки, к которому я по-панибратски обращалась «Гошк, а, Гошк», не прошёл бесследно, в 1974 году на республиканских соревнованиях в Минске безо всякой подготовки я получила золотой значок по стрельбе из мелкокалиберной винтовки.

Сменив шестнадцать мест жительства, только для нашей семьи отец своими руками построил одиннадцать домов. Три из них — в Мегионе. Были среди них и маленькие избушки, и большие дома, как в Саровке или в Усть-Коллек-Ёгане. Первый мегионский дом, небольшой, был построен в рекордно короткие сроки — за 11 дней — негде было жить. Один из соседей шутил: «Иду на работу — нет дома, иду назад — дом стоит». Конечно же, и мама, и подростки мы, все трое его детей, помогали ему в пределах наших сил и умений: корчевали пни и корни, кололи дранку на крыши, что-то пилили, драли мох и укладывали в пазы. Старший брат Евгений с седьмого класса ещё и пазы в брёвнах вырубал.

Отец умел всё. Ещё в молодости обучился кузнечному делу, от своего отца перенял науку тачать сапоги, плести лапти, разводить пчёл, сеять рожь и пшеницу. Клал печи любой сложности. На Вахе и в Мегионе сам себе шил масхалаты для охоты на боровую дичь. Изготовил не одну пару меховых рукавиц для работы на улице — с прорезью посередине ладони. И вершину портняжного дела — меховую малицу — сшил по законам хантыйской науки. Делал лыжи и сани, мехом подбивал подволоки. Несколько лодок сам смастерил. Был страстным охотником и рыбаком, стрелял без промаха. Кстати, прожив 86 лет, никогда не носил очки. Прекрасно ориентировался в тайге. Смеялся: «Пожалуй, только валенки не умею валять!». И часто нам повторял: «Учитесь, пока я жив!». Сапоги тачать и кузнечному делу мы, конечно, не учились, но всё-

таки все трое окончили престижные вузы СССР. Младший брат Дмитрий Шлябин стал художником, публицистом и таксидермистом, известным за пределами Мегиона.

В конце 1960-х годов у отца начались проблемы с позвоночником. Имея невероятную мышечную силу, он никогда не берёт позвоночник — хрупкое звено в человеческом организме. В молодости сажал маму на ладонь и плясал с ней в колхозном клубе. При этом однажды несколько досок в полу проломил. Назавтра самому же и менять их пришлось. И по жизни один управлялся там, где требовалась сила нескольких человек. По настоянию врачей ему придётся уволиться со стройки. Поработав какое-то время завхозом в школе, он найдёт себе дело по душе. Большой любитель природы и её страстный защитник, устроится лесником в Нижневартровский лесхоз, где отработает 22 года до самого выхода на пенсию.

В лесхозе в те годы под его охраной числилось 172 тысячи гектаров тайги. Огромная территория требовала полной отдачи. Одному приходилось нелегко, особенно летом, когда начинались пожары. Доказывал руководству, что легче предупредить пожар, чем потом бороться с ним. Сумел добиться, чтобы в летнее пожароопасное время в лесничестве дежурила машина от какой-нибудь организации. В числе немногих заготавливал кедровые орехи соответственно плану, и один за весь лесхоз собирал семена других деревьев, при этом выполняя и перевыполняя план. Был всегда в числе лучших лесников Нижневартовского лесхоза: и почётные грамоты получал, и портрет его висел на Доске почёта. После его смерти в 2011 году директор Нижневартовского лесхоза Андрей Михайлович Щинов с восхищением вспоминал, как при тушении в 1989 году лесных пожаров 64-летний лесник Дмитрий Васильевич Шлябин дал фору молодой бригаде пожарных, исполнив красивое сальто в прыжке с высоченного обрыва в воду. Повторить даже что-то похожее из молодых не смог никто...

Его всю жизнь восхищала природа своей родины — Алтайского края, но и природу Севера он полюбил всей душой. Всегда и везде отец обращал внимание на её красоту, не переставая ею любоваться. Обладая великолепной памятью и большой эрудицией, он и знал о ней очень многое. С детских лет мы слышали

от него названия растений, их свойства, рассказы о животном мире, о болотных экосистемах. Переживал всей душой за порушенную с приходом нефтяников природу, за необратимые изменения в тайге и на болотах, за исчезнувших зверей, рыбу и птицу. И до конца дней болела его душа по вырубленному плодородному чащевому кедровнику, с иссиня-зелёной кроной, стоявшему стеной за Мегионом. Любил отец и животных, особенно лошадей. В нашей стайке рядом с коровами постоянно содержались чужие лошади: то колхозные, то школьные, а в последние годы лесхозные. И мы всей семьёй ещё и на них, не сказать, чтобы с большой любовью к сенокосу, но всё-таки заготавливали сено.

Несмотря на то, что в друзья к отцу набивались многие, тщеславием он не страдал и славы не хотел. Многие журналисты стремились про него написать, но он их к себе не подпускал — не жаловал за незнание истории и выдумки. Сделать это удалось только Нине Купальцевой, местной журналистке. Вот что она писала об отце: *«В свои почти 75 лет он полон сил и энергии. Четыре года как после перенесённой операции он перестал заниматься на турнике. Но его мускулам и сейчас позавидуешь... К лесу у Дмитрия Васильевича отношение трепетное... Лесом восхищается в любое время года... Все деревья для него по-своему интересны..., ...уверен, что мы до сих пор не знаем истинной ценности осины. А ведь из осины, которая не трескается, получается великолепный паркет. В старину осиновой дранкой покрывали дома, и крыши выглядели так, будто они сделаны из серебра»* [2, с. 3].

Отец очень много читал, ценил классику, любил историю. Мог рассказать три теории происхождения вселенной, историю древнего народа майя, помнил всех царей и полководцев, знаменитых художников. Рассказывал о Вольфе Мессинге, об Ольге Лепешинской, на представления которых ходил в молодости. Восхищался Михаилом Задорновым, выучил некоторые из его произведений и сам их по памяти читал. В молодости и сам писал стихи, даже поэмы, и, на удивление всем, помнил их всю жизнь. Уйдя на пенсию, он не завис у телевизора, взялся за краски и холсты. С младшим сыном организовал на острове Тягор-Мугоре фермерское хозяйство «Кулички». Начал экспери-

менты в огороде — в результате в альбом легли дипломы: то за самые ранние огурцы, то за лучшую картошку. Малину посадил — по 30 вёдер урожая снимали. А в БССР ещё и в 1970-е годы поступали заказы от колхозов в Минсельхоз на культивированную им там в послевоенные годы сибирскую картошку, которой дали имя «шлябинка».

Потрясающий рассказчик, мастер перевоплощения, обладавший неиссякаемым юмором и редкостной памятью, он моментально собирал возле себя слушателей. В заключение своего очерка Нина Купальцева напишет: *«Общаться со Шлябиным легко. Человек он очень коммуникабельный и собеседник интересный. За словом в карман не лезет, по любому вопросу у него собственное мнение, и на каждый жизненный случай есть своя шутка-прибаутка (знает, кстати, много анекдотов, которые любит рассказывать). Одним словом, Дмитрий Васильевич из тех, кого называют «душой компании». ...Он никогда никому не завидовал, никого ни на грош не обманул. И всегда работал с полной отдачей, о чём свидетельствуют многочисленные грамоты и почётное звание ветерана труда»* [2, с. 3].

От себя добавлю: не случайно его имя занесено на городской мемориал *«Участники Великой Отечественной войны, принимавшие активное участие в построении города и освоении нефтяных месторождений»*. Есть оно и на Доске памяти на Аллее Славы. Были у отца и военные награды: два ордена Отечественной войны, медали «За победу над Германией», Жукова, разные юбилейные. Председатель Думы округа Василий Сондыков, посетивший в 2008 году Мегион, придёт к отцу домой, чтобы вручить ему Грамоту Думы ХМАО-Югры за многолетний добросовестный труд на благо округа. Между ними состоялся интересный длинный разговор, а на прощанье 83-летний отец сыграл и на гармонии, и на мандолине свои любимые мелодии. Жалел, что скрипка на тот момент вышла из строя — не удалось порадовать первое лицо окружной Думы полонезом Огинского.

Примечания

1. Большая советская энциклопедия. В 66 т. Т. 65, 1 т. доп. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. — Москва: Советская энциклопедия, 1926. — 1947. — С. 1287.
2. Купальцева, Н. Я природу душой ощущаю // Новости Приобья. — 1999. — [Сент.] — С. 3.
3. Ливанова, Т. К. Всё о лошади / Т. К. Ливанова, М. А. Ливанова. — Москва: АСТ-ПРЕСС СКД, 2002. — 384 с.
4. Нижневартковский Государственный архив. Ф. 26. Оп.1. Д.12. Л. 3.
5. Нижневартковский Государственный архив. Ф. 4. Оп. 1. Д.118. Лл.11-14; Д.125, л.1, 2,4; Д.134. Лл.33,35,36; Д.144, Лл.37, 38, 40-42; Д.152. Лл.60, 62-64.
6. Очерки истории Тюменской области: [50-летие Тюменской области] / отв. ред. В. М. Кружинов; худ. И. И. Станков. — Тюмень: [б.и.], 1994. — 269, [2] с.

Л. Л. Телегина

Одна из детей блокадного Ленинграда (светлой памяти Иды Павловны Александровой)

В декабре 2024 года ушла в Вечность Ида Павловна Александрова. Она была из тех людей, которых называют «дети блокадного Ленинграда». Долгое время Ида Павловна работала заместителем директора по учебной работе в нашей нижневартковской восьмой школе. Мы были с ней коллегами по работе. Когда Ида Павловна вышла на заслуженный отдых, я часто приглашала её к своим ученикам на встречи в актовом зале школы, на классные часы, посвящённые празднованию Дня Победы. Со слезами на глазах накануне Дня Победы в актовом зале восьмой

школы рассказывала Ида Павловна Александрова о том суровом, голодном времени осады города Ленинграда, когда он оказался «в кольце», без продуктов питания, без воды, без тепла — всего жизненно необходимого: «Родилась я в городе Ленинграде в 1936 году. Это моя Родина. До начала войны мы жили большой семьёй: мама, папа, бабушка, тётя — дружная, интеллигентная семья. Мой папа 1914 года рождения, воспитывался в детдоме. Под дверями детдома его подкинули. По его воспоминаниям, детдом — это очаг безнравственности, очень тяжело было жить детям в детдоме. Получил травму, стал инвалидом I группы. На войну его не взяли как инвалида I группы. Но он был патриотом своей Родины. Мама работала в типографии наборщицей, знала в совершенстве русский, немецкий языки, бабушка владела тремя языками: французским, немецким, русским. До войны у меня было счастливое детство: любимый ребёнок, всё было для меня. Но началась война — и весь мир перевернулся».

Ей было всего пять лет, когда началась война. Но хотя она была ещё совсем ребёнком, хорошо помнила то страшное время, когда началась блокада Ленинграда. 450 нелёгких дней их семья находилась в осаждении. «Весь город был во мраке, нет света, еды, — рассказывала Ида Павловна. — Начался мор. Люди умирали в своих квартирах. Папа от Смольного работал: выносил трупы из домов. Заболела мама, не могла двигаться. Сестра мамина на ногах оставалась. Мы, дети, возле мамы согревались её лаской, теплом. Первой умерла бабушка, мамина мама. В день своего 50-летия умерла. Отдала свой паёк хлеба детям, говоря при этом: «Я уже пожила, а детям надо есть, им надо жить». Тётя погрузила её на саночки и отвезла на пункт, где собирали умерших людей (трупы). Второй умерла тётя, ей было 18 лет, затем — двоюродная сестрёнка. Люди, чтобы как-то продлить свою жизнь и не умереть от голода, ели свои ремни, ели клейстер с обоев. Началось людоедство. Все собаки, кошки, крысы, мыши, всё, что летало, ползало — всё было съедено. ... Это страшно! У нас был сосед — дирижёр Симфонического оркестра, с ним жила овчарка всю жизнь. И он убил её и съел. Потом тоже умер».

В честь умерших в блокаде Ленинграда построен Пискаревский мемориал. Ида Павловна его посещала. Общалась с такими же блокадниками, выжившими в то неимоверно трудное время.

«В ноябре 1942 года нас эвакуировали в Среднюю Азию, — рассказывала нам блокадница Ленинграда. — Нас вывозили через Ладожское озеро. Лёд был тонкий, много погибло людей. Я долго болела, была худая. Сразу восстановить силы не удалось. Люди были больные, измождённые. Сестрёнка Валерия умерла в 1943 году в Андижане. Ей было 3 года. Папа рыдал много дней. «Как так, выдержав блокаду, она умерла в таком месте?!» В Андижане было тепло, было питание. В 1944 году Ида пошла в школу. В этом же году пришло приглашение вернуться в Ленинград. Но их семья решила остаться жить в Средней Азии. «Мама стала работать бухгалтером на хлопкоочистительном заводе. И я всю жизнь собирала хлопок: учась в институте, на работе в школе...», — рассказывала Ида Павловна. После окончания средней школы она училась в педагогическом институте в Андижане. Получила профессию учителя математики и физики и всю свою жизнь посвятила школе, воспитанию детей.

В 2002 году с внуком, которому было 13 лет, Ида Павловна поехала в Ленинград. «Собрала документы: мамино и папино свидетельство о рождении и о смерти, свой аттестат зрелости. Пошла в Министерство обороны, в Архив, в ЖЭУ, где жили. В ЖЭУ нашли мне все справки, доказывающие, что мы жили во время войны в Ленинграде, которые дали мне возможность получить звание «житель блокадного Ленинграда».

Находясь на заслуженном отдыхе, Ида Павловна жила в Нижневартовске, воспитывала внуков и правнуков. Вела активные встречи с молодёжью, рассказывала о блокадном Ленинграде, о военном детстве, о том, как выживали её родственники и стремились к Победе. Она была частым гостем в школах города на праздниках и классных часах, посвящённых Дню Победы. Ида Павловна говорила о войне с большой болью и всегда желала, чтобы дети не узнали такого страшного времени и не испытывали тяготы войны: «Вы, ребята, имеете уникальную возможность встретиться с живыми свидетелями событий блокадного Ленинграда, с участниками войны. Эти встречи не пройдут бесследно».

Действительно, такие встречи необходимы молодому поколению, они знакомят с историей своей страны, показывают, какой ценой досталась Победа нашему народу, воспитывают уважительное отношение к людям, пережившим Великую Отечественную войну.

Светлая память Иде Павловне Александровой!

В. В. Цысь

**Деятельность МАУ «Экоцентр» г. Мегиона
по изучению и сохранению исторической памяти
о Великой Отечественной войне в 2020-е гг.**

На территории ХМАО-Югры муниципальные музеи начали активно развиваться лишь на закате Советского Союза и в постсоветский период. Этому способствовали приобретение большей самостоятельности в распоряжении получаемых из местных источников доходов, стабилизация миграционных потоков и как следствие осознание необходимости формирования региональной идентичности, изменение государственной идеологии. Все это прямо или косвенно способствовало появлению большого числа муниципальных, поселковых, сельских музеев, которых в Югре в настоящее время насчитывается около четырех десятков.

Одним из таких музеев является муниципальное автономное учреждение «Региональный историко-культурный и экологический центр» («Экоцентр») в истории которого отразились особенности, направления, проблемы развития музейного дела в Югре.

Он берёт своё начало с образования в 1987 г. школьного краеведческого кружка. Два года спустя в 1989 г. по решению Меги-

онского горисполкома школьный музей получил статус краеведческого. В 1997 г. на базе Краеведческого музея было образовано муниципальное автономное учреждение «Региональный историко-культурный и экологический центр». В настоящее время в его структуру входят: Краеведческий музей, музейно-этнографический и экологический парк «Югра», Центр народных художественных промыслов и ремесел (ЦНХПиР); Музей-стойбище рода Казамкиных; Туристско-информационный центр; Служба по содержанию и обслуживанию памятников [1].

За три десятилетия с момента создания «Экоцентр» существенно расширил поле своей деятельности, которое в настоящее время охватывает ряд направлений. Одно из них — история Великой Отечественной войны — неисчерпаемая тема, к которой неоднократно будут обращаться как наши современники, так и последующие поколения исследователей.

Основой для характеристики работы по указанной теме являются отчетные и методические материалы МАУ «Экоцентр», хранящиеся в ведомственном архиве, а также подготовленные ее сотрудниками научные и научно-популярные издания. Ее рассмотрение представляется вполне актуальным, поскольку опыт работы «Экоцентра» может быть востребован, прежде всего, небольшими провинциальными музеями, которых в нашей стране подавляющее большинство.

В первую очередь, следует указать на научные изыскания, которые сотрудниками «Экоцентра» ведутся по нескольким приоритетным проблемам. Особо нужно выделить проект, реализуемый научным сотрудником А. А. Полищуком, связанный с малоизученными страницами Великой Отечественной войны. Значение данной работы выходит далеко за рамки муниципалитета и имеет не только региональный, но и общероссийский резонанс. Речь идет о серии монографий, посвященных истории наступательных операций Красной Армии.

В частности, следует отметить книгу «Битва за Донбасс», ставшую итогом научных изысканий автора в архивах Министерства обороны РФ, военных архивах NARA (США) и Фрейбург (ФРГ) [3]. Работа, приуроченная к 80-летию начала войны, явилась результатом большого труда, проведенного сотрудником «Экоцентра». Она отражает авторский взгляд на события

июля 1943 г. на южном участке советско-германского фронта и освещает Изюм-Барвенковскую операцию — первую попытку освобождения Донбасса советскими войсками.

В 2024 г. А. А. Полищук выпустил книгу, посвященную Жиздринской наступательной операции 1943 года [4]. Автор сумел раскрыть один из важных сюжетов, касающихся развертывания боевых действий на советско-германском фронте в переломный момент Великой Отечественной войны, вписав разрабатываемую им проблему в контекст военного противостояния вермахта и Красной Армии в целом. Работа насыщена большим количеством фактического материала и представляет собой последовательную характеристику подготовки и проведения боевых действий в районе Жиздры на протяжении февраля — марта 1943 года. Автор, на наш взгляд, продемонстрировал глубокое знание предмета исследования, заинтересованность в раскрытии малоизвестных страниц истории Великой Отечественной войны. В работе использован комплекс разнообразных источников, в том числе, впервые вовлекаемых в научный оборот. Книга стала лауреатом III степени в номинации «Музейное издание» конкурса Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Музейный олимп Югры 2023».

Важно отметить, что А. А. Полищук при исследовании названных выше проблем старается найти информацию о югорчанах — участниках описываемых событий. Эти сведения включаются в книги и в дальнейшем могут использоваться при поисковой и просветительской деятельности.

Работа же по изучению вклада мегийцев в Победу в Великой Отечественной войне разворачивалась в предшествующий период. Еще в 2005 г. была выпущена первая книга серии по данной теме, следующие — в 2007 и 2013 гг. Они посвящались погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, ветеранам, труженикам тыла, узникам концлагерей. Последняя, четвертая книга рассказывает мегийцах — «детях войны» [См.: 2]. Текстовый материал дополняют фотографии, личные документы, иллюстрирующие боевой и трудовой путь героев книги, а также их родителей. Однако очевидно, что потенциал сбора устной информации о судьбах участников войны, тружеников тыла, воспоминаний, в значительной степени исчерпан. Можно гово-

речь о дальнейших изысканиях архивных документов. Обзорная информация по вопросу участия мегионцев в боевых действиях опубликована в одной из книг А. А. Полищука [5].

Второе направление — организация и проведение выставок, посвященных отдельным событиям Великой Отечественной войны.

На ее разработку накладывает отпечаток специфика Мегиона, как сравнительно молодого города, население которого формировалось преимущественно с начала нефтегазового освоения Тюменского севера в 1960-е — 1970-е годы. Люди сюда приезжали из разных уголков страны. Каждый привозил частичку своей семейной памяти о войне, но лишь небольшое число предметов, которые могли бы в перспективе пополнить музейные коллекции. Это обстоятельство ограничивает возможности «Экоцентра» в данном отношении. Так, в январе — марте 2024 г. была организована выставка «900 дней мужества», посвященная героической блокаде Ленинграда, основанная на тематическом методе экспонирования. Музейных предметов по указанной теме в «Экоцентре» немного. Однако подготовкой выставки занимался сотрудник (В. А. Балглея) — внук участника блокады, сохранивший воспоминания своего деда и включивший их в текст составленной им экскурсии.

В 2020 г. проводилась передвижная выставка «Письма с фронта», приуроченная к 75-ой годовщине Дня Победы в Великой Отечественной войне. Ребята познакомились с письмами, извещениями и открытками пришедших с фронта солдат, хранящимися в фондах МАУ «Экоцентр».

Еще одно направление — организация различного рода просветительских патриотических акций, проектов, в том числе, всероссийских, таких как «Свеча памяти», «Лица Победы», «Памяти героев», «Поклонимся великим тем годам», «Всеобщая минута молчания» и др. Например, в ходе реализации онлайн-проекта #ПисьмасФронта — специалисты «Экоцентра» прочли письма участников войны, хранящиеся в фондах.

В 2020 г. в городе Мегионе состоялась торжественная церемония открытия мемориального комплекса «Аллея Славы», установленного в память о героях минувших войн — Великой Отечественной, Афганской и локальных конфликтов. Важно от-

метить, что помещенные на мемориале сведения (сражения, имена военачальников) отобраны по заказу городской администрации сотрудниками «Экоцентра».

Следующее направление — изучение отдельных музейных предметов с целью их научного описания и последующего вовлечения в исследовательскую и выставочную деятельность. Такая работа ведется систематически в рамках проекта по теме «Исторический контекст наследия Великой Отечественной войны в предметах МАУ “Экоцентр”». Здесь определенную помощь оказывают поисковые отряды, периодически пополняющие фонды музея находками с полей сражений.

Популяризация боевого и трудового подвига советского народа проводится в следующих формах: передвижные выставки, видеоролики, публичные лекции. В частности, в 2022 г. подготовлена и выложена в сеть Интернет серия роликов на такие темы как «“Черкасский” котел — дивизия СС “Викинг”, контрудар 47-го танкового корпуса»; «Операция “Смерч”»; «Курская битва»; «Операция “Полярная звезда”»; «Боевые действия в Северной Африке»; «Ростовская наступательная операция»; «Югославия 1941 г.»; «Нереализованные возможности РККА в 1942—1943 годах». (В настоящее время ролики выложены на платформе Rutube).

Публичные лекции в рамках проекта «Исторические события Великой Отечественной войны» проводятся преимущественно по заявкам образовательных учреждений. В 2022 г. их слушателями стали 974 чел., в 2023 г. — 318 чел.

Передвижные и стационарные выставки («Подвиг великий и вечный», «Поклон тебе Великая Победа», «Этот день мы приближали, как могли», «Без срока давности», «Боевые награды Родины», «Блокадный хлеб» и др.) традиционны по представленному материалу и содержанию. Интерактивная составляющая заключалась в возможности посетителю принять участие в написании «фронтového письма» (в акции участвовало до 700 чел.).

Таким образом, деятельность МАУ «Экоцентр» г. Мегиона по изучению и сохранению памяти о Великой Отечественной войне в последние годы разворачивается по нескольким направлениям, связанным как с изучением, так и с популяризацией знаний о

великом подвиге советского народа в период военного лихолетья. Помимо раскрытия вклада призванных в Красную Армию непосредственно из тогдашней деревни Мегион, а также труженников тыла, важное значение имеет изучение биографий тех мегионцев — ветеранов Великой Отечественной войны, которые сюда приехали позднее — в период нефтегазового освоения. Научные изыскания по ряду малоизвестных боевых операций составляют важнейшее направление работы «Экоцентра». Здесь определенной проблемой является поиск средств на издание книг по данной тематике. Приходится рассчитывать на спонсоров и в перспективе — грантовую поддержку со стороны фондов губернатора ХМАО-Югры. В заслугу руководства «Экоцентра» следует поставить умение аккумулировать силы местных краеведов, профессиональных ученых, занимающихся проблематикой, соответствующей профилю музея, организовать и всячески стимулировать их работу. Это позволило развернуть достаточно активную и плодотворную издательскую деятельность, касающуюся, в том числе, по истории Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Мегион: очерки истории. Ч. 2. — Мегион: ПК Астер-ЕК, 2022. — 160 с.
2. Мегионцы — люди высокого долга. Кн. 4: Дети войны / под общей ред. В. В. Цыся. — Мегион, 2020. — 176 с.
3. Полищук, А. А. Битва за Донбасс. Изюм-Барвенковская операция 17-27 июля 1943 года — первая летняя попытка освобождения Донбасса. — Брянск: МОО «ИС», 2022. — 435 с.
4. Полищук, А. А. Жиздринская наступательная операция февраль-март 1943 года. — Уфа: Аэтерна, 2024. — 423 с.
5. Полищук, А. А. Мегионцы на фронтах Великой Отечественной войны. — Мегион: [б. и.], 2020. — 67 с.

VII. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**«Замысловцы», вперед - к достижениям!
(30-летию ЛИТО «Замысел» посвящается)**

Юбилейное

Этот «Замысел» — чудное слово:
Это творчество, самоотдача;
Снова — труд, и упорство снова,
Это гордость, успех, удача.
А бывает порой не до смеху —
Испытания шлет нам судьбина.
Не завидуй чужому успеху -
В трудный час нас поддержит *Альбина*.
И тогда — «закипишь» не на шутку, -
У кого не бывает изъяна —
Как *Акимов*, «взвинтишь» на минутку,
Сказы выдашь, как *Бутник Татьяна...*
Эти лучшие в мире мгновенья
Дарят нам ветераны в придачу.
«*Замысловец*», вперед — к достижениям —
Быть в ЛИТО — не простая задача [4, с. 22].

2024 год — год особенный для писателей нашего города: Литературному объединению «Замысел» исполнилось 30 лет!

Память уносит меня в далекое прошлое.

2005 год. Я привела на городской конкурс стихов своих студентов. Мы волновались, ждали заветного часа, в этот момент ко мне подошла миловидная женщина, с прекрасной белозубой улыбкой и лукавинкой в миндалевидных глазах, и приветливо заговорила. Познакомились. Моей очаровательной собеседницей оказалась Альбина Семеновна Кузьмина. Наверное, тогда даже она не знала о том, что станет руководителем ЛИТО «Замысел», являясь надежным помощником известной писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

Альбина Семеновна — из числа тех людей, которые могут сразу расположить к себе, кому доверяешь, к мнению или сове-

там которых прислушиваешься. Она пригласила меня в свой «Замысел», узнав, что я кое-что сочиняю и работаю с молодежью.

С того дня минуло много лет... Меня, как прозаика, открыла впервые именно она, Альбина Семеновна, сказав однажды на очередном заседании «Замысла»: «А знаешь, Нина, ты, кажется, нашла свою нишу в нашем деле. Тебе рассказы писать надо». И ввела меня в круг Маргариты Кузьминичны. Это был мой первый рассказ — «Лес-батюшка», который соединил меня в воспоминаниях и с моей бабушкой, и с удивительными моими писательницами, и с моей мечтой...

Под надежным «крылом» Альбины Семеновны выросли птенцы-поэты и прозаики, в их числе и я, которые печатаются сегодня, широко известны. Просто диву даешься: сколько сил в этой энергичной женщине... Прокладывая дорогу себе, помогает взойти на «олимп» другим, поддержит и словом, и делом. А может и пожурить — и поделом: не зазнавайся, не выпячивайся, коли еще не созрел как настоящий писатель [4, с. 22].

По ее инициативе и профессиональной закалке в годы пандемии писатели и поэты активно выступали в эфире на радио «Югория». Мне довелось участвовать в ее проекте «Югра — поэзия любви». Активно проявили себя, благодаря ее помощи, писатели Л. Л. Телегина, Л. Я. Журавлева, Т. Т. Зуева и др. Альбина Семеновна — человек чрезвычайно скромный, но именно она заслуживает слова признания: благодаря ее усилиям, сделано столько добрых, действенных мероприятий прозаиками и поэтами нашего города. Ее «замысловцы» активно служат литературному делу и за пределами Югры.

С каждым годом мастерство членов «Замысла» возрастает. За последние 5 лет членами Союза писателей России стали Л. Я. Журавлева, С. И. Майорова; вошли в состав Союза Российских писателей А. Ф. Голозубов, М. П. Култышев, Н. И. Лексина (с рекомендацией А. С. Кузьминой). Издано 15 литературно-художественных альманахов «Зори Самоглора», готовится 16-й — Юбилейный номер.

Прозаики и поэты, несмотря на отсутствие материальной поддержки со стороны соответствующих органов, за свой счет издают авторские книги. Так, например, за 2024-2025 гг. вышли

в свет новые книги нижевартовских писателей: «Расскажи мне про войну» (повесть) Нины Лексиной, «Белые степи» (роман) Рамазана Шайхулова, «К душе своей найди дорогу» (очерки) Ларисы Телегиной, «Белоночье» (избранные стихи) Лидии Журавлевой, «Грани мыслей и слов» (поэтический микс) Тамары Зуевой, «Встреча с цапляй» (повесть-сказка) Михаила Култышева и др.

По словам Дмитрия Мизгулина, «...именно литература позволяет нам правильной понять и оценить прошедшую эпоху, сегодняшние дни и задуматься о будущем. Литература Югры давно получила в кругах отечественных литературоведов и критиков самые высокие оценки. И «Замысел» - на высокой ступеньке» [5, с. 11].

«Благодаря тесному сотрудничеству Прихода... с городским литературным объединением «Замысел», возрождаются и укрепляются православные традиции, осуществляется духовно-нравственное воспитание и просвещение молодежи. Литераторы в доступной прозе и в стихотворной форме воспитывают любовь к истории и традициям нашей страны, формируют гражданско-патриотическое отношение к Родине», — считает протоиерей Сергей Шевченко, Благодичинный Нижевартовского городского Благодичиния, настоятель храма Рождества Христова [6, с. 10].

«Замысловцы» легки на подъем, готовы по первому зову и в поселки выехать, и прийти на встречи с обучающимися и студентами в образовательные учреждения нашего города. Активное участие принимают наши писатели в волонтерских центрах города по плетению сетей, сбору посылок, написанию писем для участников СВО; читают стихи, поют песни в минуты отдыха И. Змановская, Т. Думенко, М. П. Култышев, С. Майорова, Н. Лексина.

Гордостью литературного объединения является литературно-художественный альманах «Зори Самотлора».

К сожалению, невозможно стало найти спонсоров на издание очередного номера, а юбилей уже прошел и собраны материалы.

По праву Центральная городская библиотека носит имя Маргариты Кузьминичны Анисимковой, открыта Мемориальная доска на доме, где проживала писательница; в память о ней и ее значительном творчестве проводятся литературные меропр-

ятия. 17 апреля 2025 года прошли первые чтения, посвященные ее творчеству.

Работники библиотеки (особая благодарность заведующей отделом культурно-досуговой деятельности Вере Викторовне Парфеновой) активно сотрудничают с поэтами и писателями «Замысла», организуют творческие и юбилейные вечера, проводят презентации книг В. Акимова, Т. Зуевой, Л. Телегиной, Л. Журавлевой, Р. Шайхулова, Н. Лексиной и др.

С. И. Майорова организовала клуб авторской песни «Гитарный круг», успешно отметивший в 2024 году свой десятилетний юбилей. Писатели «Замысла» участвуют в городской краеведческой конференции «Шатиловские чтения» с последующей публикацией докладов в сборнике с одноименным названием.

Активно принимают писатели участие в городских и региональных конкурсах «Мы из Нижневартовска», «История моей семьи в истории округа», вовлекая в участие обучающихся студенческих литературных клубов (Н. Лексина, литературный студенческий клуб «Шамси — Солнце»).

Произведения авторов печатаются в городском альманахе «Зори Самотлора», окружном альманахе «Эринтур», региональном альманахе «Гиперборей», на литературной странице «Иванчай». Успешно проводится Телемост «Нижневартовск — Крым».

Выступают «замысловцы» в литературно-музыкальной гостиной Центра национальных культур. Активно участвует в подобных мероприятиях «Гитарный круг» (С. И. Майорова).

По словам директора МБУ «Библиотечно-информационная система» г. Нижневартовска Ирины Евгеньевны Ивлевой, «образованное по инициативе сотрудников Центральной городской библиотеки, литературное объединение широко шагнуло за пределы МУ «БИС» и города, активно продвигая творчество нижевартовских литераторов» [3, с. 7].

В том, что в Центральной городской библиотеке плодотворно проходят значимые мероприятия, велика заслуга директора И. Е. Ивлевой. Прекрасный, в новом формате, интерьер, современное оборудование, сотрудники-профессионалы, доступ к Интернету, выставки талантливых людей. Все это привлекает не раз прийти сюда и детей, и взрослых.

Хочется вспомнить добрым словом наших наставников в литературном деле: М. К. Анисимкову, Н. П. Смирнова, Н. И. Коряева, С. А. Луцкого, М. М. Рябий, Н. М. Шамсутдинова, П. Р. Черкашина. Благодаря их семинарам, встречам с ними, начинающие литераторы учились мастерству, пробуя свои силы в творческих проектах. Многие стали членами писательских союзов, благодаря их стараниям.

Вот как вспоминала Тамара Зуева начало своей писательской деятельности: «Я ловила каждое слово, сказанное уже состоявшимися поэтами: В. Акимовым, В. Андреевым, А. Кузьминой и, конечно же, М. К. Анисимковой. ...она научила нас многому и успела сказать главное: поэтам — не жалеть себя, писать и писать, больше читать и любить жизнь, чтобы стихи искрили солнечным светом!» [2, с. 15].

О «Замысле» написано много стихотворений, в преддверии 30-летнего юбилея ЛИТО как-то сами по себе сложились у меня строки:

Гимн «Замыслу»

1. «Замысел» - союз наш и оплот —
Творческим путем вперед ведет.
Мы России — дочери, сыны,
И талантом ей всегда верны.

Приве:

Вперед, «замысловцы», вперед:
«Планета читателей» ждет.
И все такие разные,
По-своему прекрасные.
Вперед, «замысловцы», вперед!

2. Нижневартовск закалил наш дух,
Чтобы факел сердца не потух.
Стали мы в ЛИТО семьей одной.
Звездный мир открыт нам и земной.

3. Но к Парнасу нет простых дорог.
Бьет Пегас копытом: «В мир тревог,
В чудный край мечтаний и любви,
Там, где *ты* и *Муза* — визави» ...

4. «Замысел» - союз наш и оплот —
Творческим путем вперед ведет.
Звездный мир открыт нам и земной,
Стали мы в ЛИТО семьей одной.

Приве:

Вперед, «замысловцы», вперед:
Нас смена достойная ждет.
И все такие разные,
По-своему прекрасные.
Вперед, «замысловцы», вперед! (*неопубликованное*)

Так случилось, что Маргарита Кузьминична не дожила до 30-летнего юбилея «Замысла», но она всегда в мыслях наших с нами. Память возвращает меня в далекие 90-е годы 20 века.

Статная дама с королевским именем Маргарита переступила порог Нижневартовского нефтяного техникума (ныне — Нефтяной институт), где я работала преподавателем. Это была Маргарита Кузьминична Анисимкова. Она спешила на встречу со студентами. О встрече с ней мы знали, готовились и робели: дело не шуточное — настоящий, живой писатель, уже известный — такое не каждый день бывает.

Встреча в уютной техникумовской библиотеке получилась теплой. Ребята быстро освоились, уже свободно задавали вопросы писательнице.

Мне в тот раз Маргарита Кузьминична показалась суровой, но интересной собеседницей. Слушая ее рассказ о том, как в тяжелую годину отец спас свою семью от голодной смерти, перебравшись на Урал, я подумала: наверное, от отца характер у нее сильный, смелость перед трудностями, желание добиваться поставленной цели. Уходя, Маргарита Кузьминична подарила мне свое произведение «Ваули». Я не знала еще тогда, что судьба

пошлет мне новые встречи с ней, но уже в 21 веке. Она — известный писатель, и я — начинающий «желторотик» в литературе...

В писательский круг М. К. Анисимковой меня ввела Альбина Семеновна Кузьмина, руководитель «Замысла». Благодаря ей, я оказалась на квартире Маргариты Кузьминичны: готовился очередной номер альманаха «Зори Самотлора». В просторной, уютной квартире писательницы собрались поэты, писатели, художники. Маргарита Кузьминична сидела в кресле; она уже почти не выезжала на мероприятия: годы брали свое.

Я наблюдала за ней, старалась не пропустить ни одного слова. Разговаривала она спокойно, но с какой-то особой интонацией, так что хотелось непременно выполнить все ее советы, касающиеся писательского труда. Даже сквозь затемненные очки я чувствовала ее внимательный, острый взгляд, иногда изучающий, иногда — ироничный, но никогда не равнодушный. Она — человек той эпохи, «40-х-пороховых», к которому принадлежала и моя мама. Я улавливаю это сходство и стискиваю зубы, чтобы не расплакаться: своей твердостью, прямолинейностью, справедливой взыскательностью она живо напомнила мне мою мать, которую я недавно похоронила. Поразила меня также ясность ее мысли, пристальная внимательность к каждому из собравшихся, цепкость памяти. Дошла очередь и до меня: «Лексина... помню, помню. Ленишься — пишешь мало. Писатель настоящий рождается не от похвал, а от замечаний, критики. Я и сама люблю, когда режут напрямик».

Обратившись ко всем, строго сказала: «Ну что вы все пишете о любви? И о матери тоже, конечно, писать надо. Но ведь проблемы прошлого и настоящего тоже должны волновать писателя. И в прошлом России, в ее советском прошлом тоже много было хорошего. А полет Юрия Гагарина — великий сын был!» И меня это беспокойство ее мысли тоже поразило. Уходя от нее в тот день, я почувствовала себя и бодрее, и здоровее; настроение поднялось, хотелось работать. Но самая удивительная встреча была впереди...

Юбилей Маргариты Кузьминичны, ее 80-летие. Шумно и оживленно в квартире. Стол празднично убран, заставлен яствами. Знаменитые пироги. Настоящая хозяйка Маргарита Кузьми-

нична — талантлива и здесь. Чего стоят черносливы, начиненные орехами. Это же почти ювелирная работа...

Звучат поздравления в честь хозяйки-именинницы. Щиплет струны гитары поэт Акимов. Запели «Рябинушку». И так домашнему светло и уютно было. И снова не переставала я удивляться: в такой день, кажется, она имела полное право сосредоточиться на себе, на своей значительности. Не тут-то было... она видела всех, каждому уделяла внимание, не льстила никому. Как живо ухватывала прерванную нить разговора! Как умела видеть всех и каждого в отдельности... Обратившись ко мне, с улыбкой сказала:

— А ты знаешь: мы ведь с тобой землячки. Вон и Андреев из Урюма — тоже мой земляк! Я изумилась этому открытию:

— Не может быть! Как же так, Маргарита Кузьминична, Вы ведь, помнится, с Урала?

— На Урал отец привез семью, спасая от голода. А корни-то у меня волжские. Земляки мы! — уверенно, с улыбкой произнесла она.

В этот вечер между нами установились новые, особенные отношения, подобные родству. Маргарита Кузьминична дала понять мне, что будет рада общению со мной в любое, свободное для нее и меня время. По-матерински заботливо спросила: «А как у тебя со здоровьем-то? Муж-то не обижает? Будет обижать — не терпи. Не пропадешь. Жизнь — не только праздник. Работай — в этом спасение. Меня в семье научили стыдиться безделья». И снова — отодвинула себя на *второй* план, даже в такой день.

Я смотрела на нее и любовалась. Мне нравилась ее одухотворенная старость. Посмотрела на ее руки: ухоженные, бледные, с синими жилочками, с неизменным малахитовым перстнем на пальце. Такие маленькие... Но именно в них, может быть, сильнее всего чувствовался сильный характер...

— Маргарита Кузьминична, — собралась я с духом, — можно ли посмотреть вашу библиотеку?

— Пойдем, посмотри, — согласилась она.

С интересом рассматривала я комнату. Книги, книги стояли на полках из чистейшего дерева. Книги и цветы — безмолвные

свидетели неумолимого труда хозяйки. В тот день много полезных вещей узнала я от нее:

— Прочитала я твой рассказ про масленицу. Только что ты гостей-то «раскидала»: а ты собери их всех вместе за одним столом — там посмотрим, что за рассказ получится, — как бы мимоходом, без особого назидания сказала мне удивительная моя землячка. — Рассказ твой про лес мне понравился. Там замечания на полях, почитай.

Я слушала, боясь пропустить хотя бы одно слово, глядя на нее, как на волшебницу, а она продолжала:

— Глубоко надо проникать в суть того, о чем пишешь. Сердцем писать. Умело выбирать нужное слово, чтобы точно передать сущность предмета или человека. Ошибешься — пустое место. Многие ведь пишут об одном и том же. А надо найти свое «чуть-чуть» — вот тогда и состоялся как писатель...

До сих пор хранятся у меня эти рукописи с ее пометками на полях — память о наших незабываемых уроках-встречах.

Маргарита Кузьминична много внимания уделяла начинающим литераторам, являясь и другом, и координатором «Замысла». До конца жизни она была бессменным главным редактором альманаха «Зори Самотлора», при ее жизни было выпущено 10 номеров. В своем поздравительном слове, обращенном к землякам, в связи с 40-летием Нижневартовска, она сказала: «И все вокруг: великая Обь, жгучие ветра и лютые морозы, заливные луга и зыбкие болота, утренние туманы, гроздь рябин и поляны иван-чая, караваны пролетающих птиц, — воплощены в поэтические строки по мере своих дарований членами городского литературного объединения «Замысел», они славят людей труда, город в котором им интересно жить» [1, с. 6].

Наш «Замысел» выжил в самые трудные годы, когда закрывались многие литературные клубы в Югре... И сегодня продолжает творческую историю города: об этом говорят заслуги поэтов и прозаиков, которые являются неоднократно лауреатами губернаторских и Всесоюзных престижных литературных премий. А городской литературно-художественный альманах «Зори Самотлора» награжден на XII Международном Славянском литературном форуме Дипломом «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ», «За вклад в российскую и национальную культуру и развитие междуна-

родных отношений». (Президент МАЛО «Золотой Витязь» — Н. П. Бурляев).

«Замыслу» — покорения новых вершин!» [3, с.7].

Примечания

1. Анисимкова, М. К. Дорогие земляки! // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2012. — Вып.10. — С. [6].

2. Зуева, Т. Т. «Питомец муз и вдохновенья» // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2014. — Вып. 12. — С. 15.

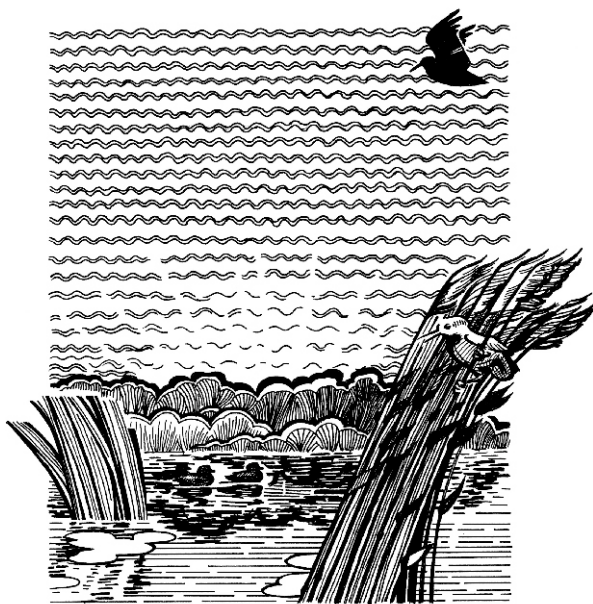
3. Ивлева, И. Е. «Замыслу» — покорения новых вершин! // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2014. — Вып. 12. — С. 7.

4. Лексина, Н. И. Юбилейное: стихотворение. Как часто бывает: эссе // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2014. — Вып.12. — С. 22.

5. Мизгулин Д.А. Дорогие друзья: приветственный адрес // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2019. — Вып.15. — С. 11.

6. Шевченко Сергей, Благодичный Нижневартовского городского Благодичия, настоятель храма Рождества Христова, протоиерей. Приветственный адрес // Зори Самотлора: лит.-худ. альм. — Нижневартовск, 2019. — Вып.15. — С. 10.

VIII. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

**Руководитель пяти школ
(очерк об Александре Алексеевне Шароглазовой)**

Заканчивалось лето 1968 года. В посёлке Нижневартовский готовились к новому учебному году: достраивали первую кирпичную школу, встречали первых учителей из разных регионов страны.

Из Тазовского района Ямало-Ненецкого округа приехала семья Шароглазовых. Александра Алексеевна, учитель со стажем, коммунист с 1958 года, по призыву партии, для укрепления кадров народного образования, ещё три года назад уехала осваивать Крайний Север вместе с мужем и двумя маленькими детьми. Работала директором интерната ненецких детей. Их осенью собирали с пастбищ по тундре. Старший сын Шароглазовых был единственным русским ребёнком в школе. Когда подросла дочка, Шароглазовы решили переехать в Нижневартовск, где нужны были опытные наставники для молодых учителей.

Семилетняя Верочка искренне завидовала своей подружке, тоже дочке учительской семьи, потому что Шароглазовых поселили в маленькой комнатке-кабинетике деревянной двухэтажной школы, а семью Ниночки Преймачук и ещё несколько учителей — в спортзале на матах, огороженных друг от друга занавесками.

В «шикарном жильё» со шведской стенкой и гимнастическими снарядами учительские семьи прожили недолго. В декабре строители сдали деревянный двенадцатиквартирный дом по улице Нефтяников. Это были настоящие квартиры! Хотя в них не было водопровода и канализации, а только стены-брусья, из которых торчала пакля. Новосёлы сами штукатурили и белили

стены. Да разве испугаешь такими проблемами настоящих сибиряков, с детства закалённых трудностями?

Родилась Александра в 1934 году, девятым ребёнком в семье рабочих в городе Заводоуковске Тюменской области. В школе была активисткой, спортсменкой, мечтала стать биологом или агрономом. Но не цветы пришлось растить Александре. Абитуриентов, показавших отличные знания на вступительных экзаменах в Ишимском учительском институте, безоговорочно записывали на физико-математический факультет. Так стала Александра Алексеевна учителем математики. По республиканскому распределению успешную выпускницу направили на работу в Читинскую область, в деревню на границе с Китаем. Там молодая учительница Александра встретила своего будущего мужа Ивана, с которым потом вернулась в родной Заводоуковск. Работала в школе и решением коллектива учителей была выбрана директором первый раз в своей педагогической практике. Всего в жизни Александры Алексеевны было пять школ, которыми она успешно руководила.

Согласно записям трудовой книжки Александра Алексеевна Шароглазова с 1968 года работала учителем восьмилетней школы, с 1969 — заместителем директора школы № 2, с 1971 по 1973 — директором школы № 3 в деревянном исполнении. Из воспоминаний Валентины Александровны Киприной, выпускницы 1971 года: «Самотлорское месторождение активно осваивалось. В Нижневартовск приезжали опытные специалисты нефтедобывающей отрасли и учителя. Педагоги готовили нас, старшеклассников, к поступлению в институты: вели факультативы, более углублённо раскрывали темы по физике, химии, математике. Все ребята нашего класса стали студентами разных вузов. Две девочки — Оля Шереметьева и Катя Петрова — поступили в педагогический институт и стали учителями. Мне кажется, что на их выбор повлиял образ Александры Алексеевны, которая была для нас образцом для подражания. Всегда собранная, аккуратная, вежливая. Не помню, чтобы кого-то она ругала».

«Александра Алексеевна обладала необыкновенной женской харизмой, как бы не было трудно, у неё было всегда хорошее настроение, даже если что-то шло не так, она могла решить про-

блемы легко, беспристрастно и всегда учила этому нас», — вспоминают учителя-коллеги.

В качестве директора Александра Алексеевна Шароглазова открывала Нижневартовские школы-новостройки №9 и №13, более пяти лет работала секретарём исполкома Нижневартовского городского Совета. А в трудовой книжке — десять заполненных страниц в разделе «Награды и благодарности».

Каждый человек понимает, что не просто быть директором школы, а новой школы — сложно вдвойне: подобрать педагогический коллектив, организовать систему учебной и воспитательной работы. На сайте школы №13 читаем: «За период руководства школой Шароглазовой Александрой Алексеевной (1983-1986) была проведена большая работа по благоустройству здания и прилегающей территории. В школе оборудован малый спортивный зал, кабинет компенсирующей гимнастики, стал действовать бассейн, начала работать школьная теплица».

За потрясающую работоспособность друзья называли Александру трудоголиком. Дочь Вера вспоминает: «Мама много работала. Когда я училась в старших классах, мы часто с младшим братишкой ходили её встречать. Часов до девяти-десяти вечера она была в школе. А дома среди ночи проснёшься, а мама ещё сидит окружённая стопками тетрадей, проверяет домашние задания, контрольные, пишет планы. Для меня мама была самой лучшей подругой и мудрой наставницей».

Своей Верочке, студентке-первокурснице в Томск Александра Алексеевна напишет: «Дорогая, любимая моя, особенно заостри внимание на режиме, учёбе и не растрачивай свою естественную красоту и скромность, не старайся подражать современности. Не забывай о здоровье, оставляй время на разумный отдых и не обходи людей — изучай, анализируй, смотри, сравнивай и не торопись с чувствами». Александра Алексеевна Шароглазова была чрезвычайно требовательна к себе и подчинённым. Не терпела неорганизованности, некомпетентности, неисполнительности и казёнщины в работе. Человек интеллигентный, она никогда не повышала голос, но умела убедить логикой своих суждений и аргументами.

В автобиографии А. А. Шароглазова 23 ноября 1987 года пишет: «Где бы ни работала, всегда вела общественную работу:

была пропагандистом различных семинаров в Институте политического просвещения — 20 лет, в Университете наставников молодежи — 5 лет, депутатом поселкового, городского Совета более 13 лет, Нижневартковского городского Совета народных депутатов — 10 лет, председателем постоянной комиссии по делам молодежи Нижневартковского городского Совета народных депутатов»

При внешней строгости и суровости Александра Алексеевна была внутренне очень мягким и добрым человеком. Ее побаивались, но любили и уважали. Ей удавалось много времени посвящать работе и при этом всегда быть в форме, отлично выглядеть в любой обстановке. «Талантливый человек талантлив во всем, — вспоминает племянница Александры Алексеевны. «Тётя отлично готовила, всегда со вкусом одевалась. Сама шила себе изысканные наряды. Это удивительно, но даже когда она узнала, что тяжело больна, и по вердикту врачей, жить ей оставалось недолго, Александра Алексеевна не ныла, не жаловалась, сконцентрировалась, сделала всё возможное, чтобы прожить дольше, успеть доучить младшего сына».

В Нижневартовске немало людей, которые всегда будут благодарны Александре Алексеевне за то, что в критических ситуациях, проникаясь чужой болью, она помогала знакомым и незнакомым людям не только умным советом, но и самым активным участием в разрешении проблем. Жена старшего сына, Татьяна Васильевна Шароглазова, вспоминает: «Мы с мужем жили в семье его родителей. Однажды поздней осенью в дверь позвонили. Открыла хозяйка. На пороге стояла девушка с маленьким ребенком. Оказалось, что она прилетела к мужу, в аэропорту ее никто не встретил, адреса она не знала. Александра Алексеевна гостеприимно приютила молодую маму, сама через милицию два дня искала ее мужа. Это ли не пример душевности и человечности?».

В 1970 году Александра Алексеевна Шароглазова была награждена юбилейной медалью «За доблестный труд, в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». По решению облисполкома от 25.06.1984 ей вручили медаль «Ветеран труда», в 1985 году — знак «Отличник народного просвещения».

Учительство — это призвание и подвиг. В истории городской образовательной системы Нижневартовска Александра Алексеевна Шароглазова — одна из руководителей, достойная памяти горожан, тысяч благодарных учеников, родителей и учителей.

Примечания

1. Автобиография А. А. Шароглазовой / семейный архив В. И. Константиновской.

2. О школе // МБОУ «СШ № 13 с УИОП»: [официальный сайт]. — URL:<https://shkola13nizhnevartovsk-r86.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 27.08.2025)

В. Ф. Струсь

Мифы и легенды села Зенково (отрывок из краеведческого повествования «Летопись села Зенково и окрестных деревень»)

Село Зенково в Ханты-Мансийском районе истари славилось не только его обитателями, но и своим удобным месторасположением на карте района, заливными сенокосными лугами, богатыми охотничьими и рыболовными угодьями. Но бег Времени неумолим... Сегодня Зенково может похвастаться разве что обилием легенд и мифов (более десятка). Об одном из них хотелось бы поведать интересующимся историей Ханты-Мансийского района и округа.

Юбилей — это чьё-то начало...

16 июля 2022 г. в селе Зенково Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры состоялся V юбилейный сбор земляков-зенковцев всех поколений, посвящённый 295-летию юбилею со дня образования нашей малой родины — с. Зенково. Вероятно, по при-

чине «ковидной» неопределённости и различных ограничений, связанных с этой напастью, не все земляки смогли посетить родину своих предков, своего детства. Но, несмотря на все происки «короны», некоторые просчёты и финансовые трудности организаторов, юбилей состоялся. Программа юбилея села была спрессованной, насыщенной и яркой.

Безусловно, самым значимым событием прошедшего юбилея было открытие установленного накануне памятного знака (камня) основателям села — ямщикам, братьям Пачгановым.

Присутствие на освящении священнослужителей: благочинного Ханты-Мансийского благочиния протоиерея Сергия Кравцова и настоятеля Шапшинского храма иерея Евгения Набокова, освятивших памятный камень, придало нашему мероприятию особую значимость и торжественность.

К сожалению, ограниченность сборника не позволяет осветить все пункты программы юбилея, и потому подробнее остановлюсь только на открытии памятного знака.

Дела давно минувших дней...

Почему я решил остановиться на этом пункте? Дело в том, что я — уроженец села Зенково и являюсь автором эскиза и инициатором установленного памятного камня. И прежде всего установлением этого знака преследовал две цели: во-первых: увековечить и воздать дань памяти основателям села Зенково — братьям Пачгановым, во-вторых, этим знаком поставить жирную точку в преумножающих легендах и домыслах об основателях нашего села. Речь идет о некоем мифическом купце «Зенкове», якобы одним из основателей нашего села, в честь которого и была названа деревня. Такая недостоверная информация, неподкреплённая архивными документами и искажающая историю нашего села, в последние 15 лет нет-нет да и появляется на страницах газет, книг, телеэкранах и просторах Интернета. В поле моего зрения попало 9 печатных источников, не считая интернет-ресурсов.

Историей своей малой родины — села Зенково — я занимаюсь с 2001 г. и по сей день. И досадно порой читать строки людей, даже не бывавших в Зенково, и самоуверенно выдвигающих свои легенды и домыслы по его истории. К сожалению, этому заблуждению оказались подвержены как любители, так и из-

вестные мастера пера и краеведения. От ошибок никто не застрахован, и я грешен, но стараюсь давать затем опровержения о своих промахах. Как кто-то сказал: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Надо пытаться, как можно бережнее и осторожнее относиться к нашей истории.

Написанному — не верить!

А теперь перейдем непосредственно к легендам и мифам от агентства «ОБС» (Одна Бабушка Сказала), опубликованных в печатных СМИ в период 2003—2017 гг. Самый распространённый среди них — «мифический купец Зенков». Цитирую:

1. *«Село Зенково, основанное, по известной легенде, в середине XVII века ямщиками Зенковым и Пачгановым...»*

2. *«По одной версии название села произошло от фамилии поселившегося здесь купца Зенкова...»*

3. *«...бытует легенда, согласно которой деревню основали ямщики Зенков и Почеганов, при этом они договорились между собой, что по одному из них будет названа деревня, а фамилию другого будут носить все её жители»*

4. *«...деревня получила название по имени купца Зенкова»*

5. *«Как рассказывают старожилы, первым в селе поселился именно купец...»*

Вот такие милые легенды о нашем селе кочуют по страницам печатных изданий и на телевизионных экранах. Попытаемся их развенчать...

Во-первых, прежде всего, следует пояснить, что ни в Зенково, ни в Селиярово, ни в Конево, ни в юртах Нялинских, сёлах нашего Ханты-Мансийского района никогда не проживали настоящие гильдейские купцы. «Купцами» в этих деревнях и юртах Самаровской волости местное население называло зажиточных торгующих крестьян: Бобылева — Рязанцева — Конева — Киселева.

Настоящим купцом II гильдии, имевшим купеческое свидетельство, подтверждённое архивными документами, являлся в Самаровской волости рыбопромышленник Федор Константинович Соскин (08.02.1848—08.05.1915), проживавший в с. Самаровском и торговавший в северных регионах Тобольской губернии [1, л. 106 об.; 2, л. 82-88; 9, с. 275].

Во-вторых, ни в одном печатном издании, вышедшем как в дореволюционное время, так и в наши дни, посвящённом старожильческому населению Самаровского яма периода 1637—1917 гг., фамилия «Зенков» не упоминается.

Также не значится эта мифическая фамилия в просмотренных мною ревизских сказках-переписях населения деревни Зинковой за период 1747—1858 гг., а также в Первой Всеобщей переписи 1897 г. По сути говоря, я искал то, чего на самом деле никогда не существовало. И всё-таки для порядка, в азарте поиска, отработал и эти варианты...

Так почему же деревню стали называть Зенково, а не Захарово или как-то еще иначе? Оказывается, ларчик просто открывался. Еще в 2003 г. на страницах окружного журнала «Югра» я почти подобрал ключик к этому ларчику. Но из-за отсутствия архивных доказательств не был полностью уверен. Спустя почти 20 лет, когда эти доказательства у меня появились — ларчик открылся! И обо всем этом ниже, кратко, но последовательно.

Чья деревня-то... ?

Начнем с небольшой реконструкции исторических событий. Тёплым июльским утром 1740 г. по могучей Оби проходил небольшой караван лодочных судов под парусами. Рассматривающий в подзорную трубу окрестные берега на головной лодке крепкий, коренастый мужчина, заприметив на яру бревенчатые избы, велел пристать к берегу.

На ломаном русском языке незнакомец обратился к рыбаку в линиялой штопаной рубахе, перебирающему развешанные на вешалах рыболовные сети: — *Хозяин, как называть этот деревень?*

Бородатый рыбак, не вынимая изо рта сигарки, процедил сквозь зубы:

— *Как? ...Однако ж, Зинке, то бишь Зиновею Пачганову приписаны избы.*

Последние слова утонули в собачьем лае своры охотничьих собак, выскочивших на берег и облаивающих приставшие к берегу лодки.

— *О, майн гот!* — недовольно нахмурился незнакомец. — *Унять твой собак!*

— *Кыш, каналы!* — насупив брови, незлобливо гаркнул хозяин на собак. Собаки притихли. Незнакомец вновь обратился к рыбаку: — *Я тебя спрашивать — Чей этот деревень?*

— *Ты чо, глухой, чо ли?* — поморщился хозяин собак. — *Я ж тебе гутарю — Зинкова!*

Так ли это было на самом деле? Может, в чём-то и так, а может, совсем по-иному. Но это не так важно, потому как далее события развивались только документально. Пытливым незнакомцем оказался никто иной, как академик, член Петербургской Академии Наук, историк-исследователь Герард Фридерик Миллер, следующий в составе отряда Второй Камчатской экспедиции. Во время своего 10-летнего исследовательского путешествия по Сибири летом 1740 г. он посетил и описал местонахождения многих селений Самаровского ведомства. 7 июля 1740 г. в его путевом дневнике появилось первое упоминание о Зенково, как о деревне. «*Деревня Зинкова, или Зиновьева, на левом берегу, в 2-х верстах от Неулевой и в 10 верстах от Чебыковых юрт. Имеет 2 ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму*» [10, с. 67].

Жили-были Зинка с Терёхой

Мне думается, комментарии тут излишни, но для полного закрепления повторяю и добавлю — нам известен один из первых ямщиков Самаровского яма — Зеновий (Зиновий), он же Зинка Пачганов. Склоняем «Зинку», согласно говора тех лет. Чья — Зинкова! Вот и вся разгадка. В результате прижилось название деревни по имени, а не по фамилии первого поселенца. И это не единичный случай наречения деревни по имени ямщика в тогдашних селениях Самаровского ведомства.

Ярким примером тому служит деревня Сумкина (ныне исчезнувшая), что находилась в 17 километрах от д. Зинкова. В списке населённых мест Тобольской губернии за 1868—69 гг. она официально записана как «Сумкина (Терёхина)». Также в документах по Тобольскому уезду нередко встречаются местные уличные названия деревни: Терёхина-Терёха-Терёшкина. И ещё при Советской власти в списке населённых пунктов Коневского сельсовета деревня была указана как *Сумкина (Терёха)* [12, с. 30].

Откуда же возникло местное название? И в этом случае разгадка также элементарно проста. Одним из первых ямщиков Самаровского яма среди прочих значится Андриюшка Офанасьев, сын Сумкин. При подворной переписи жителей слободы Самаровского яма за 1710 г. среди 154 дворов записан двор его сына — 50-летнего Федора Андреевича Сумкина и его четырех детей, среди них сын — Терентий 15 лет [8, с. 21].

Задолго до этой переписи, ещё в 1687 г., остяки Темлячиевской волости заложили ямским охотникам Андрею Афанасьевичу Сумкину с товарищами свои вотчинные земли [6, с. 61-163]. В случае невыкупа по истечении срока те земли переходили в собственность Андрея Сумкина. Так и случилось. И земли перешли в руки ямских охотников...

С той поры стали селиться на этих землях потомки Андрея Сумкина. По результатам переписи душ в селениях Самаровского ведомства за 1747 и 1763 гг. в деревне-однодворке Сумкиной значилось одно единственное ямщицкое семейство [7, л. 28-28 об.]. Хозяином двора являлся Терентий Федорович Сумкин, ок. 1695 г.р., он же Терёха, он же внук того самого Андрея Афанасьевича Сумкина.

В 1728 г. в собственность Терёхи перешли земли, заложенные остяками Шапшинских юрт. Вот так и возникла деревня Сумкина, она же Терёхина. Но вернёмся на зенковские земли и совершим небольшой исторический экскурс к событиям, предшествующим первой записи о д. Зинково.

Всё это им принадлежит вначале...

С 1637 г. (по другим данным с 1635) началось заселение Самаровского яма «прибранными» людьми с севера европейской части России (Соль Вычегодской, Чердыни, Соли Камской земель). Судя по архивным документам, ямщиков с фамилией «Пачганов» среди первых жителей слободы (более 50 человек) Самаровского яма не значилось. Но уже через 30 лет, в 1667 г. (по другим данным в 1679—1680 гг.), в документах Сибирского Приказа среди прочих ямщиков Самаровского яма указаны «...Андриюшка и Зинка Пачгановы» [6, с. 185]. Те самые Андрей и Зиновий Пачгановы — будущие основатели деревни Зинковой.

Из каких конкретно мест прибыли в Самаровский ям братья Пачгановы установить не удалось.

Судя по архивным документам, вплоть до 1727 г., ямщики Пачгановы проживали в слободе Самаровского яма. В переписной книге Льва Поскочина населения слободы Самаровского яма за 1683 г. среди ямщицких дворов указан двор ямщика «*Зиновко Васильева сына Пачганова. У него дети: Мишка десяти лет, Бориско ш[ес]ти лет, Якунка трех лет*» [8, с. 195.].

В январе 1700 г. ясашные остяки Темлячиевской волости заняли в голодное время у охотников Пачгановых Андрея Васильевича и Зиновия Васильевича пять рублей. А под эти деньги заложили они свои вотчинные земли. И ежели они эти земли в срок не выкупят, то все угодья переходят в собственность Зеновия и Андрея Пачгановых [6, с. 171-172].

В 1710 г. при подворной переписи жителей слободы Самаровского яма были записаны в переписную книгу три двора ямщиков Пачгановых: 1) Зеновея (Зиновия) Васильева Пачганова 65 лет с семьей: жена Елена, дети — Трифон, Борис, Яким (Еким). 2) Двор старшего сына Зиновия — Михаила 44 лет со своей семьей. 3) Двор сына Андрея Васильевича Пачганова (младшего брата Зиновия) — Бориса 12 лет, проживавшего с матерью, вдовой Ариной Осиповной Пачгановой и двумя сестрами. Из этой записи следует, что младший брат Зиновия к этому времени уже ушёл из жизни [8, с. 220, 222].

В 1727 г., согласно общеизвестному факту из книги Хрисанфа Лопарева, заложенные остяками земли, которые сегодняшним административным делением определяются как село Зенково, перешли в собственность детей Зиновия — Михаила и Екима, и Бориса — сына Андрея [6, с. 171-172].

Надо заметить, после 1727 г. след Бориса Андреевича теряется. И последующие потомки рода Пачгановых ведут свое начало только от Зиновия Васильевича Пачганова.

Исходя из закладной записи, узаконившей зенковские земли за братьями Пачгановыми, годом рождения деревни следует считать 1727 год от Рождества Христова. А первые избы в деревне были поставлены в период 1727—1731 гг. [6, с. 22]. Хотя вполне возможно, ясашные остяки, заложившие Зиновию и Андрею свои вотчинные земли, могли позволить им рыбачить и охотить-

ся на этих землях. А охотники Пачгановы могли поставить для проживания какие-то временные зимовья.

Такие вот события предшествовали первой записи в дневнике академика Г. Ф. Миллера о появившейся на Обском Севере деревне Зинковой.

В деревне то было, в Зинковой...

По ревизской переписи душ 1747 г. в д. Зинковой в четырех хозяйствах было переписано 13 душ: 12 человек проживало в 3 ямщицких семействах рода Пачгановых, и отдельно проживал поселившийся в деревне самаровский ямщик Иван Степанович Милков (умерший в 1755 г.). Хозяевами дворов рода Пачгановых являлись прямые потомки Зиновия: его 63-летний сын Еким и два внука Зиновия, имеющие свои семьи: Козма Михайлов 38 лет, Федосей Екимов 34 лет. Внук-боббль, 32-летний Тимофей Борисов проживал отдельно.

Очередная ревизия душ 1763 г. выявила в д. Зинковой пополнение рода Пачгановых на 18 душ. За прошедшие 15 лет умерли: последний сын Зиновия, и его старшие внуки, но подросли и обзавелись своими семьями уже его правнуки. В деревне в 4 дворах числилось 30 душ: 17 душ «мужеска» пола и 13 душ «женска» пола [7, л. 30 об.-31 об.].

В 1795 г. в 10 дворах — уже 69 душ. В 1850 г. — в 12 семействах 113 душ рода Пачгановых. Наибольшее количество членов семьи — 18 домочадцев было выявлено у Пачганова Михаила Ивановича [3, л. 104-110 об.].

Суровые обские воды год за годом подмывающие берег и сметающие постройки, вынудили потомков первопоселенцев вынашивать планы переселения. В период 1853—1868 гг. они сменили место жительства и переселились с р. Обь (из «Старой деревни») на новое место на протоке Неулевой, где и укоренились на нынешнем месте села [6, с. 57-58].

На протяжении многих лет в деревне, начиная с её основания, будут проживать только представители рода Пачгановых. Лишь в переписи 1858 года среди 125 душ будет указан административный ссыльный Петр Андреев, определенный тобольскими губернскими властями в деревню на поселение [4, л. 137-142].

Как и заложено природой, пополнение рода Пачгановых происходило не без участия прекрасного пола. В жены зенковские ямщики обычно брали невест из близлежащих деревень: Скрипуново, Сумкино, Конеево, Спирино. Немало суженых было взято из казачьих родов г. Сургута. Но основным поставщиком невест являлась Самаровская слобода. Родившихся от браков дочерей Пачгановы выдавали замуж за самаровских ямщиков, сургутских казаков и за ямщиков окрестных деревень.

Начиная с 1860-х гг., пришлый люд начинает теснить род Пачгановых. Первая Всеобщая перепись Российской империи 1897 года выявила в д. Зенковой 22 отдельных хозяйства рода Пачгановых и 12 дворов инофамильцев: Бобылева-Кузнецова-Захарова-Дюкова-Першина-Конеева и др. [5, л. 2-13.]. Тем не менее, многие годы спустя и далее, в советский период, Пачгановы продолжали оставаться преобладающим и неиссякаемым родом деревни.

Что же касается основанной ими деревни, то «прозвание» её с годами трансформировалось. С 1740 по 1917 г. в различных архивных документах она записана как: *Зинкова* — *Зиновьева* — *Зинькова* — *Зенькова* — *Зенкова* — *Зинковская* — *Зенковская*. Как многогранен и гибок наш русский язык!

Надо заметить, единожды в справочной книге «Список населённых пунктов Тобольской губернии за 1868-1869 гг.», деревня Зинькова была удостоена чести быть названной по фамилии её перво жителей [11, с. 31].

Но и тут не обошлось без досадного человеческого фактора. Либо писарь толком не разобрал почерк оригинала, либо издатель при печати намудрили. В результате появилась *Зинькова (Пажганова)*, она же *Скрипунова*. Таких нелепых и досадных опечаток в печатных изданиях и дореволюционного и сегодняшнего времени пруд-пруди: Сумкино-Сункина, Конеева-Конова, Селяровское-Семяровское, выс. Городищенский-Горобшунский и т.д.

После Октябрьской революции 1917 г. деревня выделилась из состава Самаровской волости в самостоятельную Зенковскую волость и получила статус села — с. *Зенковское (Зинковское)*. В списке населённых пунктов за 1926 г. было навсегда закреплено нынешнее название — село *Зенково* [12, с. 30].

Хотелось бы надеяться, что эта статья встретится корреспондентам, пишущим статьи и книги к юбилейным датам Ханты-Мансийского района, и легенда о мифическом «купце Зенкове» будет наконец-то развеяна.

К сожалению, это не единственный миф об истории нашего села. В настоящее время в ходу на просторах Интернета гуляет еще один ошибочный и бездоказательный вымысел о месте нахождения в былые времена в нашем селе заезжего постоянного двора. Пришлось и с этим недоразумением разбираться.

Время ставить камни

На сегодняшний день в с. Зенково еще продолжают проживать несколько единичных и дальних по родству потомков рода Пачгановых. Но прямые потомки основателей деревни регулярно в дни юбилеев деревни продолжают возвращаться на родину своих предков. Были таковые и на этом 295-летнем юбилее. И хотя у многих потомков Время безжалостно стерло с лица деревни их родовые родительские дома, зов малой родины неуомлим.

Надеюсь, что установленный памятный знак лишний раз напомнит им о своих корнях, пробудит в душе ощущения чувства гордости и предоставит возможность хотя бы к памятному камню возложить полевые цветы. Возможно, узнав об установленном памятном знаке, представители рода Пачгановых, проживающие в городах и всях нашей страны, хотя бы в дни юбилеев села потянутся на родину предков.

Жителям нашего округа и Ханты-Мансийского района, да и всей Тюменской области хотелось бы пожелать: если в вашем населенном пункте еще не увековечена память об основателях этого поселения и имеются неопровержимые архивные доказательства основания, вы можете попытаться как-то посущественнее увековечить этот факт. Ведь человек может считаться бессмертным, если кто-то из потомков оставит память о нем, его делах: будь то в книгах, в названиях улиц, в мемориальных досках, памятных знаках...

В заключение надо отдать должное главе сельского поселения Шапша (в состав которого входит и Зенково) Овчерюковой Любове Алексеевне. Это её нелёгкими стараниями на благо потом-

ков, в предельно сжатые сроки, на земле Зенковской появился памятный камень первопоселенцам деревни. И если бы каждый из руководителей на своём месте так отзывчиво, заинтересованно и с пониманием относился к сохранению памяти предков, то в наших семьях в обществе, возможно, было бы несколько иное отношение к нашей истории, к старшим поколениям. И хорошо бы не запоздать ... Как там у Беллы Джордан? *«Мы уйдём, а наши правнуки не заметят, что мы были...»*.

Примечания

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И156. Оп.15. Д. 454. 281 л.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И154. Оп. 20. Д. 2438. 97 л.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 154. Оп. 8. Д. 78. 124 л.
4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И154. Оп. 8. Д. 812. 176 л.
5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 475. 47 л.
6. Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень: Софт-Дизайн, 1997. — 262 с.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2901. 39 л.
8. Русское старожильческое население Югры. — Москва: Галерея, 2007. — 591 с.
9. Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву / ред.-сост. В. К. Белобородов. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — 294 с.
10. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Берёзово.1740. — Екатеринбург: Волот, 2006. — 407 с.
11. Список населенных мест Российской империи. Тобольская губерния. — СПб., 1871 // Национальная электронная библиотека: [официальный сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_gc_1343418/ (дата обращения: 28.08.2025).
12. Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа Уральской области на 1 октября 1926 год. — То-

больск, Издание орготдела окрисполкома, 1926 // Национальная электронная библиотека: [официальный сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000185_000116_120/ (дата обращения: 28.08.2025).

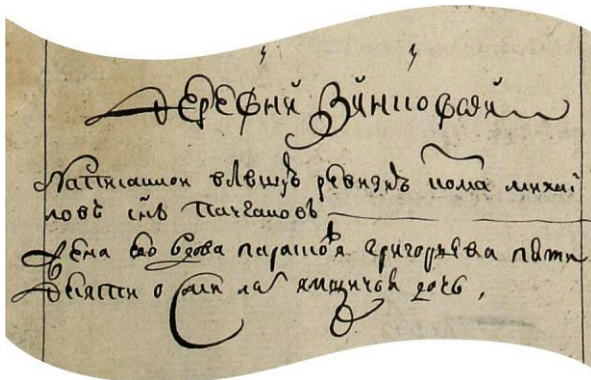
Изобразительный ряд из коллекции автора

Владимир Струсь — инициатор установки памятного камня основателям деревни. с. Зенково, 16 июля 2022 г.

**Виктор да Ольга — дети Якова Михайлова сына Пачганова
(прямые потомки по мужской линии основателя
с. Зенково — Зеновия Пачганова). 16 июля 2022 г.**

**Фрагмент переписного листа ревизской сказки
переписи душ 1763 года по д. Зинкова**

Остатки деревянного зодчества с. Зенково. 2022 г.

Д. Д. Шлябин

Вырасти сад на Севере!

Цветущий сад — одно из прекраснейших явлений средней полосы России! *«Лучше нет4у того цвета, когда яблоня цветёт»*, — поётся в советской песне. Действительно, кто видел этот благоуханный бело-розовый мир, тот сохранит его в своей памяти навсегда. Трудно сказать, сколько песенных и сказочных образов связал с этим удивительным деревом человек на протяжении своей истории.

Но в нашем Нижневартовском районе, где реликтовые вечные мерзлоты встречаются на глубинах до 700 м, а зимнее промерзание почвы до 1 м, яблоне — дереву зоны смешанных лесов — в дикой природе Севера не нашлось места. В прошлые геологические времена будущая река Обь понесла свои воды вдоль мощных ледников, с востока на запад, до Иртыша. Наша природа —

зона тёмно-хвойной тайги, болот. Даже на 100 км южнее природа уже отличается более крупным лесом и большим видовым разнообразием растений. В природе соседнего Александровского района произрастает дикий лук (колба), пион уклоняющийся (марьин корень), чалмовидная лилия, ирис и многое другое, что удивляет. Север всегда поражает, чаще приезжих: то красными томатами в огороде в августе, то посадкой картофеля в июне или в июле и тем, что эта культура успевает вырасти, а главное, вызреть. Продолжительный световой день во благо всему живому при нашем недолгом лете.

Да, северяне хорошо научились огородничеству. Ещё век назад наш знаменитый лесничий так называемой огромной лесной территории — Сургутской дачи — А. А. Дунин-Горкавич, разъезжая по Северу, дарил людям наборы огородных семян, помогая кормить семьи продуктами земледелия. В годы советской власти в деревнях работали грамотные агрономы. И уже в 1950-е гг. жители с. Покур Сургутского района и п. Лекрысово Ларьякского (с 1962 г. Нижневартовского) района — специалисты высоких урожаев, работники колхозов — направлялись в Москву на ВДНХ. Вольные и невольные переселенцы и в 1930-е гг., и позднее привозили с родины на Север садовые сорта малины. До войны северяне выращивали некрупные арбузы, с войной генофонд был утерян — было не до арбузов.

С освоением Приобья геологами, нефтяниками, в нашем посёлке Мегионе стали выращиваться новые культуры. Так, в 1966 г. в огороде ветврача Малыхиной, на грядке появилась ягода, о которой ходили разговоры знатоков: «*В стакан три не влезут — морошке не чета...*». То была садовая земляника Фестивальная. Она хорошо прижилась, и по сей день — это один из приятных и выносливых сортов, выведенный в 1957 г. в честь проходившего тогда в СССР Всемирного фестиваля молодёжи. В 1969 г. сосед Малыхиных А. Шмырёв получил через Посылторг новые сорта земляники, её часто зовут не земляника, а по первому выведенному сорту в Англии — виктория. В народе викторию ошибочно называют клубникой. Экзотикой смотрелись при общественных заведениях, школах, клубах, почте подстриженные кусты жёлтой акации. Отдел культуры предписывал посадку этого красивого кустарника. В деревне в палисадниках под ок-

ном с культурными цветами, люди чаще садили рядом для красоты калину, для тени да на радость птицам — черёмуху и рябину. Бузину не признавали... У старожилов Зыряновых, Малкиных в июле под окном стоял аромат краснеющей зрелой дикой земляники. Её не часто можно встретить в природе. Знакомство с фруктами в основном было по картинкам, букварю, сказкам, кинофильмам, да за столом через прекрасные вкусные консервы: варенье и компоты тех лет. Один раз в год привозили большие и очень ароматные китайские яблоки. С другой баржей появлялись арбузы. Лук и картошка прибывали вместе. Со строительством рабочего посёлка открылось еще несколько магазинов, снабжение населения продуктами, а также овощами и фруктами стало вполне нормальным. Дети уже могли познать вкус многих плодов не только по вкусным консервам или школьным компотам из сухофруктов. Два-три сорта яблок на прилавке с 1961г. плюс лимоны и мандарины стали обычным продуктом.

Но душа взрослых, тех, кто вырос в окружении садов, требовала большего — росла бы яблонька да радовала хотя бы цветом, и пусть не сказочными «молодильными», но яблоками, да напоминала бы кому-то Урал, кому-то Белоруссию или *рідну Країну*, приедем или прибывшим — Большую землю. Северяне не признавали понятие «Большая земля». Да, в 1950—60-е гг. в соседнем районе, выше по Оби, в Александровском, в Колпашево в парках росли дички. Случалось иногда — в родной п. Мегион кто-нибудь в начале лета сходил по трапу парохода с розоватым букетом цветущей яблони. Эко чудо! Обступят женщины, вдыхают аромат, да вспоминают, как в старину бутоны вплетались в свадебный венок. Свадьбы чаще играли по осени, когда природа одаривала всё живое новым урожаем. Но, бывало, ведь и *«уж замуж невтерпёж»*, то есть свадьбы происходили весной. По осени в венок невесты приходилось вплетать бутоны, как символ чистоты, не живые, а изготовленные из ткани или бумаги. И даже на весенние праздники, к 1 или 9 мая, на листочками проросшие ветки берёз наши девочки по чутким руководством учителей пришивали тряпичные, накрахмаленные, розовые бутоны-цветочки. Смотрелись как живые! Первая невеста-яблонька появилась в деревне Мегион у весёлого мужика Василия Сироткина, для нас он был дядей Васей. Скучал он по Мор-

довии, по чудным волжским садам, взял, да и привёз в 1970-е гг. саженец яблоньки. Прошло лет пять — и чудо произошло: она зацвела и осенью дала красные, небольшие плоды. Говорят: *«Чудо — три дня!»*. Черёмуха цветёт дня три, а яблонька дней пять цвела. Вот тут-то соседи да мегионцы, проходившие мимо в конец деревни, в сторону кладбища, повалили к двухэтажному домику поглядеть на цветущее дерево. Какое чудо!!! Кто-то наслаждается его ароматом, другие вспоминают былое, фотографируются на его фоне, многие уносятся душой в детство... А кто-то и слезу смахнёт. Хозяин же счастливый сидит, улыбается, да к случаю у него анекдот на тему имеется: *«Спрашивают ханта, есть ли у них фрукты. На его вопрос, что это такое, объяснили, что это очень вкусное... на деревьях растёт. Обрадовался: «А, есть на деревьях: белка, бурундук!»*

Дядя Вася во многом был первым. Он первый в Мегионе соорудил шлакобетонный дом. У северян был привычный материал — дерево. Первым из жителей колхозной части Мегиона приобрёл телевизор в далеком 1966 г. Освоил изготовление антенны, а это: укрепление её на крыше, нужный поворот, угол, проводка кабеля в дом через сквозное отверстие в стене. Со всем этим он справлялся. Сам шутил: *«Я инженер-сквозняк, у меня есть всё, и время имеется»*. И брался вручную плотницким буровом сверлить в стене отверстие. Этот бескорыстный человек стал мастером-настройщиком телеантенн. И с десяток лет был самым востребованным человеком в деревне. На телеантенны шли у него и проволока, и алюминиевые прокладки дизелей, и многое другое. Да ещё он освоил более тонкую настройку экрана. Не снимая задней крышки «телека», «предлиннучими» отвёртками добивался регулировкой внутри хорошего изображения, как мы слышали от него — по вертикали и по горизонтали.

Прошло лет двадцать, и п. Мегион стал городом, а с экранов уже цветных телевизоров часто слышали от авторов-перестройщиков знакомое: *«по вертикали и по горизонтали, процессов как негативных..., так и..., скажем, позитивных»*. Нетрудовые доходы. Ускорение. Продовольственная программа. Позитивное — люди потянулись к земле. Нет, не голод заставил — захотелось гармонии, тишины, своего уголка в жизни. Да и первая волна рабочих геологии, нефтяников, подуставшая после трудовых по-

двигов, подошла к пенсионному возрасту. Дачное движение мегионцев — прекрасное явление 1990-х гг. И вспомнишь слова А. П. Чехова: *«Если каждый человек оставит после себя сад — как прекрасна будет земля!»*. Перестройщик предлагал: *«Земли, свободы беритя — сколько хотитя!»*. Дачи росли быстро, облагораживая вокруг земли, тайгу и пойму рек. И появились на участках новые сорта плодовых кустарников: барбариса, жимолости, ирги. Председатель Мегионского поселкового совета А. А. Симаков однажды советовался о плодовых культурах с нашим отцом Д. В. Шлябиным, последние 22 года работавшим в лесничестве. Отец посоветовал: *«Андрей Андреевич, везите из Тобольского питомника самое большое разнообразие культур, жизнь, опыт, климат оставит то, что выживет. В этом эксперименте с удовольствием будут трудиться тысячи семей. Даже плохой опыт — это тоже опыт!»*. Через неделю в город на станцию Высокий прибыл в вагоне столь желанный груз: облепиха, малина, смородина и многие другие культуры. Были и сирень, и вишня, и даже районированный сорт яблонь — Сибирская ягодная — её часто зовут Райская. Первые кусты сирени зацвели у Сироткина и Зыряновых. За три десятка лет из всех культур лучше всего себя зарекомендовала сирень Венгерская. Любитель садовод А. Головин писал в журнал «Приусадебное хозяйство»: *«Сады должны двинуться на Север. Вёл опыты — получалось...»*. Правда, жаль, этот увлечённый человек уехал на Урал ради этой работы и опыта, там возможностей побольше.

Да, в нашем районе среднегодовая температура минус 7. Холодные почвы лишают урожая на 70%. Но климат за полвека заметно потеплел на 2-3 градуса. И это сильно повлияло на растительность. Обычны стали грибы белые — берёзовики — в тайге и даже в пойме по гривам леса. В тайге стал обычным груздь настоящий. Сейчас любители собирают их порою ведрами, как когда-то в пойме — тополёвые. У меня в усадьбе, на берегу реки Меги, растут четыре липы, посаженные в 1978 г. Выросли из веточек с корнями, которые я привез из-под Тюмени. Сейчас это огромные деревья, цветут 3-5 дней с 20 по 25 июля. Удивительно: всегда в этих числах, и на месяц позже, чем в центральной России. Всходы от семян редки, их раздаю друзьям. Деревья уходят на зиму без листвы, но с семенами на ветвях. Птицы питаются семенами по-

чему-то неохотно, даже прожорливые свиристели. Заметно на участках, с развитием дач, прибавилось снегирей, дубоносов, дроздов, но не скворцов... Улицы наших северных городов стали украшать деревья средних широт. В продаже есть всё: и огородные, и садовые культуры. Возможно, потепление климата на 2-3 градуса позволяет районированным сортам выживать. Клён принимает кустарниковую форму. Дубки растут плоховато, но многое выживает. Всё же и это радует!

В 10 лет мальчиком я впервые на родине матери под Минском видел богатство садов Белоруссии и сада нашего деда. Яблоки, вишни, сливы, груши — бери, срывай с ветви — кушали со старшими братом и сестрой вдосталь. Среди этого никогда не виданного нами изобилия фруктов ароматнейшие яблоки: Штрифель, чудесный Белый налив, Пепин шафранный, Грушовка, Папировка и другие. И осенние: Антоновка, Апорт, которые поесть не удалось — ещё не созрели. Эти сорта — настоящий Золотой селекционный фонд России. Растут и плодоносят эти яблони на большей территории бывшего Советского Союза. Саженьцы скороплодных сортов, таких, как Богатырь, начинают плодоносить на второй-четвёртый год жизни. Их плодоношение при должном уходе длится до 50 лет. Старые сорта яблонь жили долго, некоторые иногда до 100 лет. Среднеплодные и поздноплодные яблони начинали плодоносить через 10-15 лет. Но ожидание стоило того. Абсолютно все сорта яблонь советского периода давали плоды с яркой, запоминающейся палитрой вкусов. В современных сортах яблок этого почти нет.

Во время оккупации немцы вырубали много плодовых деревьев в дедушкином саду, сад истоптали танками. Мать с отцом встретились после войны в 1947 г. Молодые по добромому обычаю заново отсадили многое в саду. Отец выучился прививке, то есть созданию культурных сортов. Конец войны он встретил в Прибалтике, много хорошего говорил о трудолюбивом народе Литвы и Латвии, обухоженных яблоневого сада (литовск, *содис оболис*) без заборов, о том, как быстро стали понимать этот мягкий красивый балто-славянский язык. Многим солдатам казалось, что они когда-то говорили на этом подзабытом древнем языке... А некоторые даже научились сносно говорить, особенно с девушками...

Отец нашей мамы, М. И. Линник, кадровый военный, офицер-кавалерист, обучал военному делу и джигитовке кавалерийские части военного городка Марьино Горка. Рассказывал маме, что есть вотяки, а далеко за Уралом живут остяки. Так эти остяки все стреляют, как снайперы — белке в глаз. Судьба поносила родителей: работали в пчеловодстве, со ссыльными немцами в тайге, в геологии, и оказались в краю первозданном с прекрасным народом хантами, или остяками. Как будто отец нашей маме напорошил. Работали и в сельском хозяйстве. Богатство даров леса, нашей природы — богатые витаминами ягоды, а их всегда было много, сейчас поубавилось. Заготавливали люди это добро на зиму ведрами. Богатая белками мясная пища, рыбная фосфором и кальцием, дары леса витаминами, а с 1960 г. фрукты в продаже — всё это создавало у сибиряков хорошую эмаль зубов. Это объективное мнение дантистов. Пробовали мы в 1970 г. вырастить из семян магазинных яблок деревца, но чаще они гибли, вымерзали. С 1990 г. я приобретал саженцы, цвет радовал, но всё это были мелкоплодные яблоньки для души, горьковатые на вкус, плоды для птиц. Но мне выдался случай! Однажды в проулке я увидел два проростка яблони по пять красноватых листочков. Пересадили с женою их в огород, и через 5 лет на деревцах появились крупные розовые бутоны, а в сентябре мы пробовали плоды до 3-4 см. Года три плоды крупнели, а в 2016 г. после наводнения деревцо дало 7 ведер красно-желтых яблок. В одно ведро собрали плоды размером за 5 см. С каждым годом их вкус улучшался. Часть яблок употребили свежими, часть раздали друзьям. Варенье не варим, одно ведро заморозили.

Зрелые коричневые семена лучших плодов, посаженные в землю осенью, взошли летом, из своего уже материала, с сестрой на её участке рядом, разбили сад! На седьмой год все деревца благоухали цветами, собирая шмелей и других насекомых. Какие будут яблочки? Любопытству не было предела... Лето показало. И в кого они только уродились? Разнобой полный! Литература поясняет, что при свободном опылении практически будут новые сорта, и все они будут мелкими дичками. Культурные сорта прекрасно прививаются черенками на Сибирскую ягодную. У старой яблони после хорошего урожая многие сучья надтреснули от ствола под тяжестью плодов. Вспомнил рассказы матери, что дед

подставлял колья-рогульки под сучья. Летом пришлось спасать многие сучья молодого деревца, созданного уже с помощью прививки. Три ведра яблок — всё-таки вес. Зимние морозы почки переносят неплохо, не иссыхают зимой, нет оттепелей — нет ранней вегетации. И всё же древесина веток при срезе кремового цвета — действие мороза. Но растут — прирост до 50 см.

Моё детство прошло в селе, пришлось собирать и урожай огорода, и ягоды, и грибы, и кедровые шишки, на делянах лесничества и сосновые. Всё это доставляет радость и восторг, но сбор яблок, да в корзину (а она наполняется так быстро), да сбор семьёй — это особенное чувство! Сколько образов, связанных с яблочком, создано народами, начиная от змия-совратителя (отдельно ему спасибо), и в сказках, мифах, в песнях! Невольно, как в сказке, к яблоньке начнешь обращаться, как к живой — как приговаривал наш земляк дядя Вася: *«Спасибо, Ужмариня, отдыхай до весны!»*. Со временем все деревца в саду приобретают имена. Первая не иначе как Галатей. Есть в саду Маша, Валяша, так удобнее. Все они разные: и по форме, и по цвету, и по вкусу. Есть особенность наших сибирячек — при морозе минус 10, минус 13 замороженные плоды оттаивают и опять на ветвях свежие, также и сорванные не мягчают. Возможно, препятствует большое содержание витамина С, как и в северных ягодах. Правда, плотная кожура слабо пропускает аромат. Сохраняем отлично, как ягоды и грибы в морозилке. *«Морозильные молодильные»* — так шутят друзья. Таковы наши «молодильные» яблоки, раз душа поёт, молодеет — значит, молодильные! В школьные годы мы с другом ханты на уроке пения шкодили. Вместо слов *«Утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести»* я пел *«на Меге»*, а Витя Сарманов, что *«на Сайме будут яблони цвести»*. Вот сила слова! За Саймой у гостиницы «Адрия» на месте бывшей тайги разбит дизайнерами прекрасный сад яблонек. И четыре яблони, выращенные мною с женой, украшают подворье мегийского храма, что построен на берегу Саймы. А на берегу реки Меги, на которой стоит Мегийон, мы с другом экологом Азатом Анваровичем Зубайдуллинским переселили в парк Аллея Славы пять яблонек. Планету Марс оставим мечтателем — Землю ценить и беречь надо нам!!! Мне ближе этот совет А. П. Чехова.

Три года назад в начале июня озимок-снег погубил цвет моих яблонь, яблоки не родились — родились эти строчки:

Мир цветущий чернящая туча
Придела вдруг в белый наряд,
Облепила, закутала снегом,
Дерева, как невесты стоят.

И других в мире красок уж нет —
Был зелёным минуту назад!
Кедры, сосны, березы и ели —
Все белы, словно яблоней сад...

Но подмёрз и внезапно осыпался
Наших северных яблонек цвет.
Снег растаял — забыли про озимок...
Но зелёных яблочек нет!

Не нальются плоды нежной силою,
Не краснеть им зимой у ветвей.
Взор порадуют кисти рябины
Да, под цвет им, семья снегирей!

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Любовь Васильевна, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Асеева Адавият Салаватовна, аспирант 1-го года обучения кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Будаева Виолетта Владимировна, хранитель музейных предметов МБУ «Нижевартовский краеведческий музей им. Т. Д. Шуваева», г. Нижневартовск

Думенко Татьяна Геннадьевна, писатель, краевед, г. Нижневартовск

Ибраева Расима Аламетдиновна, научный сотрудник МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр», г. Мегион

Иванова Галина Валерьевна, заведующая сектором учета МБУ «Нижевартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева», г. Нижневартовск

Кашина Лина Дмитриевна, краевед, г. Мегион

Кислухина Ирина Анатольевна, доктор экономических наук, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и право», филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», г. Нижневартовск

Косполова Людмила Анатольевна, ведущий архивист, Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Государственный архив Югры», г. Ханты-Мансийск

Лексина Нина Ивановна, ветеран педагогического труда РФ, член Союза писателей России, г. Нижневартовск

Мадьярова Мария Николаевна, главный библиотекарь научно-методического отдела БУ «Государственная библиотека Югры», г. Ханты-Мансийск

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Новоселова Ольга Евгеньевна, специалист по учету музейных предметов МБУ «Нижевартовский краеведческий музей им. Т. Д. Шуваева», г. Нижневартовск

Самоловова Людмила Олеговна, главный библиотекарь отдела использования и хранения фондов Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменская областная научная библиотека им. Д. И. Менделеева», г. Тюмень.

Сарьянова Роза Шавалиевна, ветеран педагогического труда РФ, член литературного объединения «Замысел», Нижневартовск — Москва

Сидорова Юлия Андреевна, главный библиограф отдела краеведения, Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тюменская областная научная библиотека имени Д. И. Менделеева», г. Тюмень

Силаева Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Струсь Владимир Филиппович, краевед-исследователь, г. Ханты-Мансийск

Телегина Лариса Леонидовна, Почётный работник общего образования РФ, ветеран труда РФ, г. Нижневартовск

Ульянов Егор Александрович, студент 4-го курса гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Хозяинова Ольга Владимировна, архивист отдела использования и публикации архивных документов КУ ХМАО — Югры «Государственный архив Югры», г. Ханты-Мансийск

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник МАУ «Экоцентр», г. Мегион

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Шлябин Дмитрий Дмитриевич, краевед, г. Мегион

ДЛЯ ЗАМЕТОК

